

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 4(30)

октябрь – декабрь

2020

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

Размышления о человеке эпохи глобализации	
<i>П. А. Горохов</i>	12
Проблемы самоидентификации человека в кибернетическом обществе	
<i>А. Н. Городищева, А. В. Городищев</i>	29
Интернет-зависимость как глобальная проблема современности	
<i>А. Л. Крайнов</i>	38
К онтологии искусственного интеллекта	
<i>Ю. М. Малышев</i>	46
Актуализация методологических подходов к изучению мышления и креативности	
<i>Д. Н. Боровинская</i>	60
Диалог и коммуникация цивилизаций как современная философская проблема	
<i>Ш. А. Зейналов</i>	73
Оценка сильной версии концепции постиндустриального общества	
<i>О. К. Трубицын</i>	83

Объявления

Итоги Восьмой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества»	104
---	-----

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	106
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10

Philosophy of Information Society

The Globalization Era: Reflections on the Person	
<i>P. A. Gorokhov</i>	12
Problems of Human Self-Identification in a Cybernetic Society	
<i>A. N. Gorodischeva, A. V. Gorodishev</i>	29
Internet Addiction as a Global Problem of Our Time	
<i>A. L. Krainov</i>	38
On the Ontology of Artificial Intelligence	
<i>Y. M. Malyshev</i>	46
Actualization of Methodological Approaches to the Study of Thinking and Creativity	
<i>D. N. Borovinskaya</i>	60
Dialogue and Communication of Civilizations as a Modern Philosophical Problem	
<i>S. A. Zeynalov</i>	73
Evaluation of a Strong Version of the Post-Industrial Society Concept	
<i>O. K. Trubitsyn</i>	83

Announcements

Results of the Eighth International Conference “Philosophy and Culture of Information Society”	104
--	-----

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules.	106
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

23.00.00 – политология;

24.00.00 – культурология.

Журнал выходит четыре раза в год.

Главный редактор – доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович. Email: orlov5508@rambler.ru.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. Email: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Айдахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, Евразии и устойчивого развития Северо-Западного института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России) (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталия Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологии:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Четвертый выпуск журнала за 2020 год целиком посвящен проблемам философии информационного общества.

Доктор философских наук, профессор **П. А. Горохов** в статье **«Размышления о человеке эпохи глобализации»** подчеркивает, что в последние десятилетия для целых поколений людей компьютер и сеть превращаются в экзистенциальный фактор, а декартовская формула *cogito ergo sum* фактически трансформировалась в лозунг *online ergo sum*. Это ведет к формированию деперсонализированных индивидов, своеобразных «людей без свойств», лишенных каких-либо духовно-нравственных основ.

Продолжая анализировать эту тему в работе **«Проблема самоидентификации человека в кибернетическом обществе»**, доктор культурологии **А. Н. Городищева** и кандидат филологических наук **А. В. Городищев** показывают механизмы идентификации личности, заставляющие индивида постоянно находиться в поиске виртуального сообщества, которое позволяет ему сохранять свою идентичность. Параметры идентификации личности в кибернетическом обществе, как отмечают авторы, сосредоточены в виртуальном пространстве и имеют нечеткие, подвижные границы. В публикации кандидата философских наук **А. Л. Крайнова** **«Интернет-зависимость как глобальная проблема современности»** проблема интернет-зависимости поставлена по своей значимости в один ряд с экологической, демографической и техногенной проблемами общества. Помочь ее решению могли бы меры, предпринимаемые на государственном уровне. Кандидат философских наук **Ю. М. Малышев** обсуждает онтологию искусственного интеллекта и предлагает рассматривать его разработку как составную часть мировоззренческого проекта русского космизма (статья **«К онтологии искусственного интеллекта»**).

В статье **«Актуализация методологических подходов к изучению мышления и креативности»** кандидат философских наук **Д. Н. Боровинская** анализирует возникающие в этой области исследования новые методологические подходы, которые успешно интегрируются в целостном междисциплинарном подходе. Сотрудник Института Философии Национальной Академии Наук Азербайджана, доктор философии **Ш. А. оглы Зейналов** в работе **«Диалог и коммуникация цивилизаций как современная философская проблема»** заостряет внимание на том, что человеческий мир – это исторически сложившаяся система коммуникаций, и для обеспечения будущего цивилизации эту систему необходимо настроить на диалог во всех сферах развития общества.

Кандидат философских наук доцент **О. К. Трубицын** в статье **«Оценка сильной версии концепции постиндустриального общества»** продолжает развивать тему, уже затронутую им в предыдущем выпуске журнала – № 3 (29) за 2020 год (публикация **«Критерии выхода общественного развития на стадию постмодерна»**). В новой статье на материале экономической статистики обоснована мысль, что современное состояние постиндустриального общества

будет правомерно понимать как усиление информационной специализации развитых стран в рамках международного разделения труда, но пока еще не как глубокую революционную перестройку научно-технической и социально-экономической сфер, приводящую к выходу цивилизации на новый, посткапиталистический уровень развития.

Этот выпуск журнала – тридцатый, можно сказать – юбилейный. Хочется выразить признательность всем нашим читателям, авторам, членам редакционного совета и редакционной коллегии. Мы постепенно движемся к более глубокой и целостной теоретической картине, описывающей информационное общество. Этот путь исследований только начинается, и мы вместе со многими гуманитариями тоже пытаемся внести сюда свой вклад. На пути осмысления постоянно меняющегося современного общества – постиндустриального, информационного, цифрового – наверняка еще предстоят открытия, сопоставимые по масштабам с концепциями Адама Смита, Карла Маркса, Макса Вебера и других великих социальных мыслителей прошлого.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.324.8

Размышления о человеке эпохи глобализации*

Горохов Павел Александрович – Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор кафедры гуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, доктор философских наук, профессор, Оренбург, Россия.

Email: erlitz@yandex.ru

SPIN: 9090-4375

Авторское резюме

Состояние вопроса: Анализ духовного и физического развития человека в эпоху глобализации редко становился предметом философского рассмотрения, несмотря на наличие работ, исследующих влияние глобализации на мировоззрение. Заслуживают внимания, в частности, классические и постмодернистские философские идеи об актуальном и потенциально возможном облике человека, воздействующие на формирование человека «сетевого».

Результаты: За последние три десятка лет сформировалось целое поколение людей, для которых компьютер и пребывание в сети стали экзистенциальным фактором. Великая формула Рене Декарта *cogito ergo sum* трансформировалась ныне в постмодернистский лозунг *online ergo sum*. Индивидуальное и социальное бытие оказались настолько тесно связаны с сетевой реальностью, что подлинные человеческие чувства оказались вытесненными и забытыми. Живое человеческое общение превратилось в симулякр сетевого присутствия. Интернет – великое изобретение, но используется оно не столько для благородной цели объединения людей и их духовного самосовершенствования, сколько для примитивизации культуры и аннигиляции подлинной человечности.

Область применения результатов: Результаты исследования могут быть использованы для преподавания специальных курсов по философской антропологии, социальной философии, философии техники, истории философии.

Выводы: Трансформация «человека разумного» в «сетевого человека» стала возможной и безмерно облегчилась в эпоху глобализации, когда стираются границы и насильственно уничтожаются уникальные социокультурные различия. Агрессивная политкорректность и насильственно навязываемая толерантность являются неизбежными и деструктивными

* © П. А. Горохов, 2020.

чертами глобализации, всячески внушаемыми «сетевому человеку». Большинство живущих в сети людей так и не становятся личностями, превращаясь в деперсонализированных индивидов и «людей без свойств», лишенных духовно-нравственных основ.

Ключевые слова: интернет; «сетевой человек»; философская антропология; «человек разумный»; духовность; личность; актуальное и потенциальное бытие; глобальные проблемы.

The Globalization Era: Reflections on the Person

Gorokhov Pavel Alexandrovich - the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg, professor of the department of humanities, mathematics, socio-economic and natural sciences, Doctor of philosophy, professor, Orenburg, Russia.

Email: erlitz@yandex.ru

Abstract

Background: Analysis of the spiritual and physical development of a person in the globalization era has rarely become the subject of philosophical research, despite the existence of works that investigate the impact of globalization on the worldview of a person. The article analyzes classical and postmodern philosophical ideas about the actual and potential image of a person and shows their impact on the formation of the “network” person.

Results: Over the past three decades, a whole generation of people has formed for whom the computer and being on the network have become an existential factor. René Descartes’ great formula “cogito ergo sum” has now been transformed into the postmodern slogan “online ergo sum”. Individual and social existence turned out to be so closely connected with the network reality that genuine human feelings were repressed and forgotten. Live human communication has become a simulacrum of network presence. The Internet is a great invention, but it is used not so much for the noble goal of uniting people and their spiritual self-improvement, as for the simplification of culture and the annihilation of true humanity.

Research Implications: The research results can be used to run special courses in philosophical anthropology, social philosophy, philosophy of technology, history of philosophy.

Conclusion: The transformation of “Homo sapiens” into the “network person” became possible and much easier in the era of globalization, when borders are blurred and unique sociocultural differences are forcibly destroyed. Aggressive political correctness and forcibly imposed tolerance are inevitable and destructive features of globalization, which are strongly suggested to the “network person”. Most of the people living in the network never become personalities, turning into depersonalized individuals and “people without character traits”, devoid of spiritual and moral foundations.

Keywords: Internet; “network person”; philosophical anthropology; “Homo sapiens”; spirituality; personality; actual and potential existence; global problems.

Современный западный мир именуют по-разному: постинформационное общество, общество метамодерна, глобализирующееся общество. Тем более невероятно сложно дать дефиницию того общества, которое сложилось в современной России. Как бы то ни было, за последние три десятка лет все человечество пережило судьбоносные перемены, навсегда поменявшие ход его истории и трансформировавшие сложившийся веками уклад человеческого бытия. Видимо, сам «человек разумный» переживает ныне невиданные ранее изменения, которые кардинальным образом преобразуют его физическую и духовную природу как биосоциального существа.

В этой статье мы размышляем над современными духовными и физиологическими трансформациями «человека разумного», осуществляющимися в эпоху глобализации по преимуществу в недрах западной цивилизации, и над тем, к чему эти изменения могут привести в самое ближайшее время и в отдаленной перспективе.

В прекрасном фильме Саввы Кулиша «Мертвый сезон» (1968) о работе советской разведки в разгар холодной войны один из персонажей – нацистский преступник, ученый и врач с говорящей фамилией Хасс (по-немецки Hass – ненависть) – рассуждает о своем идеале «грядущего человека», которого он надеется создать с помощью изобретенного им химического оружия – газа RH.

Хасс говорит: «Это будет общество людей новой породы. Потому что, стоит только впрыснуть одну десятитысячную грамма RH самому неповоротливому человеческому существу, как оно мгновенно ощутит огромное интеллектуальное могущество. Вот вам и решение всех проблем. Нет больше ни богатых, ни бедных, – есть только элита. Живущая в Новом Эдеме: мыслители, поэты, учёные... Работать будут представители неполноценных рас, прошедшие специальную психохимическую обработку. Но в совершенно иных дозах. Причём, на этом пути открываются возможности, поистине сказочные. Во-первых, эти люди по-своему счастливы, поскольку они начисто лишены памяти. Они отрезаны от какой бы то ни было информации извне. Ведь от чего люди страдают больше всего? От сравнений. Кто-то живёт лучше, кто-то талантливее, кто-то богаче, кто-то могущественнее. А человек, прошедший психохимическую обработку, будет радоваться, непрерывно. Радоваться, что ему тепло, что помидор – красный, что солнце светит, что ровно в два часа, что бы ни случилось, он получит свой питательный бобовый суп, а ночью – женщину. При условии, что он будет прилежно трудиться. Ну, разве это не милосердно?»

А дальше RH сможет создавать определённые типы служебного человека. Как это мудро сделала природа в улье, муравейнике. Представьте: человек-ткач, человек-пекарь, человек-шофёр. Причём, у него нет никаких других потребностей, никакого комплекса неполноценности. Человек-робот, ни о чём не думает, всегда доволен, и он – размножается, производит себе подобных!» [16].

Если в 60–70-е годы эти слова звучали как научно-фантастический бред фашиствующего интеллектуала, то в нашу абсурдную эпоху глобализации, политкорректности и толерантности идеи такого рода получили развитие в философской теории и практике трансгуманизма. Трансгуманисты верят, что качественное улучшение человеческого тела по сути положит начало новому этапу эволюции «человека разумного». И тогда евгеника, о которой мечтали национал-социалисты, покажется безобидной фантазией. Если применить судьбоносные достижения генной инженерии, робототехники и разнообразных биотехнологий, ставшие реальностью за последние два десятка лет, то человечество уже в ближайшем будущем сможет преодолеть ограничения, заложенные в нём как в биологическом виде. И это не просто фантазия или голое прожектерство, ибо еще в 1997 году была создана Всемирная трансгуманистическая ассоциация, сменившая в 2008 году свое название на «Humanity +».

Современный трансгуманизм не отрицает и даже всячески приветствует потенциальное пребывание человеческого разума в виртуальном пространстве, а в идеале идеологи и практики трансгуманизма мечтают о слиянии человеческого разума и компьютера. Подчеркнем, что интернет – великое изобретение, но сегодня оно используется не столько для благородной цели объединения людей и их духовного самосовершенствования, сколько для примитивизации культуры и аннигиляции подлинной человечности. Увы, большинство людей пользуются всемирной паутиной не для того, чтобы совершать виртуальные экскурсии по Лувру или Эрмитажу, пользоваться сокровищами Библиотеки Конгресса США или Российской Государственной библиотеки.

В последнее время сформировалось целое поколение людей, для которых компьютер и пребывание в сети стали экзистенциальным фактором. Великая формула Рене Декарта *cogito ergo sum* трансформировалась ныне в броский слоган *online ergo sum*.

Действительно, индивидуальное и социальное бытие оказались настолько тесно связаны с сетевой реальностью, что подлинные человеческие чувства оказались вытесненными и забытыми. Живое человеческое общение обратилось в симулякр сетевого присутствия, душевный разговор – в чат, а продуктивная творческая работа учителя и ученика, преподавателя и студента, неизбежно предполагающая полноценную обратную связь, еще до пандемии во многих университетах превратилась в суррогат дистанционного обучения.

Трансгуманисты утверждают, что их цель благородна – избавить человека разумного от присущей ему агрессивности. Но уже давно отмечено – не только философами, но и прозорливыми фантастами (вспомним хотя бы роман «Возвращение со звезд» великого писателя и мыслителя Станислава Лемма) – что здоровая агрессивность как форма бытийной энергии жизненно необходима для развития человеческой цивилизации, а ее утрата приводит к деградации и торжеству энтропии. Л. Н. Гумилев, как известно, называл такую жизненную энергию пассионарностью.

Агрессивность – неотъемлемое свойство человека. Видимо, наш отдаленный предок, покрутив в руке знаменитую «палку-копалку», сначала разможил ею голову своему собрату, а потом вырыл для него яму, дабы скрыть содеянное. Увы, любое техническое новшество человек сначала использует для уничтожения себе подобных или обретения господства над ними. Порох сначала применили для войн, а уж затем для прокладки горных дорог и постройки шахт. Сначала создали атомную бомбу, а уж затем – ядерный реактор для атомных электростанций. Как констатировал Ф. Ницше, все это «человеческое, слишком человеческое». Кант недаром писал, что человек сделан из «столь кривой тесины», что сделать что-либо прямое из него нет никакой возможности [13, с. 19]. Гегель, подобно Канту, утверждает в «Философии религии» следующее: «Человек... зол сам по себе, зол во всеобщем смысле, глубинах своего внутреннего духа, просто зол, зол в своей внутренней глубине...» [7, с. 266]. С этими мыслями великих немецких идеалистов можно не соглашаться, но не принимать их в расчет было бы большой ошибкой.

Предельное выражение зла, которое один человек может причинить другому, – убийство, в том числе и убийство на войне, выступающей предельной формой социального зла. Современное человечество во многом забыло ужасы войны. К сожалению, для многих современных политиков война – это род компьютерной игры или занятой анимации. Может быть, сидя в бункере, войну можно воспринимать и так. Но для людей, над головами которых вырастает ядерный гриб и которые сгорают заживо, война остается тем, чем она была на протяжении всей человеческой истории – страшной индивидуальной и социальной трагедией.

О необходимости «вечного мира» философы рассуждали часто, хотя политики предпочитали не прислушиваться к ним. Скажем, поздний трактат И. Канта, написанный в форме потенциального международного договора, современники сочли причудой стареющего мудреца. А ведь это была эпоха страшной и великой Французской революции, которая породила череду европейских войн и первую попытку насильственного объединения европейских народов под властью универсального гения Бонапарта.

По сути, наполеоновская попытка создания всемирной революционной империи была своего рода глобализацией. Ранее мы писали: «Кант доказывал, что человек, появляющийся как феноменальное творение природы, тем не менее преодолевает естественную обусловленность своего бытия и осознает свою принадлежность не только пространству чувственно воспринимаемых явлений, но и миру умопостигаемых идей, открывая для себя внеприродную причинность императивов должного. Трактат «К вечному миру» закономерно развивает эти идеи. Осознание необходимости мира на земле – императив должного. Должное, понимаемое как предполагаемое необходимое и желанное сущее, проявляется во взглядах и представлениях людей о совершенном образе жизни» [9, с. 188–189].

Гегель в свою великую эпоху еще мог видеть в войне ряд положительных моментов, считая, вслед за Гераклитом, что война способствует развитию

творческих потенций народа. Гегель, не закрывая глаза на негативные стороны войны, полагал, что войны способствуют установлению сильной власти и оздоровлению общества: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира» [6, с. 360].

Во времена Гегеля не было оружия массового поражения, способного уничтожать не только вражеские армии, но мирное население. Кант в этом отношении оказался во многом прозорливее Гегеля, требуя окончательного и бесповоротного прекращения войн – если человечество не хочет оказаться на гигантском кладбище. Тем более для Канта война является прямым нарушением нравственной оценки человека как самоцели. Поэтому никакой войны не должно быть. И все же Гегель был гуманистом, искренне считавшим, что человек воспитывается для свободы. Как представитель немецкого идеализма, он всю свою великую систему построил для достижения благородной цели – человеческой свободы.

Для Гегеля человек – дух, а «дух существует только как единичное действительное сознание» [8, с. 431], отмечает мыслитель в «Эстетике». В «Философии истории» он пишет: «Человек является целью в себе самом благодаря своему божественному началу» [4, с. 33]. У Гегеля, понимавшего и отстаивавшего всю безмерную глубину и сложность человека, онтология была неразрывным образом связана с антропологией. Не бездушный автомат, не винтик грядущего общества потребления – отнюдь не таким предстает человек в философии Гегеля. В «Истории философии» он постулирует: «Человек обладает бесконечной ценностью» [5, с. 86].

Гегелевское понимание человека как творящего духа оказало влияние на всю последующую историю философии, причем на мыслителей, совершенно разных по своим духовным интенциям. Например, Карл Ясперс писал: «Человек – существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть... Он существо, которое не может быть полностью познано как бытие, но еще свободно решает, что оно есть: человек – это дух, ситуация подлинного человека – его духовная ситуация» [20, с. 289–290].

В XX столетии понимание человека как духовного существа претерпело радикальные изменения. Постмодернизм как условная общность философских воззрений глобализирующегося Запада внедряет в массовое сознание свой образ человека. Главным объектом критики в работах постмодернистов выступают именно *homo sapiens* и гегелевское понимание человека как бесконечной ценности. Например, Жиль Делез подверг критике концепцию самосознания человека. Еще до модификации великого принципа Декарта, предпринятой в сетевую эпоху и о которой мы писали выше, постмодернистами была создана такая формула: «Я говорю – следовательно, я существую». Творческая и созидаящая мысль заменяется простым «говорением». Человек,

таким образом, уравнивается с попугаем, который тоже весьма искусно подражает человеческой речи, но вряд ли понимает ее.

Принцип классической философии, сформулированный Спинозой и развитый Гегелем и Марксом, – понимание свободы как осознанной необходимости – давно сдан постмодернистами в архив. В своей критике «человека разумного» постмодернисты стремились создать собственную антропологию. Кирпичиком такой антропологии стал эгоистичный человеческий индивид, делающий лишь то, что ему необходимо в данный момент времени, совершенно не считаясь с другими. Последовательно воспевается атомизация общества и его фактическое разрушение.

Человек для постмодернистов – «культ непосредственного». Для любого человека «нет ничего более бесчеловечного, чем прямая линия» [14, с. 916]. Разум и логика объявляются главными врагами человека. Последовательно отрицается универсализм в человеке, причем основное внимание уделяется чисто материальным потребностям и претензиям в жизни. Если глубоко чтивший Гегеля марксист В. И. Ленин говорил в речи о задачах союзов молодежи, что «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [15, с. 302], тем самым настаивая на стремлении к универсальности и безграничности человеческого духа, то именно постмодернисты во многом виновны в современной ситуации всеобщей бездуховности, превознесении сугубо материального начала в индивидуальном и социальном бытии.

Собственно говоря, когда бывший министр образования России А. Фурсенко еще в 2007 году укорил советскую систему образования в том, что она, дескать, формировала человека-творца, «а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [17], он не только обнаружил свою подлинную сущность, но и продемонстрировал, что во многом осуществляет стиль мышления постмодернистов.

Ведь даже цель этики постмодернистов состоит в принижении, развенчании и отрицании добра в человеке. В мире уже давно идет процесс размывания здоровых человеческих отношений, основанных на любви, дружбе и доверии. Искренность человеческих чувств целиком и полностью отрицается большинством постмодернистов. Видимо, это – духовный и этический апофеоз общества потребления.

Например, Деррида так и не смог признать и поверить, что человек часто может действовать бескорыстно. Он считал, что любой подарок, служащий выражением искренних и добрых чувств, можно сравнить с «фальшивыми монетами». Все дело в чувстве признательности, неизбежно возникающем у принимающего подарок, и в том ощущении удовольствия, которое испытывает тот, кто подарок дарит. Итог путаных рассуждений Деррида можно свести к следующей формуле: «Сущность подарка аннулирует подарок».

Постмодернизм стремится обосновать и способствовать созданию антропологического типа, характерного для глобализирующегося общества. Идеальный человек эпохи глобализации – это космополит, совершенно

свободный от всяческих традиций, правовых и моральных норм, традиционной культуры. Чувство любви к Родине для него, тем более, нереально и даже смешно. Главная ценность для такого человека нового типа – собственные инстинкты, а единственным смыслом жизни является немедленное следование зову этих инстинктов. В терминологии Деррида такого человека именуют «шизоид». И такой индивид превыше всего в жизни ценит именно потребление.

Постмодернисты, как правило, принимают методологическое допущение, согласно которому человек является деперсонализированным индивидом, «обратимым» шизофреником. Более того, сама шизофрения объявляется «творческой нормой» общественной жизни людей. Рассуждают о шизоанализе как разновидности деконструктивизма Деррида в антропологии. И такие интеллектуальные игры деконструируют не только сознание, но и структуры бессознательного. В результате природа человека окончательно релятивизируется, а современное пребывание в сети, становящееся для многих перманентным, лишь укрепляет этот духовный и нравственный релятивизм.

Из трактовки человека осознанно изгоняется именно Человеческое. Постмодернисты создают собственный суррогат, при внимательном рассмотрении оказывающийся вульгарной похабщиной. Впрочем, Делез пишет об этом открыто: «Все, что пишется – ПОХАБЩИНА» (то есть, всякое зафиксированное или начертанное слово разлагается на шумовые, пищеварительные или экскрементальные куски» [11, с. 114]. Как говорится, без комментариев, *sapienti sat*: случай клинический.

Именно безумие или отсутствие смысла начинают все чаще выдавать за глубокомыслие в эпоху глобализации. Ситуация все чаще напоминает великую сказку Г. Х. Андерсена «Новое платье короля» и уж тем более пьесу Е. Шварца «Голый король». На выставках и в художественных галереях «знатоки» рассуждают о смысле творений психически больных художников и скульпторов, с умным видом разглядывая «икебаны» из консервных банок и коровьего навоза, а умные люди предпочитают помалкивать, ибо не хотят плыть против течения и даже готовы найти смысл во всякой бессмыслице – тем более, если за авторитетное мнение платят хорошие деньги.

Впрочем, некоторые постмодернисты были способны высказывать вполне здравые суждения. Жан Бодрийяр написал еще в 1986 году философско-художественное эссе «Америка». В этом произведении некий странник-философ путешествует по огромной стране и становится очевидцем дегуманизации среды обитания и деформации истинно человеческих чувств. Герой отмечает, что американские города напоминают «нечеловеческие черты внеземного объекта». Созданы эти обезличенные и лишённые истории города некоей «транссексуальной капиталистической надменностью мутантов» [21, с. 307].

Эти мысли Бодрийяра согласуются со словами Мартина Хайдеггера, который еще в 1966 году в интервью журналу «Шпигель» высказал свою тревогу и страх перед дегуманизирующей человека техникой таким образом: «Я не знаю, испугались ли Вы, – я, во всяком случае, испугался, когда недавно смотрел фотоснимки Земли, сделанные с Луны. Даже атомной бомбы нам не

нужно, искоренение человека уже налицо. У нас теперь сохранились лишь технические отношения. То, где человек живет теперь, – это уже не Земля» [23, с. 84]. Сегодня, когда смартфоны стали для большинства людей важнейшим экзистенциальным фактором, эти мысли Хайдеггера кажутся пророческими.

Здесь Хайдеггер в полной мере разделяет опасения великого Гёте по поводу чрезмерного технического прогресса, лишённого разумной необходимости и моральной составляющей. Это хорошо понял Р. Рорти, когда отметил следующее: «Гёте, Киркегор, Сантаяна, Уильям Джеймс, Дьюи, поздний Витгенштейн и поздний Хайдеггер являются фигурами такого сорта. Они часто обвиняются в релятивизме или цинизме. Они часто сомневаются в прогрессе, и особенно относительно самых последних заявлений о том, что такая-то и такая-то дисциплина наконец-то сделала природу человеческого познания столь ясной, что разум теперь распространяется на всю человеческую деятельность» [18, с. 272].

Оборотная сторона прогресса ныне явственно видна, и выражается она, прежде всего, в расчеловечении самого человека – мировом зле, с которым столкнулось человечество в эпоху глобализации. Хайдеггер со страхом наблюдал этот начавшийся в то время процесс, который ныне идет полным ходом.

Ведь расчеловечение является формой социального и индивидуального зла. В работе «Отрешенность» Хайдеггер пишет: «Бездумность – зловещий гость, которого встретишь повсюду в сегодняшнем мире, поскольку сегодня познание всего и вся доступно так быстро и дешево, что в следующее мгновение полученное так же поспешно и забывается» [19]. В какой-то мере мыслитель возвращается к Платону, утверждавшему, что знание – это благо. Но Хайдеггер понимал, что есть знание, входящее в бытийственную основу личности, и есть информация как знание низшего порядка, которое обречено на скорое забвение. Тем более актуальны и верны эти наблюдения в нашу эпоху, когда человек в состоянии мгновенно получить интересующие его сведения из всемирной паутины и тут же благополучно забыть их. Налицо не только нравственный, но и гносеологический релятивизм, когда знание обесценивается до уровня повседневной информации из сводок новостей.

Вполне объяснима и пессимистичность оценок, данных Хайдеггером миру последней трети XX столетия и месту в нем человека. Видимо, для эпохи глобализации он нашел бы еще более суровые слова и нелюбезные оценки. Мыслитель в своих трудах намеренно акцентирует внимание на самых драматических сторонах человеческого бытия, чтобы люди серьезно задумались над фундаментальными проблемами своего существования. Но на наш взгляд философия Хайдеггера уже самим фактом обращения к жгучим проблемам социального бытия убеждает исследователей его творчества в том, что человек вполне способен успешно решать выдвигаемые жизнью задачи даже в нашу противоречивую эпоху, когда вновь «распалась связь времен» и под угрозу уничтожения поставлены базисные основания всей европейской культуры.

Многие мыслители, начиная с Платона, видели изъяны демократии. Видел их и Хайдеггер. Как и Ницше, творчеством которого он специально занимался, в демократии немецкий мыслитель увидел не торжество высшей и всеобщей справедливости, а лишь явственную опасность для существования самых лучших, талантливых и сильных духом людей [см.: 22, с. 538]. В торжестве «духа демократии» можно усмотреть, по Хайдеггеру, исток и явственные свидетельства кризиса Европы.

Ведь современная ситуация в Европе, когда в культурнейшие европейские страны – вследствие интеллектуальной и политической слепоты ее лидеров – хлынул поток чужеродной массы, не имеющей ни малейшего понятия ни об истории Европы, ни о самой демократии, ни – тем более – о западноевропейской культуре, но желающей в полной мере пользоваться материальными благами этой великой культуры, – такая ситуация является уже не предвестником, а явственным индикатором той «гибели Европы», о которой писал О. Шпенглер и не мог не размышлять Мартин Хайдеггер. Заметим, что в оригинале название труда Шпенглера “*Der Untergang des Abendlandes*” можно перевести не только как «Закат Европы», но и как «Гибель Запада». Западная цивилизация утратила, образно говоря, зубы и силу мускулов, а вместе с ними и совесть, и здравый смысл.

Запад в лице своего самопровозглашенного форпоста – США – после гибели Советского Союза предпринял невиданную прежде экспансию, осуществляя навязывание собственных ценностей и цивилизационных смыслов всему человечеству. По сути, такое агрессивное навязывание и представляет суть глобализации, которая может быть понята как цивилизационная война. Е. В. Дегтярев отмечает: «...формирование эффективных экспансионистских систем парадоксально по самой своей сути: чем актуально меньше факторов (ресурсов) для их успешного создания и функционирования, тем потенциально они успешнее. Кроме того, чем масштабнее цели, ставящиеся управленческой элитой (на первый взгляд, «не достижимые») в процессе создания экспансионистской системы, тем она эффективнее. Помимо этого, важнейшими духовными факторами, обеспечивающими успешность функционирования экспансионистской системы, являются «энергичность» соответствующего социума, его «предпринимательский дух», а также способность (своеобразный «талант») превращать выпавшие на его долю «минусы» в «плюсы» [см.: 10, с. 137–138].

Те же США, взявшие на себя роль флагмана всей западной цивилизации, добились невиданного материального могущества, но вот в плане духовного превосходства американской техногенной цивилизации возникают большие сомнения.

Автор этих строк придерживается точки зрения прекрасного историка философии, германиста А. В. Гулыги, который считал, что в наши дни подлинная культура возможна лишь как освоение традиции. Действительно, даже если не быть особыми пессимистами, на грустные раздумья о вырождении культуры навевают присужденные в последние годы Нобелевские премии по литературе. Если в XX столетии лауреатами этой премии становились

писатели, историки и философы, которых читал и до сих пор читает весь образованный мир (Теодор Моммзен, Генрих Сенкевич, Редьярд Киплинг, Ромен Роллан, Бернард Шоу, Борис Пастернак, Альбер Камю и другие великие творцы), то с наступлением нового столетия эта премия все чаще стала вручаться не за создание литературных шедевров, а за политическую, половую или социокультурную ангажированность.

Да простят меня искренние почитатели произведений Патрика Модiano, Светланы Алексиевич, Ольги Токарчук или Луизы Глюк, но не могу не высказать обоснованных сомнений, будут ли вообще читать их творения через несколько десятков лет. Автор этих строк, профессиональный филолог и историк, нисколько не сомневается в том, что Сартра, Пастернака и Бродского будут читать и через двести лет, а вот по поводу недавних нобелевских лауреатов такой уверенности нет ни у кого, кто хотя бы немного разбирается в литературе.

Полным ходом идет обмельчание тем, образов, художественных средств. Если вспомнить Юрия Олешу и его определение писателей как «инженеров человеческих душ», ставшее благодаря И. В. Сталину крылатым, то многих современных постмодернистов можно назвать «губителями человеческих душ». Мы считаем именно литературу, поэзию и философию величайшими духовными потенциями, которым сегодня угрожает полная аннигиляция, но в современную эпоху катастрофическим образом обмельчали и деформировались и живопись, и музыка, и архитектура.

Попытаемся представить физический и духовный облик человека эпохи глобализации, не только живущего, по большей части, в виртуальной реальности, но и даже предпочитающего ее реальности подлинной. Рискнем предположить, что физический облик нового человека будет отличаться от вида современных людей. Экологическая катастрофа и разнообразные пандемии (видимо, идущая сейчас полным ходом пандемия коронавируса отнюдь не будет последней) изменят рост, скелет и кожные покровы человека. И вряд ли в лучшую сторону.

Эпидемия коронавируса, если оставить в стороне конспирологические теории (хотя есть веские основания предполагать, что этот вирус создан в военных лабораториях), распространилась по миру такими сверхскоростными темпами именно в результате глобализации. Китайцы в конце 2019 года поехали в Италию на рождественскую распродажу и привезли, как и в начале XIV века, «подарок» для Италии и всей Европы. В XIV веке пандемию вызвала чума из Поднебесной – «черная смерть», а в XXI столетии – загадочный коронавирус.

Видимо, глобализации неизбежно будет сопутствовать антропный коллапс, который неизбежно изменит физиологию и психологию человека. Необратимые изменения окружающей среды могут привести к непредсказуемым и страшным мутациям. Если следовать теории Дарвина, то новый вид людей может возникнуть вследствие непрекращающейся биологической эволюции. Известно, что Томас Гексли (Хаксли) был последовательным адептом Дарвина. Этот ученый считал, что технический

прогресс будет способствовать тому, что люди станут хилыми, сутулыми, малорослыми, но зато с огромной головой – вместилищем объемного мозга, свидетельства значительного интеллектуального развития.

Интересно, что ученик Гексли – великий писатель и мыслитель Герберт Уэллс полностью разделял эти прогнозы как в своих научных работах, так и в романах «Первые люди на Луне» и «Война миров», где показал высокоразвитых разумных существ с мощным мозгом, у которых атрофировались не только пищеварительная и половая системы, но и нравственность.

Трудно сказать, насколько такие прогнозы верны. Нанотехнологии и уникальные хирургические операции уже сегодня позволяют продлить жизнь богачей с помощью замены многих органов, а в будущем успехи клонирования отдельных органов, о которых с уверенностью говорят сегодня ученые, переведут из разряда фантастики в обыденную реальность книги и фильмы о киборгах, то есть гибридах «естественного» человека и технических компонентов.

Что касается высокого интеллекта, то в типичном среднестатистическом западном индивиде зачатков сверхчеловека, о котором мечтал Ницше, пока не наблюдается. Напротив, средний образовательный и культурный уровень людей Запада неуклонно снижается. Интересно, что в США этот процесс явственно активизировался с 50-х годов XX столетия, когда после двух мировых войн из Европы хлынул поток иммигрантов, взявших на себя львиную долю интеллектуальной деятельности в стране. США стали настолько богатыми, а социальная сфера в стране настолько развилась, что у многих граждан исчез стимул к саморазвитию и профессиональному совершенствованию. Американцы стали меньше читать и учиться. Поэтому уже в 60-е годы американские педагоги, озабоченные массовым внедрением разнообразных тестов и исчезновением живого общения преподавателя и студента, бросили отчаянный клич «Нация в опасности!», но не были услышаны.

Ситуация повторилась в нашей стране, когда ни одного честного российского академика и профессора не спросили, нужно ли входить России в Болонскую систему и нужен ли вообще этот жуткий и абсурдный эрзац, именуемый ЕГЭ. Уже сейчас ясно, что последствия всех этих преступных экспериментов для интеллектуального здоровья нации являются катастрофическими.

А ведь в советскую эпоху наши соотечественники были самой читающей нацией. Преступная реставрация капитализма привела, помимо всего прочего, к катастрофическому снижению образовательного и культурного уровня. Можно сколько угодно критиковать советское телевидение, но в 70–80-е годы по воскресеньям в лучшее эфирное время показывали телеспектакли со сцен ведущих театров страны, а не пошлые ток-шоу, не дающие ничего ни уму, ни сердцу и лишь потакающие самым примитивным человеческим чувствам: зависти, злобе, нездоровому любопытству. Все это отнюдь не способствует процессу нравственного совершенствования.

В России вследствие определенных политических и социокультурных особенностей ее развития не привилась и, будем надеяться, никогда не привьется та безумная самоубийственная толерантность и агрессивная политкорректность, которые стали ныне неотъемлемой частью западной цивилизации и о которой так мечтают некоторые неадекватные либералы в нашей стране. В западных странах дело уже доходит до полного абсурда – в этом убеждает как деятельность ставшего окончательно террористическим движения Black Lives Matter, так и запрет книг Марка Твена, Уильяма Фолкнера и Маргарет Митчелл из-за присутствия в этих шедеврах неpolitкорректной лексики и нетолерантных сцен. Поневоле вспомнишь великого Бредбери и его пророческие шедевры «451 градус по Фаренгейту» и «Эшер II». А Генрих Гейне в трагедии «Альманзор» еще в 1821 году предрек: «Там, где сжигают книги, в конце концов сжигают также и людей». Это пророчество сбылось в нацистской Германии, сбывается оно ныне и на политкорректном Западе.

Совершенно неясно, к чему приведут сексуальная и гендерная революции, отнюдь не закончившиеся на Западе, а лишь приобретшие новые, еще более отталкивающие и абсурдные формы. Однополые браки, агрессивный гомосексуализм, весь этот абсурд и насилие над детьми, над которыми безумные родители готовы совершить страшные операции по смене пола – все это свидетельствует о духовной проказе, разьевшей организм некогда великой западной цивилизации. Бывшая когда-то интенсивной духовная жизнь на Западе давно превратилась в жалкий симулякр.

Н. А. Бердяев сформулировал: «Индивидуализация раскрытия личности совершается... в недрах духовной жизни» [1, с. 43]. Но если духовная жизнь мельчает или превращается в суррогат, тогда исчезают возможности для рождения личности или ее развития. Гегель прекрасно писал: «Каждый, поскольку его признают свободным существом, есть *лицо*. Поэтому принцип права можно выразить и так: с каждым другой должен обращаться именно как с лицом. Понятие личности включает в себя особенность Я (*Ichheit*) или же отдельность как нечто свободное или всеобщее. Люди обладают личностью в силу своей духовной природы» [3, с. 37].

Итак, в эпоху глобализации, когда духовность примитизирована донельзя или вообще последовательно изгоняется из индивидуальной и общественной жизни, возможности для возникновения личности необычайно малы. Видимо, большинство людей в эпоху глобализации так и не становятся личностями. Старая формула психологов о том, что индивидами рождаются, личностями становятся, а индивидуальность отстаивают, перестала сегодня работать. Многие даже личностями не становятся, так и оставаясь на уровне индивидов. А уже об индивидуальности и вовсе говорить не приходится...

Люди стремятся выложить в сеть фотографии своего завтрака, обеда или ужина, любимой собаки или самих себя по время отдыха. Большинство из этих зомбированных сетевых индивидов даже не задумывается, интересны ли эти фотографии кому-либо. Главное, что так делает большинство людей. Видимо, для современного человечества эпохи глобализации становится все более

распространенным тот тип, о котором писали Эдгар По («Человек толпы»)). Роберт Музиль («Человек без свойств»), Изабель Холланд («Человек без лица»). Это – деперсонализированный индивид, предпочитающий реальному общению с живыми людьми пребывание в сети. Ведь там так легко спрятаться, придумать себе новую биографию, зажить виртуальной жизнью. Все это было бы не так плохо, если бы при этом человек постепенно не уходил из реальной жизни, предпочитая виртуальное бытие.

Тенденция ухода от реальной жизни очень печальна, ибо она тесно связана с процессом расчеловечивания. Диалектический процесс развития, выраженный в гегелевской формуле «тезис-антитезис-синтез», применимой к индивидуальному и общественному бытию, в нашу эпоху перестает быть реальностью, ибо исчезает человек как носитель уникального Я, как развивающаяся и совершенствующаяся личность.

Некогда И. Кант писал: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на Земле. Благодаря этому он личность, и в силу этого единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность, то есть существо, по своему положению и достоинству совершенно отличное от вещей, каковы неразумные животные, с которыми можно обращаться и распоряжаться как угодно» [12, с. 357].

Человек разумный на наших глазах превращается в деперсонализированного индивида, в «сетевого человека», с которым можно «обращаться и распоряжаться как угодно». О свободе такие индивиды предпочитают не задумываться, да она им и не нужна. Со времен Сократа известно, что быть рабом легче, нежели свободным человеком. Исчезает «ответственное Я», о котором хорошо написал Карлос Вальверде в своей «Философской антропологии»: «Мое ответственное “Я” составляет центр моего мира; и только исходя из него я вижу все остальное и реализую себя в практической деятельности» [2, с. 156].

Увы, многие пункты пророческих мечтаний доктора Хасса, с которых мы начали эту статью, уже стали печальной реальностью в эпоху глобализации. Великое изобретение, которое должно быть использовано для воссоединения людей на планете, – интернет – превратился поистине в паутину, попадание в которую для многих людей означает интеллектуальное и духовное рабство. Счастье для таких индивидов – мизерное понятие, сводимое к щекотанию нервов виртуальными образами, а живое человеческое общение свелось к обмену разнообразными «лайками», «сториз» и фотографиями. Видимо, разнообразные пандемии будут лишь способствовать этим печальным явлениям, минимизируя реальное человеческое общение.

Более того, под угрозой ныне оказался язык как уникальная знаковая система, ибо «сетевой человек» предпочитает визуальные образы и разнообразные пиктограммы в форме «смайликов». Складывается впечатление, что вся человеческая культура вернулась к своим истокам: вместо наскальной живописи люди обмениваются примитивными изображениями, а обезьяноподобное и бессмысленное бормотание рэп-музыкантов пришло на

смену жутким завываниям первобытных колдунов и шаманов. Неужели спираль развития мировой цивилизации распрямилась и превратилась в замкнутый круг бытия, а змея истории укусила свой собственный хвост? В это не хочется верить, но если «сетевых» и деперсонализированных индивидов будет становиться все больше, то в будущем вся человеческая цивилизация окажется под угрозой вырождения.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 252 с.
2. Вальверде К. Философская антропология. – М.: Христианская Россия, 2000. – 472 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 630 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Том 8. Философия истории. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 470 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Том 11. Лекции по истории философии. Книга третья. – М.–Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. – 560 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1977. – 573 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Том 4. – М.: Искусство, 1973. – 675 с.
9. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 11. – С. 188–190.
10. Дегтярев Е. В., Сеничев И. В. Парадоксальность британского экспансионизма: некоторые аспекты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 1. – С. 137–141.
11. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
12. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в 6 томах. Том 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 349–588.
13. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. – М.: ЧОРО, 1994. – С. 12–28.
14. Кнабе Г. С. Избранные труды: теория и история культуры. – М.: Летний Сад, РОССПЭН, 2006. – 1198 с.
15. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 41. – М.: Политиздат, 1981. – С. 298–318
16. Мертвый сезон // Тексты и цитаты из фильмов. Описания фильмов. URL: <http://cinematext.ru/movie/mertvyj-sezon-1968/?page=13> (дата обращения 17.10.2020).
17. Нажми на кнопку – получишь результат // Литературная газета. – 2008. – № 24 (6176) за 11 июня.
18. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. – 320 с.

19. Хайдеггер М. Отрепёдность // Разговор на просёлочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 102–111.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 320 с.
21. Baudrillard J. America // Arthur Asa Berger (ed). / The Postmodern Presence: Readings on Postmodernism in American Culture and Society. – Walnut Creek: AltaMira Press, 1998. – pp. 300–310.
22. Heidegger M. Nietzsche I und II. 8. Auflage. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2008. – 963 s.
23. Wisser R. (Hrsg.): Martin Heidegger im Gespräch. – Freiburg im Breisgau, München: Karl Alber, 1970. – 792 s.

References

1. Berdyaev N. A. Freedom and the Spirit [*Filosofiya svobodnogo dukha*]. Moscow: Respublika, 1994, 252 p.
2. Valverde C. Antropología filosófica [*Filosofskaya antropologiya*]. Moscow: Khristianskaya Rossiya, 2000, 472 p.
3. Hegel G. W. F. Works of Different Years: in 2 vol. Vol. 2 [*Raboty raznykh let. Tom 2*]. Moscow: Mysl, 1971, 630 p.
4. Hegel G. W. F. Works. Vol. 8. Lectures on the Philosophy of History [*Sochineniya. Tom 8. Filosofiya istorii*]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1935, 470 p.
5. Hegel G. W. F. Works. Vol. 11. Lectures on the History of Philosophy. Book 3 [*Sochineniya. Tom 11. Lektsii po istorii filosofii. Kniga tretya*]. Moscow, Leningrad: SOTS'EKGIZ, 1935, 560 p.
6. Hegel G. W. F. Elements of the Philosophy of Right [*Filosofiya prava*]. Moscow: Mysl, 1990, 524 p.
7. Hegel G. W. F. Lectures on the Philosophy of Religion [*Filosofiya religii: v 2 t. T. 2*]. Moscow: Mysl, 1977, 573 p.
8. Hegel G. W. F. Lectures on Aesthetics [*Estetika. Tom 4*]. Moscow: Iskusstvo, 1974, 675 p.
9. Gorokhov P. A., Yuzhaninova E. R. Immanuel Kant's "Perpetual Peace": Possibility of Project Implementation [Traktat Immanuila Kanta "K vechnomu miru": vozmozhnost realizatsii proekta]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), 2015, no. 11, pp. 188–190.
10. Degtyarev E. V., Senichev I. V. On Some Aspects of British Expansionism Paradox [Paradoksalnost britanskogo ekspansionizma: nekotorye aspekty]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* (Intellect. Innovation. Investments), 2015, no. 1, pp. 137–141.
11. Deleuze G. The Logic of Sense [*Logika smysla*]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011, 472 p.
12. Kant I. Anthropology from a Pragmatic Point of View [Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya]. *Sochineniya v 6 t. T. 6* (Works: in 6 vol. Vol. 6). Moscow: Mysl, 1966, pp. 349–588.

13. Kant I. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose [Ideya vseobschey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane]. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 8* (Collected Works: in 8 vol. Vol. 8). Moscow: ChORO, 1994, pp. 12–28.
14. Knabe G. S. Selected Works: Theory and History of Culture [Izbrannyye trudy. Teoriya i istoriya kultury]. Moscow: Letniy Sad, ROSSPEN, 2006, 1198 p.
15. Lenin V. I. The Tasks of the Youth Leagues [Zadachi soyuzov molodezhi]. *Polnoe sobranie sochineniy. Izdanie 5. Tom 41* (Complete Works. Ed. 5. Vol. 41). Moscow: Politizdat, 1981, pp. 298–318.
16. *Dead Season*. Available at: <http://cinematext.ru/movie/mertvyj-sezon-1968/?page=13> (accessed 17 October 2020).
17. Press the Button – You Will Get the Result [Nazhmi na knopku – poluchish rezultat]. *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 2008, no. 24 (6176), 11 June.
18. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature [Filosofiya i zerkalo prirody]. Novosibirsk: Izdatelstvo Novosibirskogo universiteta, 1997, 320 p.
19. Heidegger M. Gelassenheit [Otreshennost]. *Razgovor na proselochnoy doroge* (Country Path Conversations). Moscow: Vysshaya shkola, 1991, pp. 102–111.
20. Jaspers K. The Origin and Goal of History [Smysl i naznachenie istorii]. Moscow: Politizdat, 1991, 320 p.
21. Baudrillard J. America. *The Postmodern Presence: Readings on Postmodernism in American Culture and Society*. Walnut Creek: AltaMira Press, 1998, pp. 300–310.
22. Heidegger M. *Nietzsche I und II. 8. Auflage*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008, 963 p.
23. Wisser R. (Hrsg.): *Martin Heidegger im Gespräch*. Freiburg im Breisgau, München: Karl Alber, 1970, 792 s.

УДК 101.1; 316

Проблемы самоидентификации человека в кибернетическом обществе*

Городищева Анна Николаевна – Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, кафедра рекламы и культурологии, заведующий кафедрой, доктор культурологии, доцент, Красноярск, Россия.

Email: gorodichevaan@sibsau.ru

SPIN: 7502-5795

Researcher ID: A-4107-2014

ORCID: 0000-0003-4330-2802

Scopus ID: 57191442619

Городищев Алексей Викторович – Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система Красногвардейского района», специалист по библиотечно-выставочной деятельности и медиадизайну, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: agorodischev@gmail.com

SPIN: 2764-0256

Авторское резюме

Состояние вопроса: Устойчивая тенденция киберсоциализации людей приводит к формированию новых закономерностей самоидентификации в виртуальной среде. Поэтому необходим целенаправленный процесс исследования изменений «сущности и явления», «формы и содержания» понятия «самоидентичность» в виртуальном пространстве.

Результаты: Современные исследования идентичности позволили выделить релевантные подходы к самоидентификации в киберпространстве современного общества, определить условия корреляции параметров идентичности в реальном и виртуальном мире.

Область применения результатов: Обозначенные проблемы уточняют понятие самоидентификации в виртуальной среде, позволяют сформулировать вероятные основания для конкретизации философских представлений по проблемам личности в кибернетическом обществе.

Методы исследования: В работе нашли применение философские и общенаучные методы, методы системного анализа и социальной антропологии.

Выводы: Параметры идентификации личности в кибернетическом обществе сосредоточены в виртуальном пространстве и имеют нечеткие границы. Это заставляет индивида постоянно находиться в процессе выбора виртуального сообщества, которое позволит ему сохранять свою идентичность.

* © А. Н. Городищева, А. В. Городищев, 2020.

Ключевые слова: идентичность; самоидентификация; личность; кибернетическое общество.

Problems of Human Self-Identification in a Cybernetic Society

Gorodischeva Anna Nikolaevna – Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Department of Advertising and Cultural Studies, Head of the Department, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Krasnoyarsk, Russia.

Email: gorodichevaan@sibsau.ru

Gorodischev Alexey Viktorovich – Krasnogvardeysky District Centralized Library System, specialist in library and exhibition activities and media design, PhD (Philology), Saint Petersburg, Russia.

Email: agorodischev@gmail.com

Abstract

Background: A stable tendency towards cyber socialization of people results in the formation of new patterns of self-identification in a virtual environment. Therefore a purposeful process of researching changes in the “essence and phenomenon”, “form and content” of the concept of self-identity in virtual space is needed.

Results: Modern research on identity has made it possible to take relevant approaches to self-identification in the cyber space of modern society, to determine the conditions for the correlation of identity parameters in the real and virtual world.

Research implications: The formulated problems clarify the concept of self-identification in a virtual environment. They make it possible to cover probable grounds for specifying philosophical approaches to personality problems in a cybernetic society.

Research methods: Philosophical and general scientific methods, methods of system analysis and social anthropology have been applied in the work.

Conclusions: The parameters of personal identification in a cybernetic society are concentrated in the virtual space and have fuzzy boundaries. This forces the individual to be constantly in the process of choosing a virtual community that will allow them to maintain their identity.

Keywords: identity; self-identification; personality; cybernetic society.

В последнее десятилетие в результате резкой трансформации социально-политических реалий стали обращать на себя особое внимание процессы, связанные с поисками оснований идентификации личности. Рационально организованная действительность, предполагающая чисто техническое исполнение положений политики информатизации, породила кризис самоидентификации, создав человека, уже «неспособного собрать многогранную жизнь общества в единое целое» [1, с. 50]. Поиски ответа на вопрос «кто я?» вывели человека в новую кибернетическую реальность, где традиционные идеи и ценности утрачивают смысл для личности, потому что их

невозможно идентифицировать привычными средствами. Границы самого человека, также как и многих социальных явлений бытия, стали подвижными и расширились до виртуального пространства Интернета, заставив индивида искать новые средства определения своего места в мире. Задачей данной работы является показать зависимости и следствия воздействия виртуальной среды на механизмы формирования параметров и критериев самоидентификации личности.

Идентичность – категория междисциплинарная, она имеет давнюю традицию исследования целым комплексом наук. В этой исследовательской традиции уже складывается консенсус относительно выделения основных компонентов в структуре идентичности. Структура идентичности, статические и динамические аспекты идентичности, параметры личностной и социальной идентификации изучались в рамках философских, социологических, психологических, культурологических исследований, при этом выделялись типы и разрабатывались классификации идентичности, отрабатывались приемы инструментального описания. В основе определений идентичности – опора на латинский корень *idem* (то же самое), обозначающий свойство вещей оставаться теми же самими, сохраняющими свою «сущность», тождественность при всех трансформациях (с лат. *Identificare* – отождествлять, *identifico* – отождествляю). Следовательно, идентичность представляется как точное соответствие вещи своему образцу, некой сущности, соотносительность чего-либо (имеющего бытие) с самим собой [см.: 2, с. 131]. Поскольку транзитивность идентичности имплицитно содержит смысловую антиномичность, то адекватным методологическим основанием анализа идентичности выступает диалектика устойчивости и изменчивости, постоянства и вариативности.

Большинство исследователей идентичности, начиная с Э. Эриксона, выделяют в этом явлении несколько аспектов или уровней. Прежде всего, это деление на личностный, индивидуальный уровень, который рассматривается как набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным, и социальный уровень, который связан с идентификацией индивида с нормами и ожиданиями социальной среды, в которую он погружен. Индивидуальный и социальный уровни идентичности тесно взаимосвязаны, и пока не сформировалось однозначного мнения, какая идентичность – личностная или социальная – является первичной.

Несмотря на обилие различных характеристик и определений понятия «личность», для наших целей можно указать на несколько главных, отфильтрованных временем. Прежде всего, под личностью и индивидом понимают уникальную, неповторимую сторону человека. Однако можно заметить, что, хотя объективно каждый человек, действительно, уникален и неповторим, в культурном и социальном отношении он может не проявлять этой своей неповторимости, сливаясь с миллионами себе подобных в социальной среде обитания и социальном пространстве [см.: 3, с. 22]. Такой подход позволяет рассматривать идентичности личности, определяющей

координаты своего мира через изменение в процессе социальных взаимодействий в виртуальной среде.

По сложившейся научной традиции в современных исследованиях выделяют два вида структур идентичности личности: параметрические и категориальные. В категориальных структурах социальной идентичности James E. Cameron выделяет стремление к централизации, эффекту тяготения к роли личности как части группы. Таким образом возникает «эффект группы», а также складываются внутренние групповые связи, являющиеся частью социальной идентичности и описываемые через основные характеристики групп, в которые человек включается в ходе своей жизнедеятельности и принадлежность к которым он осознает [см.: 4, с. 243]. Jay W. Jackson включает в модель групповой идентичности когнитивный, оценочный и эмоциональный компоненты, где отдельно в структуру когнитивного компонента включает достигнутый уровень само-категоризации, деперсонализацию и метаконтраст [см.: 5, с. 24]. Ставшая уже классической теория идентификации по характеру ее предметной направленности [см.: 6, с. 46] разделяет идентификацию на личную и социальную, учитывает, что ситуация, опыт людей, поведение и любое другое взаимодействие определяется их индивидуальными характеристиками, то есть личностными качествами. Для нашего исследования важной является модель Luhtanen R., Crocker J. A., позволяющая оценивать индивидуальные различия в коллективной, а не личной самооценке с помощью четырех подшкал, выделяя степень референтности группы для индивида и значимость группы в структуре Я-образа [см.: 7, с. 304–305].

С другой стороны, подходы к идентичности различаются в зависимости от того, как она воспринимается – через тождество и различие или как различие между «самостью» и «тождеством». В этом случае под идентичностью как феноменом понимается единичность бытия личности, ее «самость» (*ipse, self*), самоопределение личности, экзистенциальная самотождественность или «смысл себя» (С. Хантингтон). Допущение о неизменности личности не позволяет решить вопрос о ее адаптации к внешним изменениям. В итоге различается идентичность как результат и процесс идентификации – как выбор, обеспечивающий непрерывную динамику идентичности (Э. Эриксон). Результатом этого процесса, подразумевающего в конечном счете понимание ситуаций и выбор места для себя, становится «построение модели взаимосвязи с внешним миром» [8, с. 32–33]. Объяснением этому утверждению служит теория социального сравнения, когда люди определяют ценность тех или иных личностных позиций в сравнении с успешными членами социальной группы.

Согласно теориям социальной психологии, люди психологически усваивают свое социальное членство в группах, и социальные процессы идентификации в группе влияют на их познание, аффект, мотивацию и работу, лидерство, а также активность и инновации, результаты, в том числе производительность, отношение к работе и профессиональное благополучие [см.: 9, с. 14]. Эти качества личности определяются эмоциональным опытом, который получен в результате самоконтроля и внешнего ограничения, закрепляющего паттерны поведения. Внешними факторами ограничения

являются среда жизнедеятельности, социальное окружение, культура, а теперь еще и виртуальная реальность, которые детерминируют личностные ценности, тем самым определяя направленности личной идентификации.

При различии внешних условий показатель субъективной оценки часто не совпадает со стереотипами идентичности. Исследования Д. А. Леонтьева показывают, что объективное качество жизни влияет на показатели самоидентификации личности лишь в ограниченной степени, потому что не самое высокое качество жизни может быть скомпенсировано осмысленностью самого субъекта, на основе собственного личностного потенциала [см.: 10, с. 22–23]. При этом измерение личного благополучия – не психологического переживания, а объективной оснащенности личности психологическими особенностями, выделенными Ryff С. [см.: 11, с. 1071], – например, самопринятие, позитивные отношения с другими, автономия, контроль над окружением, целенаправленность жизни, личностный рост – может быть скорректировано и параметрами идентичности в ином пространстве бытия. Анализ параметров и соотношений между параметрами идентичности личности и их корреляцией с идентичностью конкретного пространства бытия, их изучение в контексте «благополучие и неблагополучие», «комфорт и дискомфорт» может определить предельные влияния виртуальной среды на позитивное функционирование личности в физическом мире и смягчить неблагоприятное психологическое воздействие внешней среды.

Кибернетическое общество, по определению А. В. Тонконогова [см.: 12, с. 25], – это новый тип ноосферного образования, управленческий механизм которого сосредоточен в основном в виртуальной сфере информационного пространства, что характеризуется активным и постоянным взаимодействием всех общественных страт с искусственным интеллектом как на государственном, так и на индивидуальном уровне. Социальное пространство кибернетического общества обладает пространственно-временными характеристиками, подобными реальному пространству, в котором люди обустраивают жизнь, накапливают опыт и приобретают чувство идентичности. Однако «место» в кибернетическом пространстве обладает иной размерностью: трансграничностью, экстерриториальностью, децентрализованностью, разветвленностью, многоканальностью, которые позволяют образовывать новые функциональные пространства информационно-коммуникационной среды Интернет, изменять устойчивую функциональность «качества места» (Р. Флорида). Идентичность кибернетического места становится неустойчивой, множественной, гипертекстуальной, и личность сталкивается с проблемой выбора направления для собственной идентичности.

Самоидентификация в кибернетическом обществе превращается в поиск того, с чем индивид может идентифицироваться, чтобы кибернетическое общество определило его как личность. Проблема состоит в том, что если в традиционном обществе индивид, отождествляя себя с одной из локальных социальных групп, выбирал для себя собственные ориентиры, которые тесно связаны с личными представлениями, ценностными ориентациями и культурными традициями, то в кибернетической среде самоидентификация

изначально не определена, размыта и множественна. Следовательно, кибернетическая среда, которая может адаптировать свое поведение под условия внешней среды, измеренная по Флориде [см.: 13, с. 25] как то, что там есть, кто там есть, что там происходит, предстает как изменяющаяся динамическая система, которая не дает однозначных образцов для идентификации. Это означает, что такой параметр, как вовлеченность личности в виртуальные сообщества, при определенных условиях может замещать параметры самоидентичности.

Современные исследования виртуальной идентичности, как правило, сосредоточены на решении проблем аутентификации в виртуальной среде и видят природу возникающих дисфункций в процессе институализации виртуальных социальных групп. Пространство виртуальной социальной группы определяется не культурно значимыми смыслами, не едиными общественными модусами, а схожестью «жизненных стилей», которые объединяют множественность идентичностей. Упорядочить эти множественности – значит найти способ соотнесения виртуального мира с реальным и предоставить возможность личности соотнести свой внутренний мир с предоставленным виртуальным. Но в среде наслоения пространства и информации, где каждая зона активна, уникальность пространства сомнительна, источники развития для индивидуального и общественного определяются моментом, императивы личности, исключительно важные для поддержания целого, не могут пока выступать средством связи социального и индивидуального. В ходе анализа работ по выявлению факторов воздействия виртуальной среды на человека прослеживается взаимосвязь между стресс-факторами, прямо не воздействующими на личность, но оказывающими влияние на формирование типа личности. Такими факторами в виртуальной среде выделены: множественность выбора персональной, культурно-цивилизационной, социальной идентичности; отсутствие целостности групп, и, как следствие, отсутствие единых оснований для идентичности, замкнутость и ограниченность коммуникационных связей; дисбаланс индивидуальной и коллективной идентификации.

Для фундаментального исследования поставленной проблемы необходимо проводить достаточно серьезный сбор эмпирического материала. Вместе с тем, основываясь на теоретических исследованиях можно констатировать, что самоидентификация достигается при выполнении личного экзистенциального проекта, который задается категориями желаемого и жизненно необходимого для личности, и ингибирует факторы окружающей среды, которые могут быть как физическими, так и виртуальными. Такой проект формируется в детстве, когда ценность событиям и действиям придается взрослыми, которые передают контекст события в будущее, определяя последствия для себя и ребенка. При этом идентичность с местом (place-identity) заставляет либо принимать низкую интенсивность и качество желаний, либо прикладывать усилия, чтобы быть на уровне притязаний окружающего мира. Окружающее пространство в многочисленных исследованиях чувства места (sense of place) и привязанности к месту (place attachment) показывает, что

место детства определяет паттерны поведения и в будущем. Чувство принадлежности (sense of belonging) – чувство дома, заставляет организовывать будущий дом по образу и подобию родового. Позитивное или негативное отношение человека к месту формируется как часть личностной идентичности, и в будущем как воспоминания, чувства и опыт, относящийся к прошлому, настоящему переносится и на будущее место проживания (daily life settings). Поэтому начиная с детства идентичность включает «вписывание» в определенную среду (пространство и условия существования), которые определяют и соотносены с социальными группами. На начальном этапе формирования моральных мотивов личности ее окружает пространство, внутреннее состояние которого меняется вместе с состоянием окружающей среды, в котором невозможно однозначно оценить границы предписанного поведения, невозможно интерпретировать разнообразие паттернов поведения в знаках культуры. Приняв правила виртуальной идентичности, личность начинает включаться в виды пространства, которые отличны от физического, в разнообразие виртуальных общностей. В кибернетической среде набор действий, необходимых для обратной связи между причиной и следствием, отражает разнообразие только успешных действий, избегая при этом неудачных, поэтому когнитивная карта личности не получает качественного образа реальности. Незавершенность образа тиражируется в дальнейшей жизни. Можно предположить, что реакцией на неожиданную и возросшую изменчивость мира станет на какое-то время возобладание консервативных тенденций, стремление к стабильности, желание закрепиться в изменчивом мире, следовательно, востребованной станет «твёрдая» идентичность физического мира, способная быть опорой личности.

Список литературы

1. Кеидия К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 1 (137). – С. 50–55.
2. Абушенко В. Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории. – М.: Междисциплинарное общество социальной теории, 2010. – Т. 4. – С. 128–146.
3. Розин В. М. Философия субъективности. – М: Издательство АПК и ПРО, 2011. – 380 с.
4. Cameron James E. A Three-Factor Model of Social Identity // Self and Identity. – 2004. – Vol. 3:3. – Pp. 239–262. DOI: 10.1080/13576500444000047.
5. Jackson Jay W. Intergroup Attitudes as a Function of Different Dimensions of Group Identification and Perceived Intergroup Conflict // Self and Identity. – 2002. – Vol. 1:1. – Pp. 11–33. DOI: 10.1080/152988602317232777.
6. Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // W. G. Austin, S. Worchel / The Social Psychology of Intergroup Relations. – Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. – Pp. 33–37.

7. Luhtanen R., Crocker J. A Collective Self-Esteem Scale: Self-Evaluation of One's Social Identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1992. – № 18. – Pp. 302–318. DOI: 10.1177/0146167292183006.
8. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. – 2016. – № 1 (21). – С. 31–44.
9. Zacher H., Esser L., Bohlmann C., Rudolph C. W. Age, Social Identity and Identification, and Work Outcomes: a Conceptual Model, Literature Review, and Future Research Directions // *Work, Aging and Retirement*. – 2019. – Vol. 5 (1). – Pp. 24–43. DOI: 10.1093/workar/way005.
10. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – М.: ВЦИОМ, 2020. – № 1 (155). – С. 14–38.
11. Ryff C. Happiness Is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – Vol. 57. – № 6. – Pp. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.
12. Тонконогов А. В. Кибернетическое общество как реальность XXI века // *Закон и право*. – 2018. – № 9. – С. 23–26.
13. Florida R. *The Rise of the Creative Class*. – New York: Hachette Bookgroup, Inc., 2019. – 512 p.

References

1. Keidiya K. Z. Philosophical Understanding of Self-Identification in the Existential Structure of Personality [Filosofskoe ponimanie samoidentifikatsii v bytiynoy strukture lichnosti]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Orenburg State University), 2012, no. 1 (137), pp. 50–55.
2. Abushenko V. L. The Problem of Identities: the Specificity of Culture-Philosophical and Cultural-Sociological Vision [Problema identichnostey: spetsifika kultur-filosofskogo i kultur-sotsiologicheskogo videniya]. *Voprosy sotsialnoy teorii* (Questions of Social Theory). Moscow: Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsialnoy teorii, 2010, vol. 4, pp. 128–146.
3. Rozin V. M. Philosophy of subjectivity [*Filosofiya subektivnosti*]. Moscow: APK i PRO, 2011, 380 p.
4. Cameron James E. A Three-Factor Model of Social Identity. *Self and Identity*, 2004, vol. 3:3, pp. 239–262. DOI: 10.1080/13576500444000047.
5. Jackson Jay W. Intergroup Attitudes as a Function of Different Dimensions of Group Identification and Perceived Intergroup Conflict. *Self and Identity*, 2002, vol. 1:1, pp. 11–33. DOI: 10.1080/152988602317232777.
6. Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In W. G. Austin, & S. Worchel (Eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979, pp. 33–37.

7. Luhtanen R., Crocker J. A Collective Self-Esteem Scale: Self-Evaluation of One's Social Identity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1992, no. 18, pp. 302–318. DOI: 10.1177/0146167292183006.

8. Budenkova V. E., Savelyeva E. N. Identity as a Subject of Theoretical and Methodological Analysis: Models and Approaches [Identichnost kak predmet teoretiko-metodologicheskogo analiza: modeli i podkhody]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie* (Bulletin of the Tomsk State University. Culturology and Art History), 2016, no. 1 (21), pp. 31–44.

9. Zacher H., Esser L., Bohlmann C., Rudolph C. W. Age, Social Identity and Identification, and Work Outcomes: a Conceptual Model, Literature Review, and Future Research Directions. *Work, Aging and Retirement*, 2019, vol. 5 (1), pp. 24–43. DOI: 10.1093/workar/way005.

10. Leontiev D. A. Happiness and Subjective Well-Being: Towards the Construction of the Conceptual Field [Schaste i subektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes). Moscow: VTsIOM, 2020, no. 1 (155), pp. 14–38.

11. Ryff C. Happiness Is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, no. 6, pp. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.

12. Tonkonogov A. V. Cybernetic Society as a Reality of the XXI Century [Kiberneticheskoe obshchestvo kak realnost XXI veka]. *Zakon i pravo (Laws and Regulations)*, 2018, no. 9, pp. 23–26.

13. Florida R. *The Rise of the Creative Class*. New York: Hachette Bookrout, Inc., 2019, 512 p.

УДК 101.1; 316.324.8; 316.6

Интернет-зависимость как глобальная проблема современности^{*}

Крайнов Андрей Леонидович – Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, кафедра социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук, доцент, кандидат философских наук, доцент, Саратов, Россия.

Email: krainoval@sgau.ru

SPIN: 1008-4432

ORCID: 0000-0002-2129-0065

Авторское резюме

Состояние вопроса: Проблему интернет-зависимости можно считать одной из глобальных проблем современности. Информационные технологии так прочно вошли в повседневную жизнь человека, что он уже не мыслит без них свое бытие.

Результаты: Компьютеры, смартфоны, умные часы, смарт-телевизоры, игровые приставки и прочие гаджеты, объединенные с помощью беспроводных технологий в единую сеть с выходом в Интернет, подчиняют себе человеческое сознание и волю, завоевывая первое место в системе ценностей. Усиление зависимости от электронных девайсов чревато изменением социального поведения и когнитивных способностей человека. Перегрузка мозга огромным количеством информационного шума приводит к развитию стрессов и психических заболеваний. Преодолеть интернет-зависимость в современных условиях достаточно проблематично, но можно постараться снизить ее негативное влияние на человека.

Выводы: Проблему интернет-зависимости надо по праву поставить в один ряд с экологической, демографической, техногенной проблемами общества. Можно предположить два варианта дальнейшего развития событий: либо человечество придет к состоянию, когда все, что только можно, будет чипировано и подключено к сети Интернет, либо принятые на государственном уровне своевременные меры по профилактике и предотвращению интернет-зависимости смогут минимизировать ее негативное влияние на будущие поколения.

Ключевые слова: информационное общество; гаджеты; интернет-зависимость; глобальные проблемы современности; информационные технологии.

^{*} © А. Л. Крайнов, 2020.

Internet Addiction as a Global Problem of Our Time

Krainov Andrey Leonidovich – Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, Department of Humanities, Associate Professor, PhD (Philosophy), Saratov, Russia.

Email: krainoval@sgau.ru

Abstract

Background: The problem of Internet addiction is considered to be one of the global problems of our time. Information technologies have come into the everyday life so firmly that people can no longer imagine their lives without them.

Results: Computers, smartphones, smart watches, smart TVs, game consoles and other gadgets, connected by wireless technologies into a single network with Internet access, subjugate human consciousness and will, taking first place in the value system. Increased dependence on electronic devices is fraught with changes in social behavior and cognitive abilities of people. Overloading the brain with a huge amount of information noise leads to the development of stress and mental illness. Overcoming Internet addiction in modern conditions is quite problematic, but one can try to reduce its negative impact.

Conclusion: The problem of Internet addiction should be by right on a par with the environmental, demographic, and technogenic problems of society. One can assume two options for the further case scenario: either humanity will reach a stage where everything that is possible will be microchipped and connected to the Internet, or timely measures taken at the state level to prevent Internet addiction will be able to minimize its negative impact on generations to come.

Keywords: information society; gadgets; Internet addiction; global problems of our time; information technology.

Проблема интернет-зависимости чрезвычайно актуальна. Это обусловлено невозможностью отказаться от использования подключенных к глобальной телекоммуникационной сети Интернет устройств – как в бизнесе, так и в личных целях. Современный человек вынужден, даже против своей воли, использовать смартфон вместо кнопочного мобильного телефона стандарта связи 2G, быть зарегистрированным в различных социальных сетях, использовать корпоративные онлайн-приложения и прочие сервисы Интернета. Постоянная алертность от ожидания новых сообщений электронной почты, социальных сетей и мессенджеров постепенно меняет его психику и модель социального поведения, увеличивая социальную напряженность.

С точки зрения социальной психологии о наступлении интернет-зависимости или аддикции можно говорить, когда у человека постоянно присутствует навязчивое состояние – стремление проверять электронную почту и прочие сервисы Интернет, увеличиваются проведенное им время в сети и расходы на коммуникацию. Таким образом, потребитель интернет-услуг все время предвкушает следующий сеанс онлайн [см.: 1, с. 45]. Согласно исследованию агентства Business Insider, уведомления смартфона повышают

уровень стресса, присутствие смартфона вблизи снижает продуктивность работы, постоянный доступ к информации отупляет мозг и повышает утомляемость, а просмотр смартфона перед сном способствует недосыпу [см.: 2]. Поведение человека меняется существенным образом, если в силу определенных обстоятельств любимого гаджета не оказалось рядом (забыл, украли), либо им нельзя воспользоваться (села батарея, наложили арест). Из-за смартфонов разрушаются семьи, отношения, происходят убийства и прочие асоциальные деяния, так как смартфон является alter ego своего владельца, и далеко не каждый готов расстаться со своим виртуальным двойником в угоду отношениям в реальном мире.

Условная анонимность и возможность создавать множество аватаров превращает виртуальную среду в место реализации человеческих фантазий. Один и тот же пользователь Интернет одновременно может быть волшебником в компьютерной игре, страстным любовником на сайте для взрослых, известным ученым на научном форуме, не раскрывая своей истинной сущности. Он может собрать в свою коллекцию максимальное количество друзей в социальных сетях, выбирая их по социальному статусу, и очень гордиться этим достижением. Таким образом, пользователь интернет-среды невольно становится бодрийеровским симулякром, за которым ничего не стоит, все данные, указывающие на него, могут быть ложными, даже номер сотового телефона, используемый при регистрации.

Такие перспективы виртуального мира очень выгодны различного рода мошенникам, чья деятельность в сети Интернет каждым годом становится более дерзкой. Что способствует росту противоправных действий онлайн? На первый взгляд, проблема вполне ясна и связана с освоением представителями преступного мира перспективной ниши, но, как известно, бдительного человека практически невозможно провести. Следовательно, причина роста онлайн-преступности кроется и в самих жертвах. А здесь необходимо философское осмысление проблемы.

Согласно Д. Р. Латфуллиной, проникновение информационных технологий в нашу жизнедеятельность произвело существенные изменения в личности и сознании человека [см.: 3, с. 489]. Анализ онлайн-сервиса Think with Google показывает, что у зумеров-центениалов – поколения, родившегося после 2000 года, концентрация внимания на 25 % ниже, чем у их предшественников – представителей поколения Y. Миллениалы или поколение «некст» способны удерживать внимание 12 секунд, а центениалы – всего 8. Поколение Z легче принимает информацию на веру, также его представители лишь в 30 % случаях перепроверяют рекламные сообщения, что меньше на 10 % поколения Y [см.: 4]. По сравнению с представителями поколения X, которые помнят жизнь без Интернета и информационных технологий, ни первые, ни вторые не способны анализировать серьезные массивы информации, критически осмысливать получаемые данные, но, самое главное, они не способны ни на секунду обойтись без гаджетов, так как практически родились с ними.

Наряду со слабым вниманием у поколения Google (общий термин для обозначения представителей цифрового поколения) наблюдаются повышенная

доверчивость, гендерная и расовая толерантность, информационная открытость, предпочтение коротким видео как наиболее оптимальному способу передачи информации. По данным Commscore, 100 % центениалов проверяют смартфон хотя бы 5 раз за час. Причем 7 из 10 совершеннолетних представителей поколения Z делают это каждые 2 минуты [см.: 4].

Слабая концентрация внимания и плохая память являются следствием клипового мышления. Феномен клиповой культуры, продуктом которой является клиповое мышление, был описан американским философом Элвином Тоффлером. К ее особенностям относятся мозаичность и фрагментарность образа, быстрая смена одних образов другими, алогичность, яркость и кратковременность, отрывочность информации и быстрое исчезновение целых массивов данных. Если на момент создания Тоффлером данного понятия (1970 г.) информационное воздействие на человека было сравнительно невелико, так как основными медиаканалами общества были газеты, радио и телевидение (причем термин “blip culture” относится главным образом к последнему, «блип» – это мерцающая точка на экране), то с развитием сети Интернет информационный поток, охвативший человека, стремительно вырос. Желание везде успеть, мысленно обработать огромные объемы информации, поступающей из различных сервисов и служб Интернета, формирует естественную защиту мозга от перегрузок, заставляя наше сознание поверхностно воспринимать поступающие данные.

Таким образом, глобальной проблемой современного общества является постепенная трансформация сознания каждого нового поколения. В связи с этим интересно рассмотреть особенности детей, родившихся после 2010 года, которых некоторые ученые называют поколением альфа. Считается, что его представители одновременно существуют в нескольких мирах: реальном, виртуальном, мире дополненной реальности и воображаемом мире, каждый из которых наложен друг на друга в их сознании [см.: 5]. Но проблема с концентрацией внимания у них еще выше, чем у центениалов: они способны концентрировать внимание всего на одну секунду [см.: 6]. Они совершенно не воспринимают классический текст, который требует послогового прочтения и анализа. Их текст – это образы, звуки, инфографика, клипы.

На основе вышеперечисленных особенностей подрастающего поколения можно заключить, что жить, учиться и работать они смогут исключительно при наличии Интернета и всевозможных подключенных к нему гаджетов. Это означает, что они совершенно не готовы к экстремальным или диким условиям существования – вдали от цивилизации, в сельской глубинке, в условиях техногенной катастрофы. Скорее всего, они не смогут работать на аналоговом оборудовании, заниматься классической научной деятельностью, выполнять монотонные операции, требующие высокой концентрации внимания. Конечно, данный прогноз является очень условным, но знакомство с информационными технологиями с двухлетнего возраста коренным образом меняет способности сознания и познания окружающего мира.

Дети-альфа космополитичны по своей природе, у них нет привязки к своей стране, они не смогут быть патриотами, так как их мир – это мир без

границ. Они скорее всего начнут делать карьеру в области информационных технологий. Гиганты ИТ-индустрии по всему миру ждут новое поколение детей, с пеленок умеющее пользоваться Интернет.

Из описанных выше фактов очевидно, что бороться с интернет-зависимостью совершенно бессмысленно. Пока живы представители поколения X, которые застали период существования человечества до Интернета и массового применения информационных технологий, данные попытки в вялотекущем режиме предпринимаются. Как только поколение альфа повзрослеет и обзаведется детьми, проблема интернет-зависимости перестанет существовать. Следует отметить, что тонкость вопроса заключается в том, что далеко не во всех странах интернет-зависимость считается болезнью, следовательно, отношение к ней со стороны государства и общества совершенно разное. В США и в России, например, интернет-зависимость не является заболеванием, а в Австралии, Китае, Японии, Индии, Италии, Южной Корее и Тайване – является [см.: 7].

В 2017 году в методы лечения интернет-зависимости в китайских клиниках входила практика электрошоковой терапии в центре Шаньдун, которая применялась к пациентам-подросткам. Сейчас Китай отказался от применения электрошока, но одним из эффективных способов борьбы с интернет-зависимостью в Поднебесной является система трудовых лагерей. В них зависимые подростки занимаются физическим трудом на основе жесткой армейской дисциплины под присмотром военных. За невыполнение правил одним из учеников наказывают всю группу [см.: 8].

В Южной Корее в 2011 году правительство приняло «закон Золушки», запрещающий детям младше 16 лет играть в сетевые видеоигры с 12 ночи до 6 утра. К методам борьбы с интернет-зависимостью относят также силовые упражнения и физические нагрузки. Телефонном пациентам разрешают пользоваться не больше часа в день [см.: 9].

В Японии ситуация с интернет-зависимостью одна из самых серьезных в мире. Продвинутая японская молодежь активно использует онлайн-технологии для решения всех своих жизненных задач, отдавая наибольшее предпочтение социальным медиа. В 2013 году японское министерство образования решило создать специальные рехаб-лагеря для детей от 12 до 18 лет. Большую роль японцы отводят просветительной работе с молодежью в школах, где на наглядных примерах показывают все риски данной зависимости [см.: 10].

Таиланд предлагает интернет-зависимым пациентам 45-дневный курс реабилитации без использования каких-либо электронных устройств. Он включает в себя групповую и индивидуальную терапии по 25 часов в неделю и физические нагрузки [см.: 7].

В России в скором времени может измениться ситуация по отношению к интернет-зависимости. В 2022 году вступит в силу новый классификатор болезней (МКБ-11), в котором некоторые формы интернет-зависимости будут классифицироваться как заболевания. Например, «нарушения, вызванные патологическим влечением к играм, преимущественно в онлайн» [7]. Это очень значимое нововведение, так как сам факт признания интернет-

зависимости болезнью говорит о том, что государство будет финансировать ее профилактику и лечение. Без государственного вмешательства невозможно браться за борьбу с таким глобальным по охвату населения заболеванием.

Таким образом, проблему интернет-зависимости по праву можно поставить в один ряд с экологической, демографической, техногенной проблемами общества. Нет единого подхода к ее решению, более того, не во всех странах есть осознание, что это проблема. Но бесспорен факт, что интернет-зависимость меняет общество, и эти изменения в дальнейшем трудно будет прогнозировать. Можно предположить два варианта дальнейшего развития событий: либо человечество придет к состоянию киберпанка и трансгуманистическим ожиданиям, когда всё, что только можно, будет чипировано и подключено к сети Интернет, либо принятые на государственном уровне своевременные меры по профилактике и предотвращению интернет-зависимости смогут сдерживать ее негативное влияние на будущие поколения.

Список литературы

1. Ушакова Е. С. Интернет-зависимость как проблема современного общества // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2014. – № 1 (4). – С. 44–51. – URL: <http://humjournal.rzgmu.ru/en/art&id=64> (дата обращения 20.10.2020).

2. Стресс и разрушенные отношения. Как смартфоны влияют на наш мозг // Новости высоких технологий – Hi-Tech Mail.ru. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/stress-i-razrushennyye-otnosheniya-kak-smartfony-vliyayut-na-nash-mozg/> (дата обращения: 20.10.2020).

3. Латфуллина Д. Р., Нуруллина Н. А. Влияние информационных технологий на новое поколение // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2016. – Т. 12. – С. 488–493.

4. Чем отличаются поколения Y и Z – и о чем брендам с ними разговаривать // Think with Google. – URL: <https://tinyurl.com/y62gaeox> (дата обращения: 20.10.2020).

5. Кузнецова-Райс Н. Поколение Альфа: о чем думают дети новой формации // Tatler – журнал о светской жизни. – URL: <https://www.tatler.ru/heroes/pokolenie-alfa-o-chem-dumayut-deti-novoj-formacii> (дата обращения: 20.10.2020).

6. На смену поколению Z идет новое – альфа. Почему к нему стоит присмотреться прямо сейчас // AdMe – Творчество. Свобода. Жизнь. – URL: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/na-smenu-pokoleniyu-z-idet-novoe-alfa-pochemu-k-nemu-stoit-prismotretsya-pryamo-sejchas-2256465/> (дата обращения: 20.10.2020).

7. Взнуздаева М. От электрошока до лагерей для взрослых: как лечат интернет-зависимость во всем мире // vc.ru – бизнес, технологии, идеи, модели роста, стартапы. – URL: <https://vc.ru/offline/63797-ot-elektroshoka-do-lagerey-dlya-vzroslyh-kak-lechat-internet-zavisimost-vo-vsem-mire> (дата обращения: 20.10.2020).

8. Китай лечит интернет-зависимых подростков в исправительных лагерях // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20140702/1014397624.html> (дата обращения: 20.10.2020).

9. Персианинов Р. «Я играл в видеоигры 15 часов в день, а фоном работал Netflix»: как лечат интернет-зависимых // TJ – новости интернета. – URL: <https://tjournal.ru/flood/45487-rehabs> (дата обращения: 20.10.2020).

10. Ёсиаки Х. «Зависимые от связей»: особенности японской Интернет-зависимости // Современный взгляд на Японию. – URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00102/> (дата обращения: 20.10.2020).

References

1. Ushakova E. S. Internet Addiction as a Problem of Modern Society [Internet-zavisimost kak problema sovremennogo obshchestva] *Lichnost v menyayuschemsya mire: zdorove, adaptatsiya, razvitie* (Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development), 2014, no. 1 (4), pp. 44–51. Available at: <http://humjournal.rzgmu.ru/en/art&id=64> (accessed 20 October 2020).

2. Stress and Broken Relationships. How Smartphones Affect Our Brains [Stress i razrushennyye otnosheniya. Kak smartfony vliyayut na nash mozg]. Available at: <https://hi-tech.mail.ru/review/stress-i-razrushennyye-otnosheniya-kak-smartfony-vliyayut-na-nash-mozg/> (accessed: 20 October 2020).

3. Latfullina D. R., Nurullina N. A. Influence of IT on Young Generation [Vliyanie informatsionnykh tekhnologiy na novoe pokolenie]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya"* (Scientific Notes of the Kazan Branch of the "Russian State University of Justice"), 2016, vol. 12, pp. 488–493.

4. How Generations Y and Z Differ – and What Brands to Talk to Them [Chem otlichayutsya pokoleniya Y i Z - i o chem brendam s nimi razgovarivat]. Available at: <https://tinyurl.com/y62gaeox> (accessed: 20 October 2020).

5. Kuznetsova-Rays N. Generation Alpha: What the Children of the New Formation Think About [Pokolenie Alfa: o chem dumayut deti novoy formatsii]. Available at: <https://www.tatler.ru/heroes/pokolenie-alfa-o-chem-dumayut-deti-novoj-formatsii> (accessed: 20 October 2020).

6. Generation Z Is Being Replaced by a New One – Alpha. Why You Should Take a Closer Look at It Right Now [Na smeny pokoleniyu Z idet novoe – alfa. Pochemu k nemu stoit prismotretsya pryamo seychas]. Available at: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/na-smeny-pokoleniyu-z-idet-novoe-alfa-pochemu-k-nemu-stoit-prismotretsya-pryamo-seychas-2256465/> (accessed: 20 October 2020).

7. From Electroshock to Adult Camps: How Internet Addiction Is Treated Around the World [Ot elektroshoka do lagerey dlya vzroslykh: kak lechat internet-zavisimost vo vsem mire]. Available at: <https://vc.ru/offline/63797-ot-elektroshoka-do-lagerey-dlya-vzroslykh-kak-lechat-internet-zavisimost-vo-vsem-mire> (accessed: 20 October 2020).

8. China Treats Internet Addicted Teenagers in Correctional Camps [*Kitay lechit internet-zavisimyykh podrostkov v ispravitelnykh lageryakh*]. Available at: <https://ria.ru/20140702/1014397624.html> (accessed: 20 October 2020).

9. Persianinov R. “I Played Video Games 15 Hours a Day, and Netflix Was Working in the Background”: How Internet Addicts Are Treated [*“Ya igral v videoigry 15 chasov v den, a fonom rabotal Netflix”: kak lechat internet-zavisimyykh*]. Available at: <https://tjournal.ru/flood/45487-rehabs> (accessed: 20 October 2020).

10. Yoshiaki H. “Linkage Dependents”: Features of Japanese Internet Addiction [*“Zavisimye ot svyazey”: osobennosti yaponskoy Internet-zavisimosti*]. Available at: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00102/> (accessed: 20 October 2020).

УДК 001.165; 117; 524.8

К онтологии искусственного интеллекта^{*}

Малышев Юрий Михайлович – независимый исследователь, инженер, кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: uramal1958@mail.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: Создание полноценного искусственного интеллекта – сложная междисциплинарная и многоплановая проблема, имеющая отношение ко всем сторонам жизни общества и в целом к проблеме мироздания. Возникает ряд вопросов, связанных с онтологией искусственного интеллекта: как она соотносится или может соотноситься с онтологией естественного интеллекта? Какую роль вообще играет или может играть онтология в искусственном сознании? Не выступает ли онтология искомым основанием любого сознания, в том числе искусственного? Не является ли «программа Фёдорова» (овладение временем и причинностью), «программа Циолковского» (овладение пространством и причинностью) и программа создания полноценного искусственного интеллекта элементами общей стратегической Программы?

Результаты: Онтология искусственного интеллекта соотносится с известными в истории философии онтологиями. Существует возможность ее верификации. Предложена геометризация онтологии с использованием теории графов, наглядно представляющих соотношение онтологических многообразий. Можно сформулировать более широкое, обобщающее понятие по отношению к хронотопу – каузохронотоп, под которым понимается онтологическое единство причинностноподобных, времениподобных и пространственноподобных многообразий.

Область применения результатов: Предложенный подход к построению онтологии искусственного интеллекта может быть взят за основу и в дальнейшем использован, конкретизирован при разработке ментальных карт онтологий, дисциплинарных онтологий, онтологий мобильных роботов, когнитивных агентов и т. п.

Выводы: Искусственный интеллект должен быть онтологически соотнесен с моделью среды, в которой он находится. Онтология искусственного интеллекта должна быть адекватна объективной реальности, соответствовать ей. Такая онтология имплицитно содержится в языке, на котором мы говорим и думаем. Создание полноценного, самодостаточного искусственного интеллекта является идеальной целью, к которой устремлены техногенные методы овладения сущим. Сам факт создания такого интеллекта или успешная продуктивная работа в этом направлении уже на промежуточных этапах может выступать своего рода верификацией той или иной онтологии и быть использована в качестве таковой. При воплощении исторически

^{*} © Ю. М. Малышев, 2020.

обновляющегося мировоззренческого проекта русского космизма, ставящего целью обретение бессмертия и возможности неограниченного бесконечного существования, по всей видимости, существенную роль будет играть искусственный интеллект.

Ключевые слова: проблема мироздания; нечёткие онтологии; онтологические многообразия; каузохронотоп; искусственный интеллект; русский космизм как проект.

On the Ontology of Artificial Intelligence

Malyshev Yuri Mikhailovich – independent researcher, engineer, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: uramal1958@mail.ru

Abstract

Background: The creation of full-fledged artificial intelligence is a complex interdisciplinary and fundamental problem that is relevant to all aspects of society and the issue of the human universe as a whole. There are a number of questions related to the ontology of artificial intelligence. How does it correlate or can correlate with the ontology of natural intelligence? What role does ontology play or can play in artificial consciousness in general? Is ontology a desired foundation of any consciousness, including artificial? Are Fedorov's program (mastering time and causality), Tsiolkovsky's program (mastering space and causality) and the program for creating full-fledged artificial intelligence elements of an overall strategic Program?

Results: Ontology of artificial intelligence correlates with variants of ontology known in the history of philosophy. There is a possibility of its verification. The geometrization of ontology using the theory of graphs representing the relation of ontological manifolds is proposed. It is possible to formulate a broader, generalizing concept in relation to a chronotope – a causochronotope, which is understood as the ontological unity of causality-like, time-like and space-like manifolds.

Implications: The proposed approach to constructing artificial intelligence ontology can be taken as a basis and further used, concretized in the development of mental maps of ontology, disciplinary ontology, the ontology of mobile robots, cognitive agents, etc.

Conclusion: Artificial intelligence should be ontologically correlated with the model of the environment in which it is located. The ontology of artificial intelligence should be adequate to objective reality and correspond to it. This ontology is implicit in the language which we speak and think. The creation of full-fledged, self-sufficient artificial intelligence is an ideal goal towards which technogenic methods of mastering existence are applied. The very fact of creating such intelligence or successful productive work in this direction even at intermediate stages can act as a kind of verification of one or another ontology and may be used as such. Artificial intelligence is likely to play an essential role when implementing the

historically updated worldview Project of Russian cosmism, which aims to achieve immortality and the possibility of infinite existence.

Keywords: the problem of the universe; fuzzy ontology; ontological manifolds; causochronotope; artificial intelligence; Russian cosmism as a project.

При разработке и внедрении онтологии искусственного интеллекта (ИИ) необходимо соотнести её с онтологией естественного интеллекта (ЕИ), более или менее известной, и выяснить, как они соотносятся или могут соотноситься? Какую роль вообще играет или может играть онтология в искусственном сознании? Не является ли онтология искомым основанием любого сознания, в том числе искусственного?

Под онтологией в общем смысле понимается учение о сущем. Основными вопросами онтологии являются: что́ есть сущее, как и почему оно существует? Могло ли не существовать?.. Среди онтологий ЕИ можно выделить три основные группы. Для первой ключевым является вопрос о возникновении. Среди них наиболее продуманными и разработанными являются креационистская (сущее возникло из ничего, сотворено в сверхъестественном акте) и субстанциальная (сущее, так сказать, «невозникновимо» и неуничтожимо, всегда было, есть и будет существовать, проявляясь так или иначе). Вторая группируется вокруг дилеммы «единое – множественное». В этой группе выделяются онтологические монизм и плюрализм, частным случаем которого является дуализм. В эпоху ускоренного развития и нарастающего использования информационных технологий, квинтэссенцией которых мыслится ИИ, вокруг принципа объективного существования образуется (или вновь становится актуальной?) ещё одна группа онтологий. В этой группе косвенные доказательства того, что мы находимся в виртуальной реальности или в «Матрице», становятся всё убедительнее.

Для уточнения, конкретизации или обобщения цели, по мере продвижения к ней, осознания пространства, времени, причинно-следственного ряда и в целом каузохронотопа событий [1, т. 3, с. 96], масштабного понимания и оценивания ситуации, принятия адекватных решений, целесообразных действий, обладания способностью к самоидентификации и стратегическому планированию ИИ не должен быть наделён априорно моделью среды, в которой находится, но онтологически он может и должен быть соотнесен с ней [см.: 2]. Онтология ИИ должна быть адекватна объективной реальности, соответствовать ей. Такая онтология имплицитно содержится в языке, на котором мы говорим и думаем. Если бы это было не так, человек не смог бы достичь выдающихся успехов: построить города, создать сложную технику, разработать и внедрить технологии, организовать производство ценностей, выйти в космос и приступить к созданию ИИ.

Вершиной любой онтологии является система категорий, в основе которой находятся всеобщие категории. Такие категории и их соотношения можно вывести, обобщая смыслы частей речи и членов предложения, поскольку именно предложение выражает законченную мысль [см.: 3, с. 97–

114]. В результате мы получаем систему взаимосвязанных всеобщих категорий, которую можно представить в виде ориентированного графа. Такая форма представления позволяет отобразить не только онтологический статус всеобщих категорий и производных понятий, но и их соотношение (рисунки 1–2).

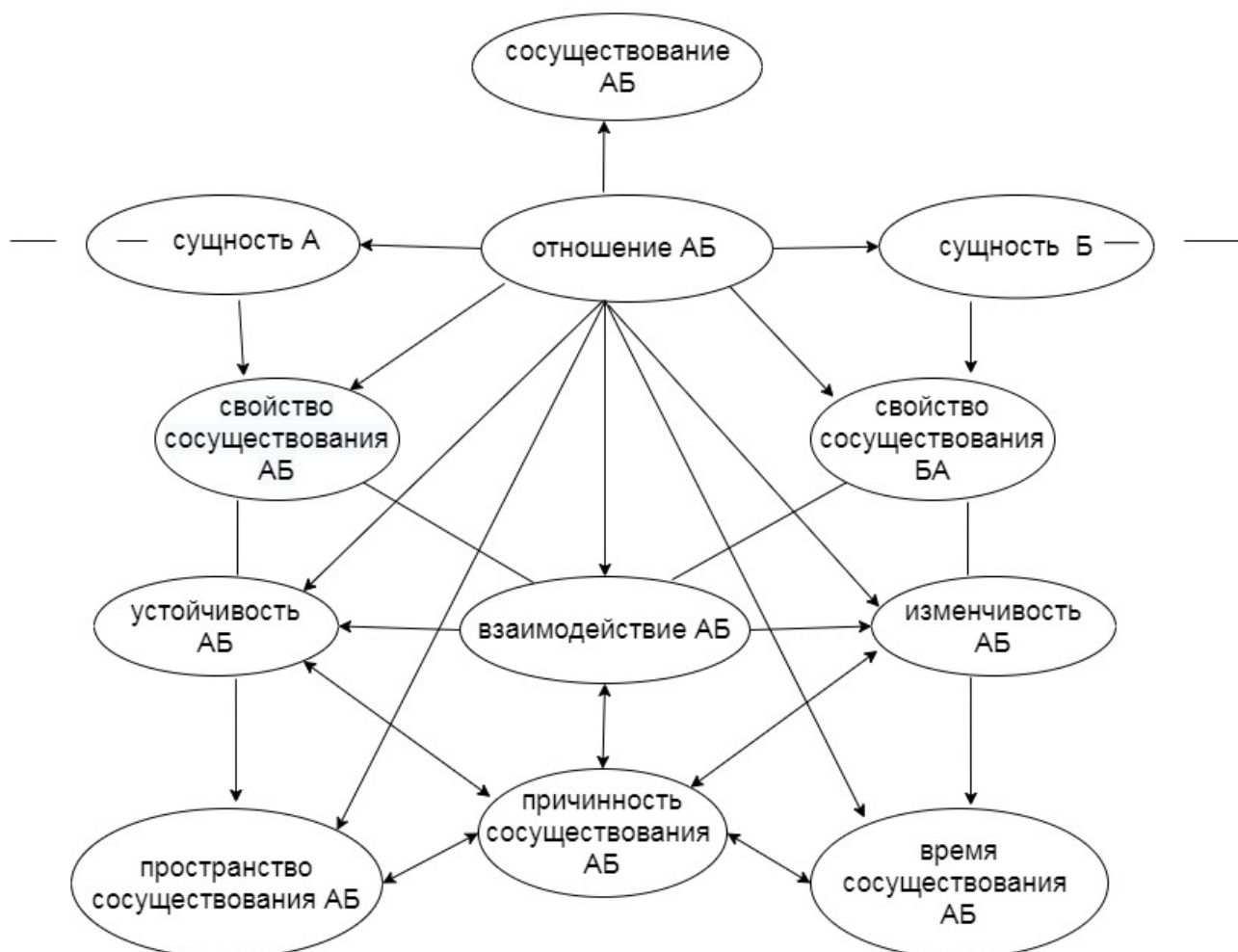

Рисунок 1 – Геометризация онтологии с использованием теории графов.

Открытая элементарная ячейка графа совокупности онтологических многообразий может быть дополнена другими сосуществованиями, поскольку сущность *A* и сущность *B* могут вступать в различные весовые отношения и находится в них – определённых или неопределённых и, возможно, до конца неопределяемых – с сущностями *B*, *Г*, *Д*, *Е*, *Ё*, *Ж*, *З*., теоретически можно допустить – с бесконечным количеством взаимно сосуществующих, конституирующих существование друг друга сущностей, их свойств и отношений. В предельно общем виде соотношения категорий уже содержатся в данной элементарной ячейке графа онтологических многообразий, отображаются в ней.

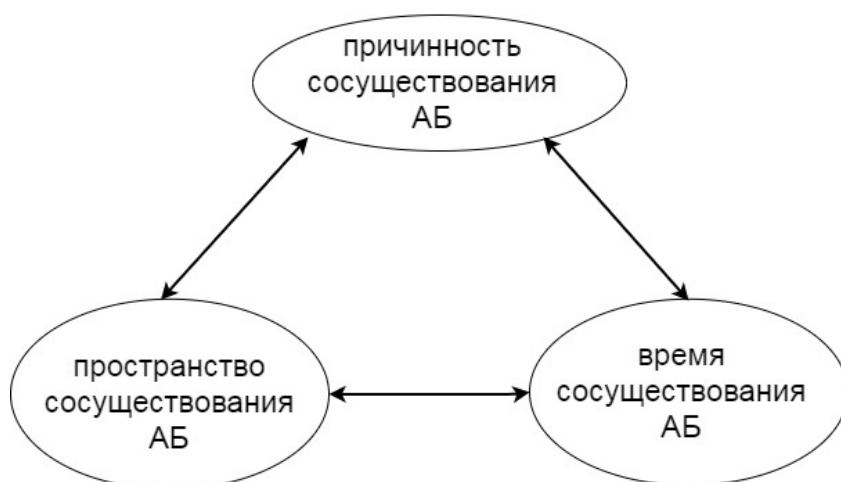

Рисунок 2 – **Каузохронотоп** сосуществования АБ – онтологическое единство причинностноподобных, времениподобных и пространственноподобных многообразий, которые не являются ещё категориями в строгом смысле. Чтобы стать, к примеру, пространством, необходимо в пространственноподобном онтологическом многообразии задать метрику или вывести её из конкретных измерений, единиц и их соотношений.

Сам факт создания полноценного, самодостаточного ИИ или успешной продуктивной работы в этом направлении (учитывая, что это идеал, к которому устремлён техногенный «постав» овладения сущим в своём пределе) может выступать своего рода верификацией той или иной онтологии уже на промежуточных этапах. При этом в каждой из указанных групп может появиться нечто новое, специфичное для искусственного сознания. Возможно, появление самодостаточного ИИ будет связано с возникновением радикально нового типа онтологий. Но пока он не создан, какой онтологии следует придерживаться разработчикам, создателям ИИ? На первый взгляд, креационистской, в соответствии с которой человек-Творец (*Homo creaticus*, *Homo creator*) действует по «образу и подобию Бога», которого ещё нет, но который может быть. Но искусственное сознание возникает не из ничего, а из того, что есть, из достигнутого уровня миропонимания, культуры, науки, техники и технологий. Не исключено, что специфически новым будет нечёткостный подход к онтологии, поскольку динамическая нечёткость является более общей, фундаментальной формой существования и его понимания по отношению ко всем видам чёткости – как условно статической, так и динамической – мерой осуществлённости событий, модусом, способом существования, не отражаемым так называемыми «чёткими онтологиями». В этом достигнутом контексте миропонимания чёткость выступает частным, предельным или идеальным случаем нечёткости, как правило, недостижимым в реальной действительности за конечный исторический срок. Как отмечают специалисты в области ИИ, нечёткие дисциплинарные онтологии, охватывающие широкое многообразие возможных явлений и ситуаций, «работают лучше». Генерализация нечёткостного подхода приведёт к появлению методологий, включающих нечёткое понимание и видение феноменов, с которыми сталкивается современная наука, философия,

социология, экономика, политология, искусство и пр., к созданию понятийно-категориальных аппаратов, способных работать с объектами принципиально нечётких форм существования и выражения, нечёткой онтологии, нечёткой гносеологии (с нечёткой динамической логикой, подобной логике живого, «живой логике», взятой у самой природы: «живые», «прорастающие» понятия и «живые», развивающиеся отношения между ними), нечёткой аксиологии, тем не менее, не выходящих за логику естественного существования объективной реальности. Это возможно при обращении к системе нечётких всеобщих категорий и производных понятий, ядро которой можно представить в виде нечёткого графа нечётких категорий (рисунки 3–4), вписывающихся в понимание и объяснение объективной реальности Вселенной и позволяющих посредством диалектики общего, особенного и единичного решать проблемы, встающие перед нами в настоящих условиях [см.: 4, с. 275–392; 1, т. 1, с. 194–278; т. 3, с. 207–210; 5, с. 183–186; 6].

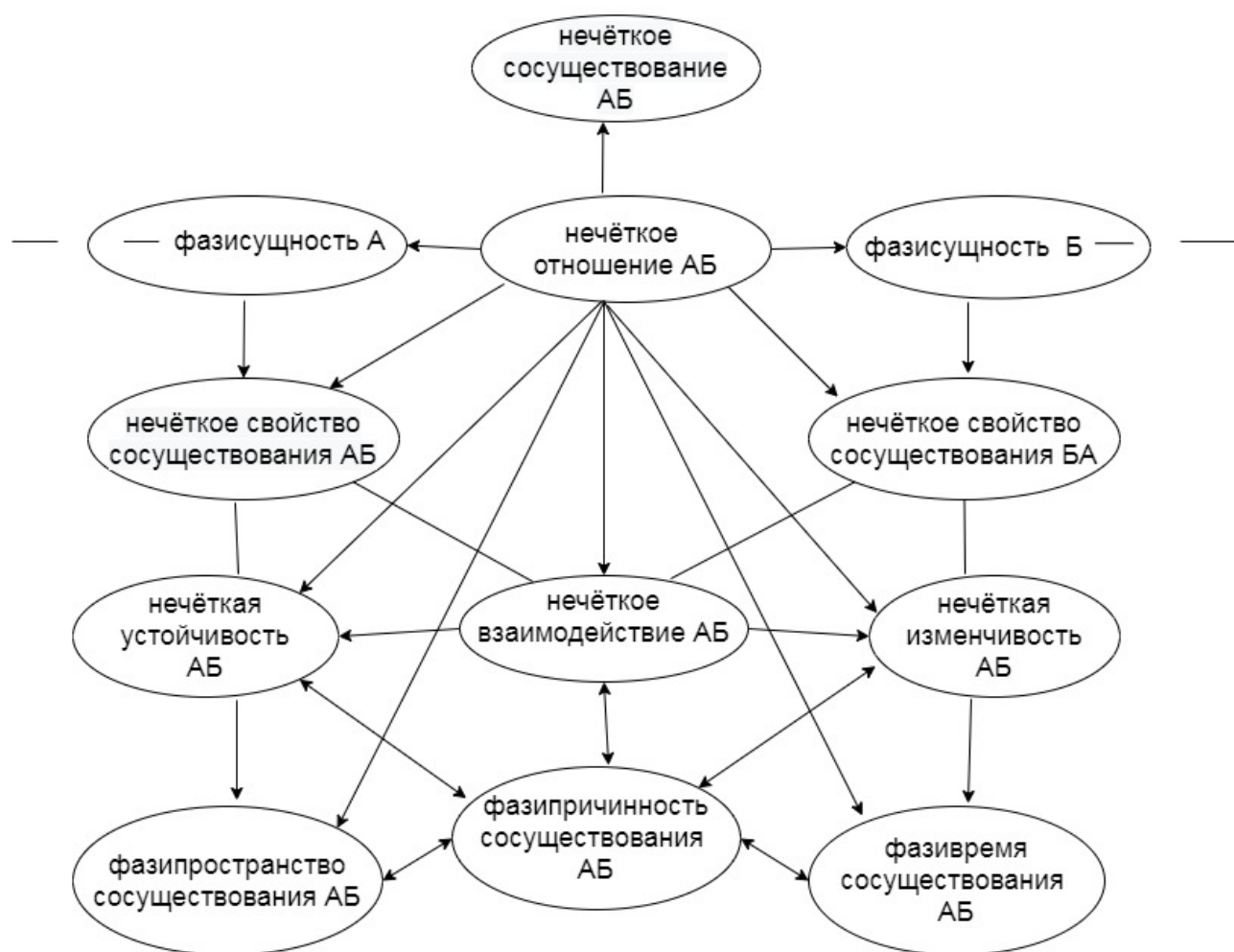

Рисунок 3 – Геометризация нечёткой онтологии с использованием теории графов. Элементарная основа нечёткого категориального графа реляционной матрицы нечётких всеобщих фазикатегорий. Под фазипричинностью, фазипространством, фазивременем понимается нечёткое причинностноподобное, пространственноподобное, времениподобное онтологическое многообразие сосуществования АБ, соответственно.

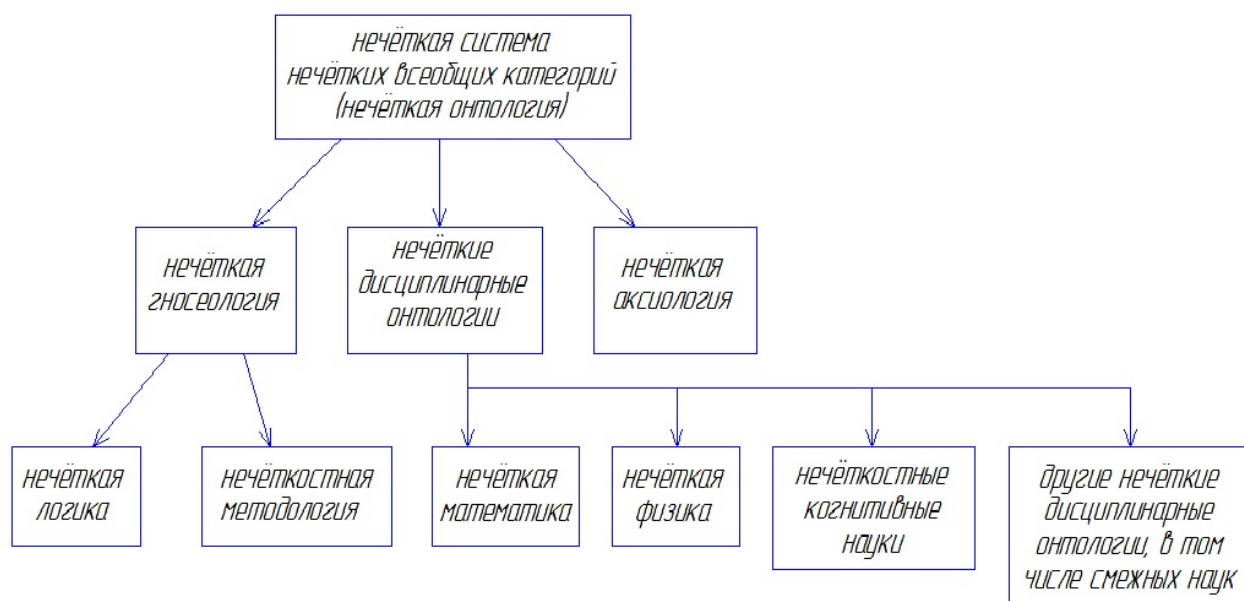

Рисунок 4 – Генерализация нечёткостного подхода.

Так или иначе, существуют два онтологически, гносеологически и аксиологически взаимосвязанных феномена: феномен человека и феномен мироздания – без понимания одного невозможно понять, оценить и освоить другое. До сих пор и то, и другое остаётся не понятым в значительной мере и, соответственно, не оценённым и не освоенным [см.: 3], существует стихийно.

Особенность текущего момента мировой истории заключается в революционном переосмыслении обоих феноменов. Это связано с открытием тёмной материи и тёмной энергии неизвестной природы (интерпретируемой как космический вакуум), квантовой телепортации, появлением нетрадиционных научных концепций мироздания, таких как многомирие (мультиверс), фазиверс [см.: 4] и другие, но, прежде всего, с формированием новой идеи человека, который подошёл вплотную к созданию мыслящей сущности иного рода. При этом надо понимать, что ИИ создаётся исторически как асимптотический процесс; общим, универсальным, самодостаточным или полноценным он может быть в онтологическом пределе. Это в высшей степени сложная междисциплинарная и многоплановая проблема, затрагивающая все стороны жизни, которая не может быть решена узкими специалистами, экспертами в той или иной дисциплинарной области научно-технического поиска, исследования. Нужны широко, энциклопедически образованные и социально ответственные люди – полиматы, универсалы. Постановка и возможное решение этой проблемы – закономерный этап техногенного овладения сущим при помощи различных инструментов и техники, которые появляются как продукт рефлексии и вынесения во внешний мир человеком собственных функций [см.: 7, с. 149; 8], как стремление «опредметить», передать и продолжить самое ценное, что у нас есть, – наше **сознание** со всем богатством, блеском и нищетой его содержания, сделать его разнообразным, в частности, бессмертным [см.: 8; 9, с. 53]. Это может восприниматься как «то, ради чего» всё было, есть и будет,

как квинтэссенция не только истории человечества, но и всей жизни на Земле и, возможно, в космосе.

В проблеме ИИ можно выделить сразу несколько **взаимосвязанных** планов или аспектов. **Религиозный** (наиболее древний и фундаментальный по отношению к сознанию и человеческой психике) – стремление к бессмертию обретает более или менее конкретные техногенные контуры – бессмертие на техногенном бесконечно обновляющемся носителе. **Философский** – экзистенциальное продолжение человека, его экзистенциальная проекция в сущее (в первом приближении), **отрицание** (по Гегелю) или **преодоление** достигнутого (по Ницше), или **вочеловечение сущего** (по Фёдорову и Блоку), превращение человека и человечества в реальную космическую силу, действующий фактор вселенского развития. **Научный** – формирование информационной (или информационно-вакуумной) парадигмы, способной радикально расширить когнитивные, методологические, мировоззренческие, праксиологические основания понимания взаимодействия субъекта самоопределения и действия со Вселенной, в которой он находится и себя обнаруживает, возможности преобразования её и сущего, «поскольку оно сущее». **Художественный** – формирование образа человека, органично вписанного в логику развития Вселенной, действительного шедевра, идеального человека, вечно молодого, прекрасного, творчески преобразующего природу, Вселенную, сущее. **Социальный** аспект проблемы – обеспечение условий сохранения человека во всех возможных его проявлениях и сущностных признаках как неотъемлемого фактора, феномена вселенской эволюции, её осуществления и развития, существенного расширения идеологических, психологических и интеллектуальных возможностей. В узком смысле – расширение возможностей и границ человека и человечества в контексте вселенского творчества, адаптации человека к условиям естественноисторического развития, преодоления конкретных противоречий со-бытия человека, общества, природы и Вселенной. **Геополитический** предполагает решение всех накопившихся проблем козволюции человека, общества, природы, Вселенной, в традиционной сферной модели – экономических, политических, социальных, духовных – за счёт создания ИИ, который унаследовал бы определённую культурволю, **её** идеалы и связанные с ними ценности, а вместе с ними и **право** неограниченно быть и господствовать не только здесь, на Земле, но и в космосе, и далее везде, во всех доступных и возможных регионах, фрагментах и модусах существования. Ставки подняты как никогда высоко, поскольку успех полностью «обнулит счётчик» в конкуренции земных цивилизаций и культурволей.

Грандиозная многоплановость открывающейся проблематики актуализирует и проблему смешанных или нечётких, синтетических планов, имеющих различные составляющие, обусловленные логикой естественноисторического существования человека и вселенского развития. Величайшим и наиболее впечатляющим из них является **русский космизм как проект** [см.: 1], который имеет религиозную, художественную, философскую, научную, технологическую, социальную, политическую и другие

составляющие. Возникает вопрос: не является ли философия Общего дела Фёдорова [см.: 10], космическая философия, космическая антропология Циолковского и создание полноценного, самодостаточного, независимого (не зависящего от какого бы то ни было внешнего управления) ИИ элементами единой «программы», которая исторически возникает, осознаётся и реализуется в онтологическом пределе как асимптотический процесс? Сможет ли человек без ИИ стать действительно радикальным субъектом самоопределения и действия, радикально расширить возможности и границы своего существования, преобразования и развития себя, условий своего существования, стать сверхчеловеком – осуществлять «регуляцию природы» в космическом масштабе, управлять космогенезом, заниматься космической инженерией, проникать и осваивать микро- и субмикромиры, создавать новые с наперёд заданными свойствами и отношениями, законами и закономерностями – хозяином вселиться в нашу Вселенную и в другие возможные миры? Уподобить своё мироздание бесконечно открытой самоорганизующейся системе, простирающейся в пространственно-временную и причинно-следственную даль – поскольку в ограниченном, замкнутом каузохронотопе в обозримой перспективе существования гибель любой цивилизации становится неизбежной?.. Создать абсолютно устойчивое художественно-техническое произведение и неограниченно долго продолжать «сверхжизнь» в сверхчеловеческом сообществе вместе с воскрешёнными родными и близкими [см.: 1, т. 2, с. 26–36, 338–373, т. 3, с. 9–31; 3, с. 313–358; 11], стать человеком космическим [см.: 12], осуществить заветную мечту *и проект русских космистов* [см.: 1]?

Принято считать, что никто не понимает всеобщий смысл происходящего. Тем не менее, существуют определенные точки зрения, мировоззренческие позиции и убеждения касательно этого «вечного вопроса», так или иначе раскрывающие его суть и отвечающие на него. Наиболее впечатляющей и полномасштабной из них является проект русского космизма.

Используя историческую ретроспекцию и осуществляя определённую философскую реконструкцию идей, приведём основные положения проекта русского космизма.

По Фёдорову, всеобщий смысл происходящего заключается в регуляции природы. При этом важное значение приобретает категория долженствования, обозначающая не то, что есть, а то, что должно быть в соответствии с нашей волей к героическому творчеству и желанием совершенной жизни, включая воскрешение всех ранее живших, возможно, не рожденных, умерших. Что в поэтической форме великолепно выразил Блок:

«О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!» [13, с. 57].

По Циолковскому, всеобщий смысл происходящего заключается в становлении лучистого человечества, более совершенного, прекрасного и

всего возможного по сравнению с земным, биосоциальным человечеством – болезненно противоречивым и преходящим. В существовании лучистого человечества будет снята земная проблематика в её локальной ограниченности и неразрешимости. Ему будет не страшна и «грозда Космоса», которая может ворваться в локальную жизнь и разрушить все наши планы. Космос не может справиться с тем, кто контролирует законы его существования, регулирует природу в широком смысле. Разумеется, сегодня, из XXI века, не ясны конкретные формы существования будущего «лучистого человечества». Будет ли это симбиотическая формация – естественноисторическое единство, в котором сохранится человек – к чему нас активно призывают убеждённые сторонники антропоцентризма всевозможных форм, по мнению которых различные формы нашего «искусственного бытия» должны стать нашими формами, способами вочеловечивания сущего, сохранения и обеспечения нас как конкретного уникального феномена космического, космическо-вселенского развития. Или же человек будет сохраняться как создатель-творец новых способов своего существования на основе вочеловечивания сущего и в виде своих заместителей, экзистенциальных продолжений и продолжателей Общего дела, через которые будет происходить дальнейшее расширение горизонтов вселенского существования (в том числе и по намеченной уже линии развёртывания и использования каузохронотопного подхода к раскрытию и пониманию существования и включению в его всевозможные формы)? Или же это будет нечто иное, «зачеловеческое», неантропоцентричное, запредельное, непредставимое из текущей современности, тем не менее, более устойчивое в своём существовании, чем то, что мы знаем, на что надеемся и во что верим. Но в нём всё-таки будет присутствовать человеческое начало – пусть в «снятом» виде, как неуловимо ускользающая, бесконечно малая, устремлённая к нулю величина. К этой идее нас приводит замешательство при попытках дать беспристрастный ответ на вопрос: что же будет сохраняться и что следует непременно сохранить при переходе от человека земного к человеку космическому [см.: 12] и далее к «человеку всегда, везде и всевозможно сущему» [14; 4, с. 393–529]. Ведь сущность человека остаётся открытой даже в земном масштабе рассмотрения и понимания событий, не говоря уже о вселенском, всеобщем?..

В соответствии с нелинейно-динамической (синергетической) концепцией мироздания не столь важно, кто конкретно и на каком этапе побеждает, какая промежуточная тенденция доминирует, гораздо важнее – что делается для поддержания общего накала борьбы. Поскольку только в борьбе, в противоборстве и взаимодействии может выработаться нечто общезначимое, наиболее устойчивое и надёжное, обеспечивающее дальнейшее благополучное существование.

В контексте онтологического единства пространства, времени, причинности – каузохронотопа – вышеперечисленные мировоззренческие позиции не исключают, а дополняют друг друга до более цельной и полной концепции мироздания, дающей представление о всеобщем смысле происходящего. При этом важную роль имеет становление ИИ, которое в

истории человечества осуществляется волнами. Уже сегодня очевидно, что и воскрешение умерших, вочеловечивание безличного, увековечивание сущего и освоение дальнего космоса невозможно осуществить без ИИ.

К началу зарождения ИИ можно отнести появление первых автоматических устройств – «автоматов». В Новое время создаются автоматические механические устройства: мельницы, насосы и пр., механические игрушки (куклы, двигающиеся статуи в садах и пр.), шарманки, механические пианино, патефоны и первые вычислительные машины, начиная с механического вычислительного устройства Паскаля. К зарождению второй волны можно отнести появление кино, имеющее своей предтечей древнегреческий театр, неуклонно развивающийся в техническом отношении со времени своего появления. Далее – шифровальщиков и дешифровальщиков, работы Тьюринга (и его знаменитую машину), фон Неймана и др., кибернетику Винера, широкое распространение ЭВМ и другое, хорошо известное. Пик второй волны приходится на начало XXI века, когда казалось, что ещё немного, и вот-вот будет создан или возникнет стихийно, путём самоорганизации в ускоренно усложняющейся техногенно-информационной среде, полноценный ИИ – новый актер исторического действия. Третья волна ИИ не за горами. Её появление будет связано, прежде всего, с возникновением новых прорывных технологий в интегральной когнитивистике. Сейчас идёт колоссальное накопление материала, подготовка к переходу количества в качество. Вся информация, которой мы с таким энтузиазмом «кормим», можно сказать, «вскармливаем», зарождающийся ИИ – переписка, обмен репликами, фотографиями, видео и тому подобное – пригодится для воскрешающего ИИ [см.: 11]. Поскольку в ней, как ни в чём ином, фиксируется наша сущность – как внешняя, очевидная, так и внутренняя, невидимая, в том числе та, которую мы не знаем, не понимаем или хотели бы скрыть и так или иначе пытаемся сделать это.

Список литературы

1. Малышев Ю. М., Семёнов А. Г., Семёнов О. П., Сергеев В. М. Русский космизм как проект. В 3 т. – СПб.: Издательство Политехнического университета Петра Великого, 2018. – 1366 с.
2. Потапов А. Семинар сибирской школы искусственного интеллекта // Academpark – YouTube. – URL: <https://youtu.be/ZTPfz6WuxXA> (дата обращения 06.11.2020).
3. Малышев Ю. М., Семёнов А. Г., Семёнов О. П. Феномен мироздания: за и против. – СПб.: Издательство Политехнического университета Петра Великого, 2016. – 582 с.
4. Малышев Ю. М., Семёнов А. Г., Семёнов О. П. Фазиверс. Феномен нечёткого мироздания и другие эвристики в современной науке и культуре. – СПб.: Издательство Политехнического университета Петра Великого, 2017. – 842 с.

5. Малышев Ю. М. Фазиверс // Проблемы исследования Вселенной. Труды конгресса-2018 «Фундаментальные проблемы естествознания». – 2018. – Том 38 (1). – С. 176–191.
6. Малышев Ю. М. Нечёткая истина // Аллея науки. – 2019. – № 1 (28). – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/05January2019/NEChYoTKAYa%20ISTINA.pdf (дата обращения 06.11.2020).
7. Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 149–162.
8. Щукин Т. Субстрат-независимый разум как закономерный результат НБИК-конвергенции // Россия 2045. Стратегическое общественное движение. – URL: <http://www.2045.ru/articles/29719.html> (дата обращения 06.11.2020).
9. Малышев Ю. М. Поиск истины в пространстве современной культуры с помощью искусственного интеллекта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 3(25). – С. 47–63. – URL: <http://fikio.ru/?p=3691> (дата обращения 06.11.2020).
10. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Прогресс, 1995.
11. Турчин А. Цифровое бессмертие: как собрать информацию о себе так, чтобы будущий ИИ мог вас воскресить // Трансгуманизм – Вконтакте. URL: https://vk.com/transhumanist?z=video-107391_456239358%2Fvideos-107391%2Fpl_-107391_-2 (дата обращения 06.11.2020).
12. Кричевский С. В. Космический человек (концепция) // Научное значение трудов К. Э. Циолковского: история и современность. Материалы 55-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Часть 2. – Калуга: Эйдос, 2020. – С. 39–41.
13. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 3: Стихотворения (1907–1916). – М.: Наука, 1997 – 992 с.
14. Малышев Ю. М. К вопросу о теории космических эр // Научное значение трудов К. Э. Циолковского: история и современность. Материалы 55-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Часть 2. – Калуга: Эйдос, 2020. – С. 29–32.

References

1. Malyshev Yu. M., Semenov A. G., Semenov O. P., Sergeev V. M. Russian Cosmism as a Project. In 3 vol. [*Russkiy kosmizm kak projekt. V 3 t.*]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Politekhnikheskogo universiteta Petra Velikogo, 2018, 1366 p.
2. Potapov A. Seminar of the Siberian School of Artificial Intelligence [*Seminar sibirskoy shkoly iskusstvennogo intellekta*]. Available at: <https://youtu.be/ZTPfz6WuxXA> (accessed 06.11.2020).
3. Malyshev Yu. M., Semenov A. G., Semenov O. P. The Phenomenon of the Universe: pro et contra [*Fenomen mirozdaniya: za i protiv*]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Politekhnikheskogo universiteta Petra Velikogo, 2016, 582 p.

4. Malyshev Yu. M., Semenov A. G., Semenov O. P. Fuzziverse. The Phenomenon of the Fuzzy Universe and Other Heuristics in Modern Science and Culture [*Fazivers. Fenomen nechetskogo mirozdaniya i drugie evristiki v sovremennoy nauke i kulture*]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Politehnicheskogo universiteta Petra Velikogo, 2017, 842 p.

5. Malyshev Yu. M. Fuzzyverse [Fazivers]. *Problemy issledovaniya Vselennoy. Trudy kongressa-2018 "Fundamentalnye problemy estestvoznaniya"* (Problems of Research of the Universe. Proceedings of the Congress-2018 "Fundamental Problems of Natural Science"), 2018, vol. 38 (1), pp. 176–191.

6. Malyshev Yu. M. Fuzzy Truth [Nechetskaya istina]. *Alleya nauki* (Alley of Science), 2019, no. 1 (28). Available at: https://alley-science.ru/domains_data/files/05January2019/NEChYoTKAYa%20ISTINA.pdf (accessed 06.11.2020).

7. Florensky P. A. Organoprotective [Organoproektsiya]. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* (Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought. Moscow: Pedagogika-Press, 1993, pp. 149–162.

8. Schukin T. Substrate-Independent Mind as a Natural Result of NBIC-Convergence [*Substrat-nezavisimyy razum kak zakonomernyy rezultat NBIK-konvergensii*]. Available at: <http://www.2045.ru/articles/29719.html> (accessed 06.11.2020).

9. Malyshev Yu. M. The Search for Truth in the Space of Modern Culture with the Help of Artificial Intelligence [Poisk istiny v prostranstve sovremennoy kultury s pomoschyu iskusstvennogo intellekta]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in the Information Society), 2019, no. 3 (25), pp. 47–63. Available at: <http://fikio.ru/?p=3691> (accessed 06.11.2020).

10. Fedorov N. F. Collected Works: in 4 vol. [*Sobranie sochineniy: v 4 t.*]. Moscow: Progress, 1995.

11. Turchin A. Digital Immortality: How to Collect Information about Yourself So That Future AI Could Resurrect You [*Tsifrovoye bessmertie: kak sobrat informatsiyu o sebe tak, chtoby budushchiy II mog vas voskresit*]. Available at: https://vk.com/transhumanist?z=video-107391_456239358%2Fvideos-107391%2Fpl_-107391_-2 (accessed 06.11.2020).

12. Krichevsky S. V. Space Man (Concept) [Kosmicheskii chelovek (kontseptsiya)]. *Nauchnoe znachenie trudov K. E. Tsiolkovskogo: istoriya i sovremennost. Materialy 55-kh Nauchnykh chteniy pamyati K. E. Tsiolkovskogo. Chast 2* (Scientific Significance of K. E. Tsiolkovsky's Works: History and Modernity. Materials of 55 Scientific Readings in Memory of K. E. Tsiolkovsky. Part 2). Kaluga: Eidos, 2020, pp. 39–41.

13. Blok A. A. Complete Works and Letters in 20 Volumes. Volume 3: Poetry (1907–1916) [*Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 tomakh. Tom 3: Stikhotvoreniya (1907–1916)*]. Moscow: Nauka, 1997, 992 p.

14. Malyshev Yu. M. On the Theory of Space Eras [K voprosu o teorii kosmicheskikh er]. *Nauchnoe znachenie trudov K. E. Tsiolkovskogo: istoriya i sovremennost. Materialy 55-kh Nauchnykh chteniy pamyati K. E. Tsiolkovskogo.*

Chast 2 (Scientific Significance of K. E. Tsiolkovsky's Works: History and Modernity. Materials of 55 Scientific Readings in Memory of K. E. Tsiolkovsky. Part 2). Kaluga: Eidos, 2020, pp. 29–32.

УДК 165.2

Актуализация методологических подходов к изучению мышления и креативности*

Боровинская Дарья Николаевна – Сургутский государственный педагогический университет, кафедра социально-гуманитарного образования, доцент, кандидат философских наук, доцент, Сургут, Россия.

Email: sweetharddk@mail.ru

SPIN: 7541-3509

Авторское резюме

Состояние вопроса: Необходимость изучения мышления и креативности обусловлена стремительными изменениями, происходящими в различных сферах жизнедеятельности. С одной стороны, проблемы современного мира требуют практической реализации оригинальных решений, основанных на максимальном использовании нетрадиционных способов мышления. С другой – существует потребность создания и внедрения новых, значимых для общества продуктов, что невозможно без понимания способствующих этой деятельности реальных обстоятельств.

Результаты: Большая часть фундаментальных работ в области мышления формирует определённое единство логических и психологических представлений о нем, что накладывает отпечаток и на развитие научных представлений о мышлении, результатом которого является креативный продукт.

На основе существующих результатов, полученных за весь период развития науки в различных сферах жизнедеятельности, в исследовании мышления формулируются новые подходы, теории, концепции, обладающие интегративными свойствами. Однако более значимым является не формирование новых теорий, а установление возможных и невозможных «сбоев» уже существующих.

Так, начиная с середины XX в. в изучении мышления активно формируется междисциплинарный подход. При этом особенность реализации данного подхода заключается в том, что он не отрицает другие подходы, а, вбирая в себя их достоинства и существуя на стыках научного знания, позволяет интегрировать существующие подходы в такую модель, которая открыта для дальнейшего развития.

Область применения результатов: Актуализация предложенных подходов к изучению мышления и креативности в условиях информационного общества позволяет точнее и определённое понять предмет креативности. Представленные результаты дают материал для философского анализа проблем, связанных с мышлением и его спецификой, учёта особенностей мыслительных операций при формировании актуальных квалификационных моделей бакалавров в действующей системе образования.

* © Д. Н. Боровинская, 2020.

Методы исследования: В работе использованы философские и общенаучные методы, поскольку исследование носит междисциплинарный характер.

Выводы: Исследования в области мышления претерпели значительные изменения. Сегодня акцент делается как на внешних, так и на внутренних формах и аспектах мышления. Например, на восприятии внешних предметов или специальных знаковых систем, данных субъекту внешним образом. Это могут быть текст, схема, изображения, а также формы на основе речевых высказываний, когда изучаются закономерности формирования языка, предпосылок осуществления коммуникации.

Ключевые слова: мышление; креативность; подходы к изучению мышления; логический полюс креативного; коммуникация; текст.

Actualization of Methodological Approaches to the Study of Thinking and Creativity

Borovinskaya Daria Nikolaevna – Surgut State Pedagogical University, Department of Social and Humanitarian Education, Associate Professor, PhD (Philosophy), Associate Professor, Surgut, Russia.

Email: sweetharddk@mail.ru

Abstract

Background: The need to study thinking and creativity is due to the rapid changes occurring in various spheres of life. On the one hand, the problems of the modern world require the practical implementation of original solutions based on the maximum use of non-traditional ways of thinking. On the other hand, there is a need to create and introduce new products that are significant for society, which is impossible without understanding the real circumstances that contribute to this activity.

Results: Most of the fundamental publications in the field of thinking give a certain unity of logical and psychological ideas about it. They leave an imprint on the development of scientific ideas about thinking, the result of which is a creative product.

Based on the existing results obtained over the entire period of the development of science in various spheres of life, new approaches, theories, concepts with integrative properties are being formulated in the study of thinking. However, it is not the formation of new theories that is significant, but the identification of possible and impossible “failures” of existing ones.

Starting from the middle of the twentieth century, an interdisciplinary approach to the study of thinking has been formed. The peculiarity of the implementation of this approach is based on the fact that it does not deny other approaches, but, absorbing their merits and existing at the junction of different scientific spheres, it allows existing approaches to integrate into a model that is open for further development.

Implications: Actualization of the proposed approaches to the study of thinking and creativity in information society makes it possible to understand the subject more accurately and definitely. The presented results provide material for a philosophical analysis of the problems associated with thinking and its specifics, taking into account the peculiarities of mental operations in the formation of actual models of bachelors in the current education system.

Research methods: The work uses philosophical and general scientific methods, since the research is interdisciplinary in nature.

Conclusion: Research in the field of thinking has undergone significant changes. Today, the emphasis is on both external and internal forms and aspects of thinking, for example, on the perception of external objects or special sign systems given to the subject in an external way. These can be a text, a diagram, an image, as well as forms based on speech utterances, when some patterns of the language formation, i. e. prerequisites for communication are studied.

Keywords: thinking; creativity; approaches to the study of thinking; logical pole of the creative; communication; text.

В многообразии философских направлений, исследовавших мышление в XIX–XX веках, не было единой стратегии. Основные методологические подходы были представлены психологическим, логическим, информационным, технологическим подходами.

Первая психологическая теория мышления была разработана Д. Юмом. Затем теория, в основе которой лежит ассоциативное связывание впечатлений и идей, была дополнена исследованиями Д. Гартли, В. Вундта и др. Американский философ и психолог У. Джеймс также полагал, что ассоциация по сходству лежит в основе творческой аналогии, когда индивид переносит старый опыт на новую ситуацию.

Мышление исследуется как непрерывный процесс анализа через синтез. В конце XIX века немецкий логик Т. Липпс предложил программу разделения исследовательского труда. Законы мышления и установившиеся продукты рационального познания, отличающиеся своей определённой чётким порядком, есть предмет логики, а собственно процесс мышления остаётся за психикой как предметом психологии.

В этот период развития научных знаний о мышлении актуальным стало исследование соотношения мышления и языка, мышления и речи. По мнению С. Л. Рубинштейна, трудность решения этой проблемы связана с тем, что при постановке её в одних случаях рассматривалось мышление как процесс, как деятельность, в других – мысль как продукт этой деятельности [см.: 11].

Процессуальность мышления исследовал немецкий и американский психолог К. Коффка. Он выделил три основные операции структурирования: объединение, анализ, вычленение структурного центра. Именно последнюю он считал самым главным мыслительным действием, которое находит промежуточные звенья. Здесь безразличный элемент (запрет или что-то другое)

вдруг становится центром всей структуры. Такая внезапность и является яркой феноменальной характеристикой мышления.

Триаду ведущих структурных операций, где наряду с центрированием выделялись группировка и реорганизация, предложил немецкий психолог М. Вертгеймер.

Мышление как способ решения задач детально исследуется представителями Вюрцбургской школы (Н. Ах, К. Бюлер, О. Кюльпе, О. Зельц), которые выстроили свою концепцию на критике ассоцианизма. О. Кюльпе полагал, что основой мышления должно стать понятие задачи-цели. О. Зельц определил задачу как исходный пункт развёртывания мышления, в котором обнаружены пробелы. Продуктивное мышление в социальной практике и науке, по его мнению, отличается целенаправленностью и предвиденными открытиями.

Систематическую концепцию мышления и конфликтную теорию начала мысли предложил американский философ Д. Дьюи. Он отмечал, что процесс мышления возникает тогда, когда нарушается привычная связь внешнего стимула (S) с реакцией организма (R). Концепция полного акта мышления включает пять ступеней: чувство затруднения; определение проблемного затруднения; представление о возможном решении; аналитическое развитие гипотезы; эмпирическое обоснование результата.

Наряду с психологическим подходом активно развивается логический. Один из первых философских вариантов логицизма был представлен ещё Гегелем. Ключевым импульсом в мышлении немецкий философ признавал противоречие. «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения» [4, с. 265].

Разрешение противоречия «справедливо толкуется Гегелем как “предложение”, абстрактно формулирующее реальный аспект действительного закона мышления, действительной логической формы. И этот действительный закон мышления заключается в том, что “противоположности” не просто фиксируются как таковые, сами по себе, вне связи друг с другом, а постигаются в их единстве, доходящем до тождества, причем как “противоположности”, так и их “тождество” выступают как взаимопредполагающие моменты перехода одного в другое» [7].

Поиск новых путей развития науки о рациональных формах мышления происходит через выстраивание различных логических исчислений в виде особых формализованных языков.

На рубеже XIX–XX веков психологизм получил достойный отпор. Первым в критику вступил Г. Фреге. Он указал на главный недостаток психологизма, состоявший в смешении субъективных представлений с объективными смыслами и значениями. Для развития теоретической науки, включая математическую логику, нужно установить чёткое разделение: субъективными образами занимается психология, а объективными понятиями – общая (математическая) и специализированные (теоретические разделы науки) логики. «Строго отделять психологическое от логического, субъективное от объективного; о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в

контексте предложения; не терять из виду различие между понятием и предметом» [14, с. 23].

Немецкий логик утверждает, что «если мы вообще хотим выйти за пределы субъективного, мы должны понимать познание как деятельность, которая не создаёт познаваемое, но схватывает то, что уже существует. Образ схватывания хорошо подходит для освещения существа дела» [19, с. XXIV]. В процессе схватывания «мышление не создаёт мысли, но вступает в отношение с чем-то объективным. Мысль тесно связана с истиной, но то, что признаётся истинным, то, о чём выносится суждение, является истинным совершенно независимо от того, кто выносит суждение. Когда учёный говорит о факте как о твёрдом основании науки, он имеет в виду мысль, которая признаётся за истинную, и если бы последняя зависела от изменчивых состояний человеческого рассудка, то никакой речи об объективном знании идти не могло бы. Учёный не создаёт, но открывает истины, которые безотносительны ко времени» [12, с. 44].

В 1879 году Г. Фреге вводит понятие пропозициональной функции и формулирует логистический метод. По его мнению, «можно увидеть, как чистое мышление, отвлечённое от всякого такого содержания, к которому приходим через чувства или даже через созерцание *a priori*, может порождать только из содержания, вытекающего из его же особенностей, суждения, которые на первый взгляд кажутся возможными лишь на основании какого-нибудь содержания» [15, с. 125].

В контексте изучаемого вопроса интерес представляет теория смысла, согласно которой в знаковой системе выделяются три категории знаков: собственные имена, имена функций и имена истинности значений. И каждое из них связано с предметным значением посредством смысла. Именно этому элементу – смыслу немецкий логик отводит эвристическую функцию приращения знания.

Предложенная Г. Фреге программа логицизма была близка британскому философу Б. Расселу. При этом его, скорее, интересовало отношение структур мысли к тому, что мыслится.

Он установил зависимость онтологических представлений от логической структуры и обосновал, что выбранный способ формализации затрагивает не только структуру мысли, но и нечто говорит о мире. «Ему удалось показать, что онтологию можно рассматривать как следствие определённой формально логической доктрины. Выявление структуры мысли задаёт структуру мыслимого, и в этом отношении формальная логика приобретает трансцендентальное содержание» [12, с. 56].

Тем самым Рассел стремится представить процесс познания так, чтобы он соответствовал логическим структурам, выведенным с помощью чисто формального исследования.

Сложность заключается в том, что в рамках самой логики трансцендентальное содержание остаётся на уровне бессодержательных моделей, которые имеют дело с любой возможностью. «В логике было бы пустой тратой времени рассматривать выводы относительно частных случаев;

мы имеем дело всегда с совершенно общими и чисто формальными импликациями, оставляя другим наукам исследование того, в каких случаях предложения подтверждаются, а в каких нет» [20, с. 47].

Критика концепций Г. Фреге и Б. Рассела явилась основным предметом исследования Л. Витгенштейна, что нашло отражение в его работах «Заметки по логике», «Заметки, продиктованные Дж. Э. Муру».

Акцентируя внимание на анализе символических особенностей логических предложений, Витгенштейн утверждает, что компетенция логики ограничивается исследованием особенностей знаковых систем. И решение вопроса кроется не в том, чтобы создать новый, более совершенный язык; дело в том, чтобы, следуя внутренней целесообразности языка, правильно объяснить, как он работает. «Мы должны узнать, как язык заботится о себе» [1, с. 61].

Мышление тесным образом связано с логическим языком, и сущность языка австрийский философ видит в описании реальности. «Мышление и язык – одно и то же. А именно, мышление есть вид языка. Так как мысль, конечно, тоже есть логический образ предложения и, таким образом, также и некоторый вид предложения» [1, с. 105]. А раз мышление и язык одно и то же, то всё существенное языка в полной мере относится и к мышлению как его разновидности.

Основной грамматической категорией для Витгенштейна являлось предложение, при этом его подход к исследованию существенно отличался от подхода Фреге и Рассела. Для объяснения предложения австрийский логик привлекал понятие образа, трактуемое особым способом. «Образ состоит в том, что его элементы соотносятся друг с другом определённым способом. Образ есть факт» [3, с. 14]. Образ, не имеющий отношения к чувственному восприятию, не зависит от того, кому он принадлежит, но обладает структурой (соотношением элементов), которая может быть отображена через форму. «Форма отображения есть возможность того, что предметы соотносятся друг с другом так же, как элементы образа» [3, с. 151]. При этом именно форма отображения есть то общее, что образ имеет с действительностью. «То, что образ должен иметь общим с действительностью, чтобы он мог отображать её на свой манер – правильно или ложно – есть его форма отображения» [3, с. 117].

Форма отображения, по мнению Витгенштейна, характеризует следующие свойства образа: композиционность – «предметам соответствуют в образе элементы образа»; репрезентативность – «элементы образа замещают в образе предметы»; одинаковая математическая сложность с отображаемым; общность формы с отображаемым. Именно последнее свойство позволяет философу утверждать, что все возможные различия в способах отображения означают, что можно создать различные образы одной и той же действительности. В свою очередь, в форме отображения необходимо различать его средства и структуру. Пространство, временные промежутки, цветность и т. п. есть лишь средства отображения; структура же – это то, что остаётся помимо всех отобразительных средств. Общность формы,

следовательно, разбивается на: общность отобразительных средств (пространственный образ отображает пространственные отношения элементов действительности; цветовой – цветовые и т. п.); общность структуры (структура характеризуется наличием элементов и их возможным соотношением, безразличным к конкретному способу изображения) [см.: 12].

Важно, что «образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения» [3, с. 22]. Образ в таком случае соотнесён не с действительностью, но лишь с возможностью того, что он изображает. Но в этой возможности присутствует и невозможность, поскольку каждый образ изображает не только то, как должны обстоять дела, чтобы он был верным, но и то, чего быть не должно, дабы он не оказался ложным [см.: 12]. И здесь, в связи с креативным, важно то, что особая роль отводится именно пониманию всей совокупности предложений, что охватывает всякую возможную реальность через образы.

Логический полюс креативного составляют образы, в которых отражены только необходимые черты, то есть в образе, где форма отображения является логической формой. Именно такой – логический – образ Витгенштейн называет мыслью [см.: 2]. «Возможность мыслить действительность означает возможность создать её образ» [12, с. 175]. Как образ, «мысль содержит возможность того положения вещей, которое ей мыслится». Другими словами, если возможно всё то, что можно помыслить, или, что одно и то же, образ чего можно создать, то образ того, чего создать нельзя, – невозможно, или, вернее, нельзя было бы помыслить, что оно собой представляет.

«Многие идеи Фреге, Рассела, Мура, Витгенштейна своим источником имеют те взгляды мировой философии, где во главу угла ставилась точность и обоснованность хода доказательства, а основным принципом верифицируемости выдвигаемых теорий выступала очевидность, в той или иной мере соответствующая корреспондентской теории истины» [13, с. 24].

В отечественной практике большой вклад в решение проблемы мышления был внесён членами Московского логического, а впоследствии методологического кружка (Н. Г. Алексеев, О. И. Генисаретский, Б. А. Грушин, В. В. Давыдов, А. А. Зиновьев, И. С. Ладенко, М. К. Мамардашвили, В. М. Розин, В. С. Швырёв, Г. П. Щедровицкий и многие другие выдающиеся философы).

В свете построения «новой логики» мышление исследуется через его проявление в текстах, где внимание акцентируется на знаковом замещении. Это логическое отношение (и обратное ему отношение отнесения), которое связывает знаковую форму и объективное содержание, представляющие собой две «плоскости» относительно независимого «разворачивания» процессов мышления [17, с. 590]. Представление мышления в таком двухплоскостном (пространственном) аспекте было принципиальным отличием программных установок Московского методологического кружка (далее: ММК) как от формальной логики (которая «видит» содержание только «сквозь» форму), так и от логики диалектической (которая в лучшем случае поступает «наоборот»),

то есть рассматривает разворачивание форм мышления как «самодвижение содержания») [см.: 18].

В качестве базовых положений построения «новой логики» Г. П. Щедровицкий выделял следующие: 1) мышление есть прежде всего деятельность, именно деятельность по выработке новых знаний; 2) ядро, сердцевину этой деятельности образует выделение определенного содержания в общем «фоне» действительности и «движение» по этому содержанию; 3) знаковые структуры, составляющие материал мышления, и техника оперирования ими зависят от того содержания, которое отражается в этих структурах; 4) мышление представляет собой исторически развивающееся, или, как говорил Маркс, «органическое» целое. Новая логика должна быть, следовательно, содержательной и генетической [см.: 16, с. 39].

В то же время поворот к «опосредованному» методологизму, представленный работами А. А. Зиновьева и Э. В. Ильенкова, наоборот, состоит в том, что нужно смотреть не на мир, а на мышление, которое этот мир познаёт – то есть на «способ полагания» мышлением объективного содержания.

«ММК объединяла Идея мышления и его развития, причем развития, осуществляемого коллективно. Спецификой методологического мышления является особый тип нормативности, соединяющий практическое отношение мышления к миру с рефлексивно-практическим отношением этого мышления к самому себе. Практическое отношение мышления к миру проявляется в деятельностном подходе, в принципе деятельности, выводящем мышление на задачи социального действия. Практическое отношение мышления к самому себе проявляется также в принципе его рефлексивной самоорганизации» [9].

Основным тезисом в работе ММК является то, что организация коллективно-распределённого мышления изменяется вполне сознательно и организационные схемы подотчётны рефлексии (принцип рефлексивной самоорганизации). В целом в обозначенный период развитие научных представлений о мышлении характеризуется, с одной стороны, превалированием «логицизма», а с другой – определённым распространением субъективно-психологической точки зрения. Большая часть фундаментальных работ в области мышления формирует определённое единство логических и психологических представлений о нем, что наложило отпечаток и на развитие научных взглядов на креативное мышление.

Отдельный интерес в рамках уточнения предмета нашего исследования представляют результаты работ, появление которых было продиктовано особенностями информационного подхода, активно развивавшегося с середины XX века. Данный подход широко используется в когнитивных науках, на стыках психологии, нейрофизиологии, компьютерных наук, при разработке проблематики искусственного интеллекта.

В современных исследованиях человеческой психики, в которых преобладает естественно-научная ориентация, для концептуального выражения проблем и результатов широко используется комплекс общенаучных понятий, ядром которого выступает категория информации [см.: 6].

«Сформировался новый тип теоретического объяснения, связанный прежде всего с принципами информационной причинности и организации, информационного управления и функционирования самоорганизующихся систем, которые, повторяю, не противоречат физическим объяснениям, но расширяют горизонты научных исследований и создают новые концептуальные возможности решения междисциплинарных проблем. Именно в этом плане главную роль играют информационные подходы. Их плодотворность обусловлена тем, что они способны создавать *концептуальные мосты* между физическими, биологическими, психологическими и социогуманитарными исследованиями» [5]. Образ предмета, создаваемый в результате мыслительных процессов, так или иначе «есть информация, воплощённая в определённом мозговом коде» [6, с. 147].

В качестве центральной представителями информационного подхода выделяется задача расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений. Более того, данный подход активно используется и для выяснения методологических способов междисциплинарных исследований социокультурной динамики [см.: 10].

Попытка обосновать единство трёх элементов мышления – проблема, метод и результат – была предпринята в рамках технологического подхода, где мышление предстаёт в виде знания, которое структурируется в последовательность актов, дающую в итоге новую когницию. Вкупе с теорией информации и на основе кибернетических разработок появляется направление, исследующее «искусственный интеллект» (ИИ). Познание стало трактоваться в виде получения, обработки, хранения и передачи знаний. В исследованиях по ИИ чётко выделялись два направления: распознавание образов и решение задач. Работы в этой области позволили выявить значительное многообразие видов задач. Одна из их разновидностей специфична тем, что исходные данные задачи неизменны, а характеристики модели могут меняться. Такая задача фиксируется путём описания примеров (стимулов), указания названий (классов) и условий предъявления стимулов.

К числу актуальных сегодня направлений в понимании мышления, сознания, мозга также относится и «вычислительная теория сознания» (The Computational Theory of Mind). Её базовая идея – признание наличия некоторой функциональной связи между объектом или явлением и их символическим описанием, между когнитивными процессами и их языковыми репрезентациями.

На основе существующих результатов, полученных за весь период развития науки в различных сферах жизнедеятельности, в исследовании мышления формулируются всё новые и новые подходы, теории, концепции, обладающие интегративными свойствами. Однако значимым является не формирование новых теорий, а установление возможных и невозможных «сбоев» уже существующих.

Так, начиная уже с середины XX в., в изучении мышления активно формируется междисциплинарный подход. При этом особенность реализации данного подхода заключается в том, что он не отрицает другие подходы, а,

вбирая в себя их достоинства и существуя на стыке научного знания, позволяет интегрировать существующие подходы в такую модель, которая открыта для дальнейшего развития.

«Будучи сознательной деятельностью, мышление органически связано с информационными процессами, протекающими на бессознательно-психическом уровне. По-видимому, правильнее было бы даже сказать, что реальный процесс мышления осуществляется в едином сознательно-бессознательно-сознательном психическом контуре, анализ которого является специальной и весьма сложной задачей» [6, с. 77].

Исследования в области мышления претерпели значительные изменения. Сегодня подробно анализируются внешние и внутренние формы мышления. Например, на основе восприятия внешних предметов или специальных знаковых систем, данных субъекту внешним образом. Это могут быть текст, схема, изображения, а также формы на основе речевых высказываний, когда исследуются закономерности формирования языка, предпосылок осуществления коммуникации.

Более того, наука идёт в направлении создания искусственной, виртуальной, компьютерной действительности. И «эта рукотворная реальность есть некая другая картина мира. Не та, которая сидит в наших головах или описана в книгах, а именно другая, чего раньше не было в арсенале человечества. Это принципиально иной прибор для познания действительности, для добывания нового знания» [8, с. 10].

Суммируя всю совокупность полученных результатов исследований мышления в рамках обозначенных подходов, отметим, что их актуализация сегодня позволяет точнее и определённое раскрывать предмет креативности через возможность изображения вхождения предмета в любое состояние дел. Их результаты дают обширный материал для философского анализа проблем, связанных с мышлением и его спецификой.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. – Томск: Водолей, 1998. – 191 с.
2. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 1989. – С. 238–246.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 544 с.; Ч. 2, кн. 1. – 252 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Философия истории. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с.
5. Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Бодякин В. И., Дубровский Д. И., Колин К. К., Мейлик-Гайказян И. В., Урсул А. Д. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 84–112. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=103 (дата обращения: 15.11.2020).
6. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.

7. Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие. – М.: Политиздат, 1979. – С. 122–143.
8. Макаров В. Л. Получение нового знания методом компьютерного моделирования // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. – М.: ИИнтелЛ, 2006. – С. 5–10.
9. Марача В. Г. Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик // Фонд Институт развития имени Г. П. Щедровицкого. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/5/index.html> (дата обращения: 15.11.2020).
10. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. – М.: Физматлит: Наука, 1998. – 191 с.
11. Рубинштейн С. Л. К вопросу о языке, речи и мышлении // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 42–49.
12. Суровцев В. А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. – Томск: Издательство Томского университета, 2011. – 308 с.
13. Суровцев В. А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 23–29.
14. Фреге Г. Основоположения арифметики: логико-математическое исследование о понятии числа. – Томск: Водолей, 2000. – 127 с.
15. Фреге Г. Шрифт понятий: скопированный с арифметического формульный язык чистого мышления // Методы логических исследований. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – С. 83–151.
16. Щедровицкий Г. П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной логики» // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 34–50.
17. Щедровицкий Г. П. О строении атрибутивного знания // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 590–631.
18. Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г., Костеловский В. А. Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований анализ // Щедровицкий Г. П. / Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 1–33.
19. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet. – Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1893. – Bd. 1. – 255 s.
20. Russell B. Our Knowledge of the External World. – London: George Allen & Unwin, LTD, 1926. – 265 p.

References

1. Wittgenstein L. Diaries 1914–1916 [*Dnevniki 1914–1916*]. Tomsk: Vodoley, 1998, 191 p.
2. Wittgenstein L. Lecture on Ethics [*Lektsiya ob etike*]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* (History of Philosophy yearbook). Moscow: Nauka, 1989, pp. 238–246.
3. Wittgenstein L. Philosophical Works [*Filosofskie raboty*]. Moscow: Gnozis, 1994, part 1, 544 p.; part 2, book 1, 252 p.

4. Hegel G. W. F. The Phenomenology of Spirit. Philosophy of History [*Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii*]. Moscow: Eksmo, 2007, 880 p.
5. Lektorskiy V. A., Pruzhinin B. I., Bodyakin V. I., Dubrovskiy D. I., Kolin K. K., Meylik-Gaykazyan I. V., Ursul A. D. The Information Approach in Interdisciplinary Prospect (A Round-Table Discussion) [*Informatsionnyy podkhod v mezhdistsiplinarnoy perspektive (materialy "kruglogo stola")*]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2010, no. 2, pp. 84–112. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=103 (accessed 15 November 2020).
6. Dubrovsky D. I. The Problem of the Ideal. Subjective Reality [*Problema idealnogo. Subektivnaya realnost*]. Moscow: Kanon +, 2002, 368 p.
7. Ilyenkov E. V. The Problem of Contradiction in Logic [*Problema protivorechiya v logike*]. *Dialekticheskoe protivorechie* (Dialectical Contradiction). Moscow: Politizdat, 1979, pp. 122–143.
8. Makarov V. L.; Dubrovskiy D. I., Lektorskiy V. A. (Eds.) Obtaining New Knowledge by the Method of Computer Modeling [*Poluchenie novogo znaniya metodom kompyuternogo modelirovaniya*]. *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinarnyy podkhod* (Artificial Intelligence: Interdisciplinary Approach). Moscow: INTELL, 2006, pp. 5–10.
9. Maracha V. G. Moscow Methodological Circle: Basic Program Ideas and Forms of Organizing Intellectual Practices [*Moskovskiy metodologicheskii krugok: osnovnye programmnye idei i formy organizatsii intellektualnykh praktik*]. Available at: <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/5/index.html> (accessed 15 November 2020).
10. Melik-Gaikazyan I. V. Information Processes and Reality [*Informatsionnye protsessy i realnost*]. Moscow: Fizmatlit: Nauka, 1998, 191 p.
11. Rubinstein S. L. On the Question of Language, Speech and Thinking [K voprosu o yazyke, rechi i myshlenii]. *Voprosy yazykoznaniiya* (Topics in the Study of Language), 1957, no. 2, pp. 42–49.
12. Surovtsev V. A. Autonomy of Logic: Sources, Genesis and System of Philosophy of Early Wittgenstein [*Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna*]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2011, 308 p.
13. Surovtsev V. A. Analytical Philosophy: General and Nuance [*Analiticheskaya filosofiya: vseobshee i nyuans*]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2010, no. 8, pp. 23–29.
14. Frege G. The Foundations of Arithmetic: A Logico-Mathematical Enquiry into the Concept of Number [*Osnovopolozheniya arifmetiki: logiko-matematicheskoe issledovanie o ponyatii chisla*]. Tomsk: Vodoley, 2000, 127 p.
15. Frege G. Begriffsschrift, a Formula Language, Modeled upon That of Arithmetic, for Pure Thought [Shrift ponyatii: skopirovannyy s arifmeticheskogo formulnyy yazyk chistogo myshleniya]. *Metody logicheskikh issledovaniy* (Methods for Research in Logic). Tbilisi: Metsniereba, 1987, pp. 83–151.
16. Schedrovitsky G. P. About the Difference Between the Initial Concepts of “Formal” and “Meaningful Logic” [O razlichii iskhodnykh ponyatii “formalnoy” i

“soderzhatelnoy logiki”]. *Izbrannye trudy* (Selected Works). Moscow: Shkola kulturnoy politiki, 1995, pp. 34–50.

17. Schedrovitsky G. P. About the Structure of Attributive Knowledge [O stroenii atributivnogo znaniya]. *Izbrannye trudy* (Selected Works). Moscow: Shkola kulturnoy politiki, 1995, pp. 590–631.

18. Schedrovitsky G. P., Alekseev N. G., Kostelovskiy V. A. The Principle of “Parallelism of the Form and Content of Thinking” and Its Significance for Traditional Logical and Psychological Research Analysis [Printsip “parallelizma formy i soderzhaniya myshleniya” i ego znachenie dlya traditsionnykh logicheskikh i psikhologicheskikh issledovaniy analiz]. *Izbrannye trudy* (Selected Works). Moscow: Shkola kulturnoy politiki, 1995, pp. 1–33.

19. Frege G. *Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet*. Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1893, Bd. 1, 255 s.

20. Russell B. *Our Knowledge of the External World*. London: George Allen & Unwin, LTD, 1926, 265 p.

УДК 101.1; 316.28; 008

Диалог и коммуникация цивилизаций как современная философская проблема*

Зейналов Шолат Аловсат оглы – Институт Философии Национальной Академии Наук Азербайджана, отдел философия устойчивого развития, доктор философии по философии, Баку, Азербайджан.

Email: sholet@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2509-1159

Авторское резюме

Состояние вопроса: Одна из важных задач социальной философии – определение сущности и значения диалога и коммуникации для обеспечения мира и безопасности человечества в контексте современной философии и истории цивилизации.

Результаты: Современность ставит перед человечеством весьма важную и сложную дилемму: либо преобразовать, изменить ныне существующий катастрофизм, либо продолжить его. Хотя ответственность за продолжительное и динамичное развитие цивилизации и воспринимается как вызов времени, к сожалению, во многих случаях следовать этим принципам не представляется возможным по причине сложности и противоречивости исторических традиций.

Все это указывает на то, что говорить о мире и безопасности только в институциональном понимании слова недостаточно, это лишь одна сторона дела, так как социальные процессы свидетельствуют, что современный человек имеет нигилистическое отношение к коммуникации и диалогу. Проблема в том, что сегодня наука и знания, вместо того чтобы приносить народам счастье и улучшать их благосостояние, наоборот, часто приводят все человечество к опасным и разрушительным тенденциям. Поэтому нам нельзя забывать о том, что наш мир – это исторически сложившиеся коммуникации, в них наше будущее; без коммуникации и диалога не получится.

Область применения результатов: Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов обеспечения мира, диалога, коммуникации, безопасности и мирного сосуществования человечества.

Методы исследования: В работе нашли применение философские и общенаучные методы, поскольку исследование носит междисциплинарный характер. Диалектико-материалистический метод дополнен принципами аналитической философии, системным и синергетическим подходами.

Выводы: Автор считает, что человечество, цивилизация может обеспечить свое будущее развитие, свое дальнейшее существование лишь путем согласованности, коммуникации, диалога, целостности и единства различных подходов к решению проблем современного общества. Чтобы

* © Ш. А. Зейналов, 2020.

преодолеть эти вызовы истории, человечеству просто необходимо повернуться лицом к философии диалога, к истинной коммуникации, согласованной диалоговым сознанием.

Ключевые слова: современность; история; цивилизация; общение; диалог; философия.

Dialogue and Communication of Civilizations as a Modern Philosophical Problem

Zeynalov Sholat Alovsat oglu – Institute of Philosophy of Azerbaijan National Academy of Sciences, department of philosophy of sustainable development, PhD (Philosophy), Baku, Azerbaijan.

Email: sholet@mail.ru

Abstract

Background: One of the important tasks of social philosophy is to determine the essence and significance of dialogue and communication for ensuring peace and security of humankind in the context of modern philosophy and the history of civilization.

Results: Modernity faces a very important and difficult dilemma for humanity: either to transform, change the current catastrophism, or continue it. Although the responsibility for the long and dynamic development of civilization is perceived as a challenge of the times, unfortunately, in many cases, it is not possible to follow these principles due to the complexity and contradictions of historical traditions.

All this indicates that talking about peace and security only in the institutional sense of the word is not enough; this is only one side of the matter, since social processes indicate that modern man has a nihilistic attitude to communication and dialogue. The problem is that today science and knowledge, instead of bringing people happiness and improving their well-being, by contrast, often lead all of humanity to dangerous and destructive tendencies. Therefore, we must not forget that our world is historically established communications, our future is in them; it will not work without communication and dialogue.

Implications: The main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering the issues of ensuring peace, dialogue, communication, security and peaceful coexistence of humankind.

Research methods: Philosophical and general scientific methods have been applied in the work, since the research is interdisciplinary in nature. The dialectical-materialistic method is supplemented by the principles of analytical philosophy, systemic and synergetic approaches.

Conclusion: The author believes that humanity (i.e. civilization) can ensure its future development, its further existence only through consistency, communication, dialogue, integrity and unity of various approaches to solving the problems of modern society. To overcome these challenges of history, humanity simply has to pay attention to the philosophy of dialogue, true communication, coordinated by the

dialogue consciousness.

Keywords: modernity; history; civilization; communication; dialogue; philosophy.

Введение. Диалог и коммуникации цивилизаций являются, как известно, одной из актуальных проблем на протяжении всей человеческой истории. Идея цивилизованного общества возникла в античный период, однако нельзя отрицать и факт существования могущественных цивилизаций еще в Шумере, древнем Египте, Индии. Однако «именно греки классического периода начали считать себя не просто отличными от других народов, но и превосходящими их» [10, с. 8]. Когда-то ученые утверждали, что «человеческая история – это история цивилизаций» [15, с. 44]. Однозначно надо отметить, что данная проблема отличается своим многообразием проявлений, на одном из которых – философском – мы и остановимся.

Что такое диалог? Исследователи отмечают, что «сегодня диалог значительно расширил первоначальные границы своей сущности, политизировался, стал выражать общую сущность и сотрудничество (коммуникации – Ш. 3.) в целях решения спорных вопросов в отношениях между народами, нациями, религиями, общественно-политическими структурами» [4, с. 320]. Однако «считая диалог между цивилизациями межкультурным диалогом, не стоит забывать о необходимости рассмотрения его не с практически-политической, а с философской точки зрения» [2, с. 160]. Цель в данном случае – создание подлинного диалога, основанного на общечеловеческих ценностях и философском общении на основе новых данных. При обосновании философско-культурного статуса диалога выясняется, что: «1) только многообразие диалогов в разнообразном бытии может обеспечить в нынешнем глобальном обществе существование людей; 2) необходимо обеспечить условия для многообразия в виде уважения и общения между людьми, что обеспечит единство национального и общечеловеческого» [2, с. 156]. Диалог в своем философском смысле «является культурным событием, проявляющимся как жизненно необходимая социальная ценность, личностная потребность, умственная деятельность, отношения общения и т. д.» [2, с. 153]. В истории философии проблемы диалога Востока и Запада, Севера и Юга всегда стояли в центре внимания исследователей, которые пытались создать между двумя цивилизациями своеобразные мосты, наладить взаимопонимание. Вместе с тем многие исследователи не считают возможным создание общемировой философии, расценивая это как: «1) результат неправомерного смешения природы философии и природы науки; 2) отказ от естественного плюрализма мировосприятий и свободы духа индивидов; 3) результат внутренней несовместимости спиритуализма Востока с натурализмом и национализмом Запада и т. д.» [7, с. 186].

Исследователи, отмечая, что цивилизации оцениваются как культурные системы, а философия «большой частью является личной реакцией на целостность вещей», в то же время подчеркивают, что «все цивилизации

являются членами одной человеческой семьи, ее составными элементами» [2, с. 161]. По поводу теорий цивилизаций современного сознания Запада американский мыслитель С. Хантингтон говорил, что среди призывов XXI века – “возрождение религий” будет очень актуальным [см.: 15]. Современная тенденция также подтверждает реализацию данного тезиса. Но следует отметить, что когда речь идет о сознании Запада, то в теоретической мысли во взаимоотношениях религии и философии, религии, философской веры и бытия, экзистенции и тому подобных проблем общечеловеческого бытия философия религии экзистенциалистов, в особенности, немецкого философа К. Ясперса, отличается своей оригинальностью [см.: 5].

И самое интересное, что «в течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентичности» [15, с. 44]. История показывает, что это утверждение весьма проблематично. Но, по мнению ученых, несмотря на постоянные изменения, мир был и всегда будет коммуникативным.

Современный иранский ученый С. М. Хатеми отмечает, что именно мусульманский мир впервые выдвинул идею диалога между цивилизациями, который в конечном счете должен завершиться равенством народов и государств. По его мнению, «диалог возможен тогда, когда каждый участник его уважает другого и относится к нему с позиции равенства» [12, с. 5]. Однако на Востоке и в особенности в мусульманском мире начиная с середины 90-х годов прошлого века выступления западных ученых и мирового сообщества в целом, рассуждающие о необходимости межкультурного диалога, были встречены неоднозначно. По мнению английского востоковеда Б. Луиса, «ислам и христианский мир, говорившие, по крайней мере в переносном смысле, на одном языке, использовавшие одни и те же методы спора и убеждения, приверженные к одним и тем же или сходным представлениям о том, что есть религия, могли, тем не менее, существенно расходиться во мнениях» [8, с. 17].

Вместе с тем если гражданин города-государства и представитель цивилизованного народа, где с этимологической точки зрения слово «civis» лежит в основе слова «цивилизация», Геродот, живший в середине V века до н. э., называл негреческие народы варварами, «то ко времени Аристотеля, столетие спустя, варвары и варварские народы уже характеризуются с точки зрения их специфических социальных признаков: обращения с рабами, меновой, то есть не знающей денег, экономики, – черт, вызывающих негативную оценку у цивилизованных греков» [10, с. 8]. Как известно, Аристотель, живший в период расцвета рабовладельческого строя, считал, что без рабов обойтись невозможно, причем рабы должны наниматься из негреческих народов. Согласно Аристотелю, «варвар и раб по природе одно и то же», и потому «с варварами не воюют, на них охотятся» [13, с. 445]. Аристотель, считавший такую борьбу справедливой, хотел, чтобы греки правили всем миром, поскольку «в наилучшем государстве все граждане-греки превращаются в рабовладельцев, а все народы – в их рабов» [13, с. 445].

Когда мы смотрим на историю цивилизации, мы видим, что, конечно,

христианство, прежде всего в «цивилизированной» Римской империи в условиях, где на каждом шагу «господствовали несправедливость и угнетение», возникло в первую очередь на гребне борьбы за свободу угнетенных народов [см.: 1, с. 9]. Христианство, победив впоследствии идолопоклонничество и получив статус государственной религии, продемонстрировало в отношении к эллинизму враждебную позицию, и это было закономерно. Однако наряду со своим отношением к античному наследию, лишавшим историко-идеологических оснований западную цивилизацию «в последующее время, благодаря церковной организации и письменной культуре, союзу церкви с такими всеильными монархами, как Карл Великий, христианская ойкумена уже могла сознательно ставить между собой и западной цивилизацией знак равенства» [10, с. 10].

С другой стороны, как отмечал известный английский востоковед У. Уотт, «возникшее на Востоке величественное научно-культурное наследие как минимум оставалось на высоком уровне вплоть до XVII века» [11, с. 26]. К тому же Р. Осборн справедливо спрашивал, почему же в средние века поиски Нового мира шли по ту сторону Атлантического океана; не найдя ответа, он отмечал, что «...знакомство со множеством «примитивных» народов... делало европейцев XVI века в их собственных глазах еще больше похожими на древних греков и римлян – людей цивилизации, окруженных варварами» [10, с. 10]. В Европе, говоря «цивилизированный», подразумевали человека приличного поведения, говоря «цивизованность», они имели в виду «умение быть воспитанным, вежливым и общительным» [14, с. 33].

Однако несмотря на движения, начатые в Европе – это Ренессанс, Реформация, и эпоха Просвещения, – «благородная культура XVIII века... не смогла пережить ножа гильотины и кровавого побоища наполеоновских войн, она вновь расцвела в следующем столетии в джентльменских клубах Англии» [10, с. 10]. К тому же, как отмечает Р. Осборн, «в 1857 году викторианский историк Генри Томас Бокль изобразил цивилизацию в виде великой исторической цепи, уже первое звено которой, цивилизация древнего Египта, представляла разительный контраст варварству, господствовавшему среди африканских народов» [10, с. 11].

Р. Осборн, вынужденный признать, что цивилизация имеет отношение не только к западной географии, пишет, что, по мнению Бокля, «провести черту между цивилизацией и нецивилизацией не составляло труда, пусть даже когда в случае с индийскими махараджами, наследниками Великих Моголов, или китайскими и японскими императорами приходилось прибегать к некоторым ухищрениям». В целом же западную реальность удачно характеризует следующая его мысль: «Цивилизация была атрибутом людей белого цвета кожи и христианского вероисповедания, атрибутом же прочих было варварство», а культурный эгоизм, правивший на Западе, в конечном счете привел к тому, что «в 1890-х годах европейская колонизация приобрела невиданные ранее масштабы, и стало казаться, что недалеко те время, когда плоды западной цивилизации начнет вкушать весь мир» [10, с. 12].

Именно Ж. Ж. Руссо, являясь современником этого общества, сравнил

идеал и реальность и понял, что «народы Европы, первыми достигшие цивилизации, впали в “варварство” намного хуже, чем те, которых они клеймят этим именем» [9, с. 5–6].

Необходимо отметить, что основной особенностью ситуации в современной философии является невиданное доселе развитие философской культуры, связь традиций и их взаимодействие. Происходящее географическо-культурное расширение также не может не иметь философскую подоплеку. Ряд философских региональных культур, в том числе латиноамериканская, африканская, азиатская и др., стали активными участниками общечеловеческого философского диалога. Идеи и принципы философии жизни, а также экзистенциализм, философская антропология, герменевтика, феноменология, аналитическая философия особенно актуальны для развития философско-культурного подхода. Так, под влиянием постмодернизма в современных философских направлениях (к примеру, в философской компаративистике) произошла смена стратегической линии развития от классического моноцентризма (между европоцентризмом, востокоцентризмом и проч.) в сторону контрастно-дуалистического приспособления (например, между западным рационализмом и восточным иррационализмом).

Сюда также входит сравнительный диалог, уделяющий внимание типовому многообразию философских суждений, образности в контексте парадигм плюралистического мировоззрения. В целом кризис классического моноцентризма и развитие плюралистических философских парадигм на основе дихотомических подходов в контексте современных идей, плюралистического и экзистенциального подходов, завершились тем, что сравнительная философия вновь обосновала необходимость самопознания и потребовала подготовки плюралистически-интегративных, диалогически-полилогичных парадигм. Компаративисты были убеждены, что во имя избавления от общечеловеческого хаоса «философия может стать важным фактором смягчения напряженности, уменьшения возможности конфликтов в области культуры (экономики, искусства, религии и др.) и создания “мирового сообщества”» [6, с. 185]. Именно на основе философии происходит незаменимый процесс культурного обмена, который в синтетической форме объединяет культуры многих народов. Именно поэтому «необходимо “мужской” городской, технический Запад соединить с “женским” аграрным, философским Востоком, практиковать метод йоги (философия тогда будет сотрудничать с религией) и раскрывать истину в человечески делах (как в Китае), делать упор на мистическое переживание и научиться экзистенциальному подход к проблемам человеческого мира (Нортроп)» [6, с. 186]. Фактически весь этот универсальный процесс происходит в феноменологическом смысле диалога и общения. Разумеется, процесс синтеза и обмена между традиционной западной и восточной философией нельзя принимать лишь как эклектическую комбинацию; здесь не обойтись без «потери элементов своего наследия (Бхаттачарья, Бэрт), без вырывания из “гомогенного контекста”, в котором они развивались (Р. Паниккар)» [6, с. 187]. В этом отношении неправильно было бы искусственным образом «примирить» «идеи и идеалы» различных регионов.

Лишь взаимопонимание диалога, проводимого на основе равных статусов, может привести к «естественному синтезу». Ссылаясь на мнение немецкого исследователя фон Ринтелена, А. С. Колесников выступает за то, чтобы Запад и Восток, оставаясь верными самому себе, уважали другие культуры.

Именно в сфере философии диалог различных цивилизаций через культуры разных народов может быть максимально выражен; обмен идеями также связан с различными культурными ценностями. Поскольку ценности различных культур взаимосвязаны с общечеловеческими ценностями, то «только в сфере ценностей возможно взаимопонимание, ибо здесь человек может раскрыть себя с максимальной полнотой» [6, с. 188]. Другими словами, рассматривая историю цивилизации, можно также сказать, что эта история – универсальный феномен, образованный взаимодействием идей и коммуникации.

Если даже и отмечают непреодолимые противоречия между нравственно-этическими ценностями Востока и системой научных ценностей Запада, то все равно «одни западные философы акцентируют особую роль в сближении Востока и Запада эстетических ценностей Востока (Т. Манро), другие – ее спиритуалистические элементы (А. Пайпе), третьи – ее религиозно-мистические составляющие, когда исчезает различие между познающим и познаваемым, как у христианских мистиков, суфиев, последователей Упанишад (К. Ясперс, Й. Такеуши, Дж. Полителла, С. К. Саксена)» [6, с. 188]. Однако с философской точки зрения определить ценности или глубинные элементы индивидуального опыта, которые могут возникнуть на основе межкультурного диалога и сотрудничества, которые обусловлены исторически-функционально и выражают субъектно-объектный дуализм предмета теоретического исследования, очень трудно.

В свою очередь в современных философских исследованиях компаративистская методология, выступая с коммуникативных позиций гуманитарного знания, «утверждает диалог как норму современного философского мышления и историко-философского процесса» [6, с. 190]. Таким образом, с компаративистских позиций история философии, отражающая в себе философское наследие различных цивилизаций, рассматривается как диалог различных философских культур. Однако процесс диалога не сопровождается универсализацией, требуется, чтобы в этническом, лингвистическом, культурном, религиозном контексте тоже шло углубление процесса, это же, в свою очередь, снабжает «культуры интеллектуальной арматурой и делает возможным межкультурное философское общение без отказа от своей оригинальности и неповторимости» [6, с. 191].

С этой точки зрения «в размышлениях философов Востока и Запада есть много совпадающих моментов во взглядах, к примеру, на сущность абсолютной истины, но разница в религии, к которой они обращаются, требовании времени и условий, в которых они проживают, способствуют возникновению различий в этих взглядах» [3, с. 131]. На конференции 1989-го года относительно ценностей Запада и Востока «были высказаны суждения о невозможности синтеза-идентификации, но говорилось о реальности и продуктивности

диалога-адаптации, к которому не всегда проявляет готовность Восток, видя в “универсалистском империализме” (Р. Ганди, Д. Чаттопадхьяя) диалога (который ведется на языке и в рамках западной культуры) модернизацию по западному образцу» [6, с. 196].

В синергетическом подходе к диалогу цивилизаций, в единой мировой системе отношения «элемент-система» с новых позиций обосновывают связь различных элементов в человеческой цивилизации. Здесь главный философский ориентир – гуманизм, который должен лежать в основе будущего развития человечества на Земле. Поэтому следует отметить, что понимание истории цивилизации как диалога и коммуникации, как мы видим, всегда было проблематичным. Но мы не должны забывать, что наше время – это эпоха научно-технического прогресса. Поэтому в современную эпоху ни цивилизация, ни общество, ни государство не могут жить изолированно. Мы знаем, что современный мир – это глобальное явление, так что диалог и коммуникации цивилизаций как современная проблема развития информационного общества ориентируют нас на то, что мы должны измениться к лучшему! Без коммуникации и диалога существовать невозможно! Их необходимость стала особенно очевидна в XXI веке, но она исходит из сущности человеческого рода, независимо от религии, расы или уровня социального развития.

Список литературы

1. Ализаде А. А. Христианство: история и философия (ранний период). – Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2007. – 172 с. (на азерб. языке).
2. Асланова Р. Глобализация и культурное многообразие. – Баку: Элм, 2004. – 264 с. (на азерб. языке).
3. Буниатзаде К. Абсолютная истина в мышлении Запада и Востока (средние века) // Запад – Восток: Диалог цивилизаций. – Баку. – 2006. – № 1(2). – С. 128–133 (на азерб. языке).
4. Гусейнов Г., Бахарчы Т. Взаимоотношения между Западом и Востоком в плане христианского и исламского мышления. – Баку: Тякнур, 2005. – 442 с. (на азерб. языке).
5. Зейналов Ш. А. Философия диалога. – Баку: Европа, 2017. – 304 с. (на азерб. языке).
6. Колесников А. С. Философская компаративистика и диалог культур. Россия и Грузия: диалог и родство культур: Сборник материалов симпозиума. Выпуск 1 / Под ред. Парцевания В. В. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 185–205.
7. Курбанов Ф. Исторические типы субъекта и возможности глобализации в призме синергетики // Запад – Восток: Диалог цивилизаций. – Баку, 2006. – № 1 (2). – С. 184–190 (на азерб. языке).
8. Льюис Б. Ислам и Запад. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2003. – 317 с.
9. Новикова Л. И., Козлова Н. Н., Федотова В. Г. Цивилизация и исторический процесс. – М.: Знание, 1983. – 64 с.

10. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира / Пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ Москва, Хранитель, 2008. – 764 с.
11. Философия Востока (IX–XII века) / Составитель З. Мамедов. – Баку: Бакинский университет, 1999. – 304 с. (на азерб. языке).
12. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – М.: РОССПЭН, 2001. – 240 с.
13. Чанышев А. Н. Философия древнего мира: Учеб. для вузов. – М.: Высшая школа, 1999. – 703 с.
14. Шукюров А. Культурология. – Баку: Адилоглы, 2003. – 274 с. (на азерб. языке).
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва: АСТ, 2006. – 571 с.

References

1. Alizade A. A. Christianity: History and Philosophy (Early Period) [*Khristianstvo: istoriya i filosofiya (ranniy period)*]. Baku: Abilov, Zeynalov i synovya, 2007, 172 p. (in Azeri language).
2. Aslanova R. Globalization and Cultural Diversity [*Globalizatsiya I kulturnoe mnogoobrazie*]. Baku: Elm, 2004, 264 p. (in Azeri language).
3. Buniatzade K. Absolute Truth in the Thinking of the West and East (Middle Ages) [*Absolyutnaya istina v myshlenii Zapada I Vostoka (srednie veka)*] // *Zapad – Vostok: dialog tsivilizatsiy* (West – East: Dialogue of Civilizations). Baku: 2006, no. 1 (2), pp. 128–133 (in Azeri language).
4. Huseynov G., Bakharchy T. The Relationship between the West and the East in Terms of Christian and Islamic Thinking [*Vzaimootnesheniya mezhdu Zapadom I Vostokom v plane khristianskogo i islamskogo myshleniya*]. Baku: Teknur, 2005, 442 p. (in Azeri language).
5. Zeynalov Sh. A. Philosophy of Dialogue [*Filosofiya dialoga*]. Baku: Evropa, 2017, 304 p. (in Azeri language).
6. Kolesnikov A. S., Partsevaniya V. V. (Ed.) Philosophical Comparative Studies and Dialogue of Cultures [*Filosofskaya komparativistika I dialog kultur*]. *Rossiya I Gruzija: dialog I rodstvo kultur: Sbornik materialov simpoziuma. Vipusk 1* (Russia and Georgia: Dialogue and Kinship of Cultures: Collection of Symposium Materials. Issue 1). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003, p. 185–205.
7. Kurbanov F. Historical Types of the Subject and the Possibilities of Globalization in the Prism of Synergetics [*Istoricheskie tipy subekta i vozmozhnosti globalizatsii v prizme sinergetiki*] // *Zapad – Vostok: dialog tsivilizatsiy* (West – East: Dialogue of Civilizations). Baku: 2006, no. 1(2), pp.184–190 (in Azeri language).
8. Lewis B. Islam and the West [*Islam i Zapad*]. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. Apostola Andrey, 2003, 317 p.
9. Novikova L. I., Kozlova N. N., Fedotova V. G. Civilization and the Historical Process [*Tsivilizatsiya i istoricheskiy protsess*]. Moscow: Znanie, 1983, 64 p.

10. Osborne R. Civilization. New History of the Western World [*Tsivilizatsiya. Novaya istoriya zapadnogo mira*]. Moscow: AST Moskva, Khranitel, 2008, 764 p.
11. Mamedov Z. (Ed.) Philosophy of the East (IX–XII Centuries) [*Filosofiya Vostoka (IX–XII veka)*]. Baku: Bakinskiy universitet, 1999, 304 p. (in Azeri language).
12. Khatami M. Islam, Dialogue and Civil Society [*Islam, dialog i grazhdanskoe obshchestvo*]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 240 p.
13. Chanyshchev A. N. Philosophy of the Ancient World [*Filosofiya drevnego mira*]. Moscow: Vysshaya shkola, 1999, 703 p.
14. Shukurov A. Culturology [*Kulturologiya*]. Baku: Adiloglu, 2003, 274 p. (in Azeri language).
15. Huntington S. The Clash of Civilizations [*Stolknovenie tsivilizatsiy*]. Moscow: AST, 2006, 571 p.

УДК 316.324.8

Оценка сильной версии концепции постиндустриального общества*

Трубицын Олег Константинович – Новосибирский государственный университет, институт философии и права, доцент, кандидат философских наук, Новосибирск, Россия.

Email: trubitsyn77@mail.ru

SPIN: 5197-9813

Авторское резюме

Состояние вопроса: Утверждение о переходе цивилизации на стадию постмодерна в настоящее время весьма популярно и довольно часто принимается без серьезного обоснования. Однако ряд специалистов сомневается в правомерности такого подхода.

Результаты: Современное состояние концепции постиндустриального общества создает возможность для верификации ее сильной и слабой версии. Слабая версия акцентирует усиление информационной специализации развитых стран в рамках международного разделения труда. Она является эмпирически обоснованной, но не свидетельствует о выходе общества на новую ступень развития. Сильная версия утверждает революционное значение изменений, произошедших в научно-технической и социально-экономической сферах, однако эта гипотеза пока не находит практического подтверждения. Неолиберальные институты не стали благоприятной институциональной средой для развития передовых производств и постиндустриального перехода.

Область применения результатов: Выявление причин, приводящих к негативным последствиям в развитии так называемых постиндустриальных стран, позволяет разрабатывать стратегию национального развития, избегая при этом скоропалительных выводов и тенденциозных оценок.

Методы исследования: В работе проведен сравнительный анализ разных вариантов теории нового общества, а также верификация положений концепции постиндустриального общества при помощи статистики экономического развития ведущих капиталистических стран, прежде всего США.

Выводы: Слабая версия постиндустриальной теории не дает оснований для утверждения о формировании некой новой стадии общественного развития. Сильная версия описывает реальный переход общества на стадию постмодерна, но она не проходит проверку практикой. Таким образом, можно утверждать, что реального перехода к постиндустриальному обществу пока не произошло.

Ключевые слова: модерн; постмодерн; индустриализм; постиндустриализм; информационное общество; общество знания; сервисное общество.

* © П. А. Горохов, 2020.

Evaluation of a Strong Version of the Post-Industrial Society Concept

Trubitsyn Oleg Konstantinovich – Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Associate Professor, PhD (Philosophy), Novosibirsk, Russia.

Email: trubitsyn77@mail.ru

Abstract

Background: The statement about the transition of civilization to the stage of postmodernism is very popular currently and quite often accepted without serious justification. A number of experts, however, question the validity of this approach.

Results: The current state of the concept of post-industrial society creates an opportunity to verify its strong and weak version. The weak version emphasizes the strengthening of the information specialization in developed countries within the framework of the international division of labor. It has empirical grounds, but it does not indicate that society is entering a new stage of development. The strong version asserts the revolutionary significance of the changes that have taken place in the scientific, technical and socio-economic spheres, but this hypothesis does not find practical confirmation. Neoliberal institutions have not become a favorable institutional environment for the development of advanced industries and post-industrial transition.

Implications: Revealing the reasons leading to negative consequences in the development of the so-called post-industrial countries, makes it possible to formulate a national development strategy, avoiding tentative conclusions and biased assessments.

Research methods: The paper provides a comparative analysis of different versions of the theory of a new society, as well as verification of the provisions of the concept of post-industrial society with the help of statistics on the economic development of leading capitalist countries, primarily the United States.

Conclusion: The weak version of the post-industrial theory does not provide grounds for asserting the formation of a certain new stage of social development. By contrast, the strong version describes the real transition of society to the postmodern stage, but it is not verified. Thus, one could state that a real transition to post-industrial society has not taken place yet.

Keywords: modern; postmodern; industrialism; post-industrialism; information society; knowledge society; service society.

Данная публикация является продолжением статьи, посвященной критическому анализу такого популярного подхода к интерпретации современного состояния общества как концепция постиндустриального общества. В предыдущей статье [см.: 1] была рассмотрена общая модель и основные характеристики постиндустриального, или «нового» общества, на основе чего выявлены критерии сильного и слабого вариантов данной модели. Слабый вариант концепции постиндустриального общества утверждает, что по мере развития глобализации происходит углубление международного разделения труда, промышленность из развитых стран перемещается в новые

индустриальные страны, и в результате хозяйства развитых стран превращаются в «штабные экономики», то есть усиливают свою специализацию на более выгодных, «креативных» нишах нематериального производства. Слабая версия модели нового общества опирается на положения концепций информационного, сервисного и сетевого общества, которые указывают на факты информационно-коммуникационной революции, роста доли сервисных работников и доли сектора услуг в структуре ВВП, а также увеличения значения и распространения сетевых структур. Как было отмечено ранее, данные положения имеют хорошее эмпирическое подтверждение, однако в целом не дают оснований для утверждения о выходе общественного развития на качественно новую ступень. То есть с философско-исторической точки зрения фиксируемое данными концепциями «новое» общество является новым лишь по отношению к обществу раннего модерна. По существу, эта модель не выходит за пределы модели индустриального общества, находящегося на исторической стадии модерна.

Сильный вариант подразумевает выход технико-экономического прогресса на качественно новый, более высокий уровень, то есть предполагает, что постиндустриальный переход – это не деиндустриализация, а сверхиндустриализация, когда развитие информационного сектора экономики позволяет осуществлять промышленную деятельность еще более успешно. Соответственно, постмодерн – это стадия, характеризующаяся в первую очередь тем, что достигшее ее общество наиболее ёмко описывается как постиндустриальное, то есть такое, экономическим базисом которого выступает постиндустриальное производство, представляющее собой новую ступень в развитии производительных сил. Таким образом, если положения сильной версии получат эмпирическое подтверждение, то это даст возможность заключить, что «новое» общество является по-настоящему новым, не укладывается в рамки модели индустриального общества эпохи модерна. Целью данной статьи является оценка эмпирической адекватности и логической обоснованности сильной версии концепции постиндустриального общества.

Итак, сильный вариант концепции постиндустриального общества, который нужно сейчас проанализировать, подразумевает следующее. Такие процессы, как внедрение новых информационных технологий, ускоренное развитие теоретической науки, опережающий рост сектора услуг, углубляющаяся либерализация общественного сознания, способствующая увеличению креативного потенциала нации, – все это в конечном счете приводит к скачку в прогрессивном развитии производительных сил, который, в свою очередь, позволяет повысить конкурентоспособность национального хозяйства на мировом рынке, обеспечить потрясающий рост благосостояния населения. Э. Тоффлер [см.: 2] также связывает постиндустриальный переход с технологической революцией в энергетике. К этому аргументу примыкает еще одно утверждение – об ускоренном переходе на энерго- и ресурсосберегающие технологии, что позволит преодолеть проблему ограниченности природных ресурсов, в частности энергоносителей. В целом страна постиндустриальная

должна быть сильнее в экономическом плане по сравнению с индустриальными странами и более конкурентоспособна по сравнению с ними не только в сфере информационных технологий, финансов или кинематографа, но и в производстве материальных потребительских благ и продовольствия. В итоге это должно вести к своеобразному «замыканию» постиндустриального мира в своих границах [см.: 3], поскольку все, что могут предложить передовым постиндустриальным странам отсталые индустриальные и доиндустриальные страны (природные ресурсы, дешевый труд) им больше не нужно. С помощью передовых ресурсо- и энергосберегающих технологий роботы на безлюдных предприятиях постиндустриальных стран произведут все, что нужно, дешевле и качественнее, чем традиционные индустриальные предприятия.

Д. Белл относил переход на новую стадию на период второй половины XX века. Так что все указанное выше уже должно было произойти к нашему времени как минимум в США и Японии (Европа остается под сомнением) [см.: 4, с. СХХIX]. Г. Кан и А. Винер [см.: 5] в книге с говорящим названием «Год 2000» указывали соответствующую дату в качестве условной вехи окончательного формирования постиндустриального общества. То есть, по мнению классиков постиндустриальной теории, постиндустриальный переход должен был в основном завершиться к 2000 г., а значит в 2020 г. с точки зрения данной теории уж точно можно говорить о переходе на стадию постмодерна как о свершившемся факте. В. Иноземцев еще более радикализирует данный тезис, утверждая, что на Западе не только уже произошел постиндустриальный переход, но и намечается еще более фундаментальная трансформация. По его мнению, «начальная стадия постэкономической революции в основном завершена: постиндустриальный мир не только достиг состояния, гарантирующего продолжительное и относительно устойчивое развитие, не только сделал важные шаги на пути к формированию адекватной этому состоянию системы мотивации и совершил целый ряд технологических прорывов, но и радикально обособился от остального мира» [3, с. 550]. Будучи вариантом линейно-стадиального подхода к истории, теория постиндустриального общества подразумевает, что передовая страна – в данном случае США – показывает прочим странам образ их успешного будущего, если они также смогут позднее осуществить постиндустриальный переход, или же образ их желаемого, но недостижимого будущего – если не сумеют. З. Бжезинский в связи с этим утверждал, что история возложила на США особую миссию – показать человечеству перспективы его светлого будущего, так как Америка – это «социальная лаборатория мира» [6, с. 79]. Соответственно имеет смысл посмотреть, в какой мере осуществились эти прогнозы на примере Америки как страны – лидера постиндустриализма.

Статистические данные [см.: 7] позволяют оценить тенденции развития реального сектора экономики США за последние десятилетия, причем особенно наглядно это можно сделать, сравнив их с показателями производства в КНР и в мире в целом. Далее приведем данные о производстве ряда ключевых для индустриальной экономики продуктов (в расчете на душу населения, для наибольшей наглядности). Будут приведены данные на начало периода сбора

статистических данных (как правило, середина XX века), и указаны основные тенденции с пиковыми значениями. По чугуну для США данные имеются с 1950 г. по 2018 г.: в 1950 г. – 384 кг, 1955 г. – 420 кг (максимум), затем при некоторых колебаниях наблюдается понижающаяся тенденция, достигшая минимума в 2016–2017 гг. – 69 кг, в 2018 г. незначительный рост до 73 кг. В мире в целом за период с 1960 г. по 2017 г. производство возросло с 85 до 159 кг, в КНР – с 2 кг в 1950 г. до 515 в 2017 г. Подобную же для США картину пика в середине XX века и устойчивого снижения с некоторыми временными колебаниями вверх-вниз можно наблюдать и на примере других ключевых промышленных продуктов первичной переработки. Приведем еще несколько примеров. Сталь: в США 1950 г. – 577 кг, 1955 г. – 639 (максимум), 2015 – 246 кг. (минимум), 2018 – 265 кг; мир в целом демонстрирует рост со 114 кг в 1960 г. до 224 кг в 2017 г.; КНР – с 1 кг в 1960 г. до 600 в 2017 г. Алюминий: в США 1950 г. – 4,3 кг, 1980 г. – 20,4 кг (максимум), 2017 – 2,3 кг (минимум), 2018 – 2,7 кг; мир в целом – рост с 1,5 кг в 1960 г. до 7,9 в 2017 г.; КНР – рост с 0,0 в 1950 г. до 24,0 в 2017 г. Цемент: в США 1950 г. – 254 кг, 1965 г. – 335 кг (максимум), 2010 г. – 215 кг (минимум), 2018 г. – 268 кг; мир в целом демонстрирует рост со 104 кг в 1960 г. до 552 в 2015 г., затем снижение до 538 кг в 2017 г.; КНР – рост с 1 кг в 1950 г. до 1748 в 2016 г. и снижение до 1681 в 2017 г. Можно заметить, что «авиационного металла» – алюминия, равно как чугуна и цемента, США сейчас производят меньше среднемирового уровня и лишь стали производят чуть больше среднемирового уровня. Наглядно видна картина деиндустриализации США, начавшейся по ряду направлений еще в 1960-е гг.

Можно, конечно, подвергнуть выводы о деиндустриализации США сомнению, указав, что приведенные данные касаются продуктов первичной переработки. Собственно американские постиндустриалисты и не скрывали, что задача правительства США – перенести производства низкого передела с низкой добавленной стоимостью в страны полупериферии, а самим сконцентрироваться на производстве товаров с высокой добавленной стоимостью, то есть на высокотехнологичном производстве, а также нематериальном производстве – НИОКР, финансах, IT. Также предполагалось, что вывод в другие страны производств, основанных на устаревающих промышленных технологиях материального производства – трудо- и ресурсоемких – откроет в США место для последующего развития здесь нового материального производства, основанного на постиндустриальных технологиях. Впоследствии эти полностью автоматизированные ресурсосберегающие производства победят в конкурентной борьбе промышленность новых промышленных стран. Такая стратегия выглядит имеющей смысл, но давайте посмотрим, что же получилось на практике.

На практике, как указывают специалисты [см.: 8], оказалось, что эта стратегия вывода производственных мощностей выгодна, прежде всего, крупным ТНК, но она уничтожает малые и средние компании обрабатывающей промышленности. Число таких компаний, являющихся основой национальных стоимостных цепочек и географически дисперсных промышленных кластеров,

с конца XX века сократилось на 100 тыс. Постиндустриалисты опирались на популярный в постмодернистской философии тезис о детерриторизации и смерти географии, поэтому полагали, что вывоз производства не скажется негативно на развитии НИОКР в США. Критики постиндустриальной стратегии, в частности S. Cohen и J. Zysman, в противоположность этому предсказывали, что инновации в обрабатывающей промышленности будут притягиваться в те места, где развивается производство [см.: 9]. Практика показала верность их прогнозов. Действительно, как правило, инновационная деятельность, включая прикладные исследования и инжиниринг, разработку продуктов и совершенствование производственных процессов эффективней осуществляется рядом с фабриками и заводами. Так что «по мере того как все больше инженеров и дизайнеров перемещались за рубеж, многие американские компании теряли свои компетенции на территории США. Со временем лозунг “изобретай здесь, делай там” превратился в “изобретай там, делай там”» [10].

Апологеты постиндустриальной стратегии, основанной на транснациональном функционировании капитала, американские и иностранные, доказывают, что все негативные моменты малозначимы и в целом данная политика принесла США пользу и обеспечила впечатляющий прогресс американской экономики. Постиндустриальная модель экономики, по их мнению, принципиально устойчива и бескризисна. Так, по мнению В. Иноземцева, «развитые страны Запада представляют собой сегодня вполне здоровые хозяйственные системы, стабильному и динамичному развитию которых не могут угрожать никакие экономические факторы» [3, с. 550]. Кризис 2008 г., по существу не преодоленный до сих пор, застой в экономическом развитии последующего десятилетия, новый кризис, начинающийся в 2020 г., наглядно свидетельствуют об обратном. Также непонятным кажется при принятии оптимистического тезиса В. Иноземцева тот факт, что президенты США Б. Обама и Д. Трамп, имеющие мало общего между собой, неоднократно заявляли о необходимости реиндустриализации Америки.

Скептики указывают, что, несмотря на ряд активно рекламируемых успехов, развитые страны не демонстрируют в последние годы больших достижений. Более того, США за последние десятилетия утратили целый ряд ключевых технологий [см.: 11]. В частности, американцы не имеют современных технологий по обогащению урана и остаются зависимыми в этом от российских компаний [см.: 12]. При этом они уже неоднократно пытались восстановить данные технологии, для чего масштабно финансировались программы и проекты – но без толку. США пытаются восстановить утраченные за период господства идеи превосходства нематериальной экономики компетенции в производстве ледоколов и троллейбусов, но пока получается плохо. Также они испытывают трудности в создании двигателей для тяжелых ракет и еще ряда высокотехнологичных продуктов. А в период пандемии коронавируса выяснилось, что США больше не производят собственных антибиотиков. В течение ряда лет американские астронавты были лишены возможности доставки на МКС на отечественных ракетах. Успешная доставка американских астронавтов на новом космическом корабле «Dragon» на МКС

оказалась для США очень важным прорывом, поскольку они смогли преодолеть то отставание, которое было у них по пилотируемым полетам в космос в последние годы. Однако этот полет не стал существенным прорывом в мировом масштабе, и, более того, лишь позволил им сделать то, что они успешно умели делать десятилетия тому назад. Что же до полетов на Луну, то, в отличие от ситуации полувековой давности, в наши дни все проекты подобного рода пока никак не могут сдвинуться с мертвой точки. Таким образом, во многих секторах высокотехнологичного производства страна пытается догнать саму себя полувековой давности, причем по большей части безуспешно.

В развитии автоматизированных производств, когда американские роботы в конкурентной борьбе одолеют китайских рабочих, ожидаемый успех тоже пока не достигнут. Например, «Форбс» [см.: 13] сообщает о том, что компания Adidas объявила о приостановке производства на роботизированных заводах в США и Германии. Adidas заявляет, что технологии, которые применялись на заводах в Ансбахе и Атланте, будут перевезены в Азию, где они будут использоваться более эффективно и гибко. Как отмечают аналитики «Блумберг», принятое Adidas решение стало шагом назад для тех, кто надеялся, что такие проекты будут началом «новой эры производства» в Европе и Северной Америке. Это, конечно, частный случай, но достаточно выразительный.

Нельзя, конечно, сказать, что роботизация промышленности и сектора услуг в США и мире в целом вообще не развивается. «По оценкам Всемирного экономического форума, в 2018 г. порядка 29 % всех рабочих часов приходилось на роботов, к 2025 г. эта доля превысит половину. Роботы уже сейчас выполняют, например, 47 % всех задач, связанных с обработкой информации, и 31 % работ, связанных с физическим трудом. Темпы роботизации производств за последние пять лет (с 2014 по 2018 г.) составляют в среднем в мире почти 20 % в год, следует из данных International Federation of Robotics (IFR)» [14]. То обстоятельство, что темпы роботизации информационного труда опережают темпы роботизации физического труда, ставит под угрозу реализацию модели сервисного общества, поскольку на настоящий момент информационные работники составляют значительную часть всех работников сферы услуг. Последовательное развитие такой тенденции ведет нас скорее к безработному, чем сервисному обществу. Однако в настоящий момент более значимо здесь другое. Хотя показатель роботизации промышленности США выше среднемирового, тем не менее в расчете на душу населения Америка существенно уступает новым индустриальным странам (217 роботов на 10 тыс. чел. против 831 у Сингапура и 774 у Южной Кореи) [см.: 14]. Так что провозглашаемый теоретиками постиндустриализма лидер постиндустриального развития не является флагманом роботизации. Если же говорить о перспективах постиндустриального перехода в целом, то именно роботизация представляется сейчас наиболее перспективным фактором выхода на новую ступень развития производительных сил, но провозглашать этот факт свершившимся представляется преждевременным.

Теперь стоит рассмотреть приведенный выше аргумент Э. Тоффлера [см.: 2], который среди признаков и составных частей постиндустриального перехода называет технологическую революцию в энергетике – переход к более широкой энергетической базе, подразумевающей развитие новой, или зеленой энергетике (использование возобновляемой энергии ветра, солнца, приливов, геотермальных вод, биомассы и т. п.), а также новых форм ядерной энергетике. Предполагается, что это позволит решить проблему дефицита энергии. Это сильный аргумент, поскольку касается энергетического базиса производительных сил, соответственно может свидетельствовать о выходе производительных сил на качественно более высокий уровень. Однако с новыми, да и со старыми формами ядерной энергетике, как уже было отмечено, в США наблюдаются серьезные проблемы – многие имевшиеся ранее компетенции были за последние годы утрачены, а новые не сформированы. С развитием альтернативной энергетике, казалось бы, такой проблемы нет. Здесь можно упомянуть, с одной стороны, так называемую сланцевую революцию, с другой – активное развитие зеленой энергетике. Однако, как показали события 2020 г., сланцевая добыча энергоносителей относительно рентабельна лишь при очень высоких ценах на нефть и газ, по всей видимости, не менее 80 USD за баррель нефти. При 40 USD за баррель добыча начинает обвально сокращаться, скважины закрываются ввиду их катастрофической нерентабельности. И это не считая побочных издержек в виде экологических проблем, вызываемых использованием метода гидроразрыва. Да и в целом данная отрасль экономики США оставалась хронически убыточной за редким исключением с самого своего возникновения, поддерживая свое существование за счет дешевых кредитов. К тому же сама по себе сланцевая добыча нефти и газа не представляет собой действительной революции в энергетике, так как продуктом использования новых методов добычи выступают вполне традиционные для индустриального технологического уклада невозобновляемые углеводородные источники энергии.

Несколько сложнее обстоит дело с возобновляемой энергетикой. С одной стороны, можно сказать, что энергия солнца и ветра – это древнейшие источники энергии для человечества, которые широко использовались еще в доиндустриальную эпоху. С другой, ветрогенерация электроэнергии – это, очевидно, все же иной технологический уровень использования энергии ветра, чем его использование ветряными мельницами и парусными судами. То есть учитывая то, что производится именно *электро*энергия, и что производится она при помощи возобновляемых источников, это в принципе можно считать за революцию в энергетике. Так что не удивительно, что зеленая энергетика вызвала немалый энтузиазм у правительств развитых стран, которые стали активно продвигать ее у себя. Однако развитие это достигалось преимущественно за счет правительственных субсидий, что свидетельствует о слабости данного проекта с рыночной точки зрения. На настоящий момент времени зеленая энергетика дороже традиционной, так что, как правило, чем выше ее доля в энергобалансе страны, тем выше цена электричества для потребителей. Реализация подобных планов перехода к новой энергетике

столкнулась с серьезной критикой специалистов. Они указывают, что одна из особенностей солнечной и ветровой энергетики – это то, что «затраты на передачу значительно выше, чем у других видов электроэнергетики», в том числе потому, что «по сравнению с традиционным производством, как правило, существует большое расстояние между тем, где возобновляемые источники энергии производятся и где они потребляются» [15]. Также проблема связана с тем, что данные источники энергии являются прерывистыми, то есть нестабильными. Например, ветровые электростанции не производят энергии, если нет ветра. Также солнечные электростанции производят основную часть энергии не тогда, когда она особенно нужна – в холодные и малосолнечные дни, а наоборот – тогда, когда ее не требуется в таких объемах. Отсюда возникает потребность в хранении энергии, которая сейчас решается путем строительства крупных аккумуляторных станций, что крайне дорого и плохо с экологической точки зрения. В результате так называемая «зеленая» энергетика оказывается в конечном счете крайне дорогой и экологически недружественной. «Виды энергии, производимой ветром и солнцем, не являются теми видами энергии, которые нужны экономике. Ветер и солнечная энергия производят прерывистое электричество, доступное только в определенное время и в определенных местах. То, что нужно мировой экономике, – это разнообразие различных типов энергии, которые соответствуют энергетическим требованиям многих устройств, существующих сегодня в мире. Эта энергия должна быть транспортирована в нужное место и сохранена в нужное время суток и в нужное время года» [15].

Итак, можно согласиться с Э. Тоффлером, что с теоретической точки зрения энергетическая революция является признаком выхода на новую стадию развития производительных сил. Однако на практике мы таковой не обнаруживаем. На настоящий момент в развитых странах Запада, в частности в США, предпринимаются некоторые попытки свершить энергетическую революцию, пока что по большей части неудачные. Таким образом, данный критерий свидетельствует против гипотезы о переходе к постиндустриальной экономике и формированию нового общества. Причем то, что энергетическую проблему пока не удалось успешно решить, в перспективе станет негативно сказываться на процессе дальнейшей роботизации промышленности, существенно его тормозя.

К обоснованию постиндустриального перехода можно подойти и с другой стороны. В предыдущей работе [см.: 1] нами была рассмотрена слабая версия теории нового общества, основу которой составляют концепции информационного и сервисного общества. Напомним, что суть ее состоит в том, что постиндустриальная страна (в качестве образцового случая обычно рассматриваются США) – это та страна, которая превратилась из «мировой фабрики» в «мировой офис». Применительно к США факт такого перехода доказывается ссылками на статистику, которая демонстрирует прогрессирующее преобладание доли сервисного сектора в ВВП и занятости. Как указывает Д. Белл [см.: 4], в начале XX века только около трети работников в США были заняты в сфере услуг, к 1940 г. их число сравнялось с числом

занятых в материальном производстве, а в 1970-е гг. их доля в структуре занятости составляла уже 2/3. В настоящее время (по данным на 2017 г.) состав ВВП в разбивке по секторам происхождения выглядит следующим образом: сельское хозяйство – 0,9 %, промышленность – 19,1 %, услуги – 80 % [см.: 16]. Определенно, факт перехода к сервисной экономике, который подчеркивает концепция сервисного общества, имеет место быть, так что данную концепцию можно считать эмпирически подтвержденной.

Возникает, тем не менее, вопрос о том, как это стоит интерпретировать. Можно выдвинуть предположение, что, хотя критерии сильной версии постиндустриализма пока не реализованы, реализация слабой версии создает необходимый фундамент для будущего перехода к полноценному постиндустриальному обществу. То есть информационное и сервисное общество – это пока характеристики позднего модерна, модели, описывающие развитые страны, отказавшиеся от индустриальной специализации в пользу нематериального производства. И хотя само по себе это еще не означает перехода к постиндустриальному обществу, однако создает предпосылки для этого. Гипотетически можно представить себе ситуацию, когда опережающее развитие сервисного сектора представляет собой прогрессивный сдвиг в развитии производительных сил.

Действительно, сервисизация сервисизации рознь. Так, например, один из самых высоких уровней относительного развития сектора услуг в экономике (81,9 %) демонстрирует такая слаборазвитая и бедная страна как Джибути. Тем не менее, гипотетически можно представить себе ситуацию прогрессивного сервисного перехода, которую собственно и предлагает слабая версия постиндустриальной теории. Эта модель предполагает, что в данной стране происходит рост социального сектора, обслуживающего различные потребности местного населения – здравоохранения, образования, социального обеспечения, а также увеличивается число парикмахеров, барменов, учителей йоги, массажистов, певцов, домашних работников и т. п. Но одновременно с этим происходит развитие экспортоориентированного сервисного сектора, позволяющего избежать отрицательного торгового сальдо, а именно отраслей, направленных на предоставление иностранным клиентам услуг в сфере финансов, менеджмента и маркетинга, НИОКР и ИТ. Правда при этом только две последние позиции могут быть названы истинно *постиндустриальными*, так как на оказании финансовых и торговых услуг специализировались еще итальянские города-государства в доиндустриальную эпоху.

Теперь посмотрим, реализовался ли вариант прогрессивной сервисизации в США. Определенно, сервисная специализация США в международном разделении труда достаточно выражена – значительную часть экспортных доходов обеспечивает оказание финансовых услуг, экспорт развлекательного контента (кино и музыка), продукции сферы ИТ и НИОКР. Возникает предположение, что специализация на передовых и перспективных сервисных направлениях экономической деятельности в рамках системы международного разделения труда может послужить своеобразным трамплином для последующего полноценного перехода на качественно более высокую ступень

развития производительных сил. Попробуем оценить обоснованность такого предположения.

Теоретическим обоснованием потенциальной возможности такого развития событий выступает проведение исторической аналогии с ситуацией промышленного переворота в Англии. Ключевой предпосылкой индустриализации Великобритании с экономической точки зрения стала аграрная революция, то есть существенный рост производительности сельского хозяйства в период, непосредственно предшествовавший началу промышленного переворота. Это происходило как в самой Британии, так и в других европейских странах, а также в России, что дало Британии возможность перейти к специализации на производстве промышленных товаров: значительная их часть производилась для продажи на рынках аграрных стран, а часть полученной прибыли использовалась для покупки у них продовольствия. Аграрная революция создала потенциальный спрос на промышленные товары, когда существовал потенциал дальнейшего роста сельскохозяйственного производства, но смысла в этом не было, так как прочие страны тоже были сельскохозяйственными. Британия же ответила на этот потенциальный спрос, предложив массу промышленных товаров, чем стимулировала дальнейшую интенсификацию сельскохозяйственного производства в Восточной Европе, чьи помещики в обмен на излишки своих продовольственных продуктов теперь могли получать продукцию английской промышленности. Как показали теоретики миросистемного подхода, это привело к усилению различий между странами ядра, полупериферии и периферии миросистемы, когда такое международное разделение труда стимулировало рост производительности труда в сельском хозяйстве других стран, но подавляло развитие их промышленности. Тем не менее в дальнейшем промышленный переворот все-таки распространился и в других странах. Так что получается, что первоначальная промышленная специализация одной страны в международном разделении труда стала прологом к последующей повсеместной индустриализации, то есть стадийному переходу в развитии производительных сил.

Данный исторический прецедент наводит на обоснованное, на первый взгляд, предположение, что, действительно, специализация США на передовых и перспективных направлениях экономической деятельности в рамках системы международного разделения труда потенциально может стать предпосылкой для последующего перехода на качественно более высокую ступень развития производительных сил. Индустриализация новых индустриальных стран создает условия, аналогичные условиям аграрной революции, позволяя передовой стране сконцентрироваться на наиболее перспективных сферах экономической деятельности. Соответственно можно предположить, что нынешняя специализация США, способствующая их постиндустриальному переходу, становится прологом к будущему постиндустриальному переходу миросистемы в целом.

Рассмотрим теперь, так ли обстоит дело на практике. Действительно, нельзя игнорировать факт сокращения доли занятости в промышленности и

роста доли занятости в сфере услуг, на который указывают сторонники концепции сервисного общества. Однако возникает вопрос, что скрывается за этим ростом сервисной занятости, какого рода сервисизация происходит в США – прогрессивная или деградирующая? В период становления постиндустриальной теории вменяемые показатели для отслеживания этого аспекта занятости в США отсутствовали. И только недавно в Корнельском университете разработали новый индекс для оценки базового здоровья рынка труда [см.: 17]. Cornell-CPA US Private Sector Job Quality Index отслеживает соотношение высокооплачиваемых рабочих мест к низкооплачиваемым на ежемесячной основе, начиная с 1990 года. Этот индекс демонстрирует прогрессирующее снижение качества рабочих мест в сфере услуг. Во все большей степени увеличение доли рабочих мест происходит в подсекторах рабочих мест самого низкого качества – в частности, в розничной торговле, досуге и гостиничном бизнесе, административной деятельности, управлении отходами и услугах в области здравоохранения и социальной помощи. Хотя не все должности в этих подсекторах имеют низкое качество, подавляющее большинство должностей в них предлагают меньше, чем средний недельный доход всех рабочих мест в США. «Что привело нас сюда? – задаются вопросом журналисты издательства Блумберг. – Глобализация и аутсорсинг производства промышленных товаров – это, безусловно, один из виновников. Но наше десятилетнее урезание федеральных расходов на ремонт и строительство новой внутренней инфраструктуры... конечно, не помогло» [17].

Особенно интересная ситуация складывается с подлинно постиндустриальным сектором экономики – НИОКР. В США, когда они начали проводить постиндустриальную политику, предполагали, что наиболее передовые и перспективные НИОКР будут воплощаться в самих США. Теоретики постиндустриализма обещали, что, выводя материальное производство за рубеж, США не утратят своей экономической мощи, поскольку будут продолжать подниматься вверх по стоимостным цепочкам, усиливая свою специализацию на высокотехнологичных отраслях с высокой добавленной стоимостью. Предполагалось, что чем сильнее будет развиваться производство в новых индустриальных странах, тем богаче будут становиться США, получая все больше дохода от интеллектуальной ренты. Однако «технологические инновации коренным образом отличаются как от научных открытий, так и от инжиниринговых изобретений. Роль инноваций заключается в трансформации обещающих изобретений и открытий в новые товары или технологические процессы, чтобы удовлетворить определенные социальные потребности с помощью передовых ноу-хау. Для создания богатства и обеспечения национальной безопасности страна должна генерировать инновации. В противном случае крупные государственные инвестиции в НИОКР оказываются простым субсидированием НИОКР других стран, которые организуют производство и получают прибыль от полученных результатов» [10].

Все сказанное выше не стоит, конечно, воспринимать как утверждение, что США полностью деградировали в технико-экономическом плане. Это все

еще одна из развитых стран мира, обладающая преимуществами во многих сферах и многими ключевыми технологиями. Однако случай с китайской информационной корпорацией Huawei, первой представившей технологию связи 5 G, с которой правительство США борется нерыночными методами, свидетельствует, что даже в IT-технологиях – традиционном бастионе американского технологического превосходства – уже нет былого явного лидерства. Так что хотя общее технологическое лидерство за США пока сохраняется, имеются негативные тенденции и, вопреки прогнозам теоретиков постиндустриализма, преимущество данной страны уменьшается, а не возрастает. В частности, наблюдается постепенное отставание американской инженерной школы, прежде занимавшей лидирующие позиции в мире. Это связано с падением престижа профессии инженера и соответствующего образования, когда наиболее перспективные выпускники школ предпочитают идти учиться и работать юристами, менеджерами и т. п., а инженеров на американские предприятия приходится переманивать из других стран. Последствия подобного можно наблюдать на примере постоянных скандалов с продукцией фирмы Boeing, еще недавно являвшейся практически монополистом на рынке пассажирского авиастроения. По достаточно оптимистичным утверждениям аналитиков ЦРУ, «США имеют самую технологически мощную экономику в мире, с ВВП на душу населения в размере \$59,500. Американские фирмы находятся на переднем крае или почти на переднем крае технологических достижений... однако их преимущество сузилось после окончания Второй мировой войны» [16]. Получается парадоксальная картина: чем чаще и увереннее говорят о переходе США на постиндустриальную стадию развития, тем слабее и неувереннее становится американское технологическое лидерство, плавно переходя в промышленное отставание от передовых индустриальных стран.

Привел к этому вовсе не естественный ход событий, а сознательно реализуемая стратегия, ставшая результатом политического выбора. Элвин и Хейди Тоффлеры не зря дали своей книге «Создание новой цивилизации» подзаголовок «Политика Третьей Волны». Этим они подчеркнули значимость политического выбора для успешности постиндустриального перехода, а также острый конфликт, который связан с таким решением. Постиндустриализм не сможет, по их мнению, успешно развиваться, пока ему препятствует индустриализм, а индустриализм как технологический уклад не исчезнет сам собой, без государственных усилий. «Теперь, когда мы осознали, что между сторонниками сохранения индустриализма и сторонниками его вытеснения бушует ожесточенная борьба, у нас есть новый инструмент для изменения мира» [18, с. 22]. Этот инструмент – политические решения, способствующие ослаблению политических и экономических позиций индустриалистов и освобождающие пространство и ресурсы для постиндустриальных секторов экономики. Реакционеры, несомненно, будут сопротивляться, но революционеры находятся на правильной стороне истории, их усилия поддерживаются всей логикой прогресса. «Конфликт между Второй и Третьей Волной является, в сущности, основной причиной политического напряжения в

сегодняшнем обществе... С одной стороны, мы видим приверженцев индустриального прошлого, с другой – растущие миллионы тех, кто понимает, что большинство важных мировых проблем больше не могут быть решены в рамках индустриального порядка. Этот конфликт и есть “суперборьба” завтрашнего дня» [18, с. 21].

В рассуждениях подобного рода имеется определенная логика. Стоит согласиться, что вечно сохраняться традиционный индустриальный уклад не может, в частности из-за ресурсных ограничений, о которых писали эксперты Римского клуба еще в 1970-е годы. Действительно, невозобновляемые ресурсы постепенно исчерпываются, что делает проблематичным бесконечный индустриальный рост в его прежних формах. Так что развитие новых технологий в энергетике и промышленности, способных преодолеть данные ограничения, является весьма актуальной задачей. Также в определенной мере обоснованным выглядит и положение о том, что капитал, воплощенный в устаревающих технологиях, и связанные с ним социальные группы могут выступать тормозом технико-экономического развития. Нередко препятствием для развития более высокого технологического уклада становится наследие прежнего уклада, когда ограниченные ресурсы поглощаются предприятиями этого устаревшего уклада, а государственные инвестиции под влиянием лобби, связанного с прежним укладом, вкладываются в инфраструктуру вчерашнего дня. Отсюда иногда возникает ситуация, именуемая экономистами «преимуществом отсталости», когда страна, не достигшая высот в развитии инфраструктуры и технологий прежнего уклада, опережает конкурентов при переходе к новому укладу. Отсюда можно понять логику американских постиндустриалистов, в частности того же Э. Тоффлера, которые добивались либерализации внешнеторговых правил в конце XX века, способствовали вывозу устаревших, как им казалось, индустриальных производств в Китай и прочие новые индустриальные страны. По их задумке это должно было очистить пространство для развития новых постиндустриальных секторов и технологий в самой Америке.

Однако итоги развития США последних десятилетий показывают, что в эти рассуждения, либо же в практику их конкретного воплощения в жизнь закрались какие-то ошибки. Примером такой относительно частной ошибки, повлекшей существенные последствия, выступает выбор стратегии развития энергетики, предполагающей приоритет прерывистой генерации, о чем говорилось ранее. Но имеется и более фундаментальная причина такого развития событий, которая связана с политическим выбором стратегии развития.

В 1970-е гг. корпоративный капитал в капиталистических странах оказался в сложном положении: рост заработной платы работников и рост налогов для выполнения государством своих социальных функций ограничивали накопление капитала и снижали норму прибыли. Выход был найден в проведении политики неолиберализма (лучше сказать, ультралиберализма) на национальном уровне и фритредерства на международном. Информационная революция призвана была обеспечить

технологический базис для глобализации. Г. Шиллер [см.: 19] указывает, что информационная революция, в частности, развитие СМИ используется американскими корпорациями для построения транснациональной империи: для рекламы своих продуктов по миру, и шире, для пропаганды американского образа жизни и либерального капитализма. Так, развитие телевидения и киноиндустрии способствует достижению частных планов отдельных капиталистов – позволяет создавать новые рынки сбыта конкретных товаров, а также общих целей капиталистического класса в целом – способствует пропаганде гедонизма и потребительства. Развитие глобальных информационных сетей позволило многонациональным корпорациям (МНК) прежних лет перейти к глобально ориентированным стратегиям и превратиться в современные транснациональные корпорации (ТНК). Достижения информационной революции служат, таким образом, для более выгодного размещения капиталов по всему свету, для контроля над разветвленной сетью филиалов и контроля над общественным сознанием.

Ультралиберальная политика в краткосрочном плане оказала позитивное воздействие на американскую экономику. Снижение налогов и ограничение роста заработной платы позволило увеличить накопление капитала. Расширение транснациональной деятельности корпораций дало им возможность освоить новые рынки сбыта, привлечь капиталы иностранных инвесторов. Однако в долгосрочном плане последствия оказались скорее негативными. У. Бек пишет о том, что теперь интересы ТНК и граждан государств, где у них находятся штаб-квартиры, все больше расходятся. «Что хорошо для “Дойче банк”, давно уже нехорошо для Германии» [20, с. 19], говорит он, обыгрывая известную фразу: «что хорошо для “Дженерал моторс” – хорошо для Америки». Действительно, в рядах капиталистического класса произошел раскол на глобалистов и национально ориентированных капиталистов, причем вторые стали постоянно проигрывать первым в борьбе за влияние. Если говорить о социальных последствиях неолиберальной политики, то нужно отметить, что в США рост экономики обогатил 10 % населения, которые получили 96 % дополнительных доходов [20, с. 17], в то время как благосостояние 80 % населения США за последние два-три десятилетия не выросло, а благосостояние нижней трети населения даже снизилось.

Но в рамках темы нашего исследования более принципиален другой факт – деиндустриализация, разрушение физической экономики США. Дж. Тенненбаум [см.: 21] говорит о том, что это разрушение началось приблизительно тридцать лет назад под знаменем перехода к «постиндустриализму». С конца 1970-х гг. начался вывод средств из сферы производства в сферу финансовых операций. Эти процессы ускорились по мере развития информационной революции и начала глобализации. Американские города действительно все больше превращаются в информационно-сервисные, финансовые центры, практически полностью деиндустриализованные. Но это связано не с постиндустриальным переходом, как утверждают апологеты постиндустриализма, а с глобализацией, с вывозом капитала, когда производство уходит в Китай и Мексику. Причем, как уже говорилось ранее,

расчеты, что избавление от «старой» индустрии путем ее вывода за рубеж позволит обеспечить успешное развитие индустрии «новой», то есть высокотехнологичных производств и НИОКР, не оправдались. Следствием деиндустриализации становится не прогрессивное хозяйственное и социальное развитие, а деградация народного хозяйства и вызываемые этим социальные проблемы. В частности, происходит изнашивание социальной инфраструктуры, так как государство сокращает ассигнования на образование и здравоохранение. Это препятствует реальному переходу к обществу знаний, поскольку растет доля малограмотного населения. Лакмусовой бумажкой для определения состояния технической инфраструктуры стал ураган Катрина в 2006 г. Тогда оказалось, что государство не в состоянии обеспечить экстренный масштабный вывод беженцев из затопленного Нового Орлеана, так как железнодорожная инфраструктура оказалась разрушена. Но разрушителем ее стала не стихия: в результате либеральных реформ, приватизации и закрытия «нерентабельных» участков железной дороги в США больше нет единой железнодорожной сети. Само же затопление явилось следствием недофинансирования ремонта дамб.

Все это очень похоже на то, что происходило в России в 1990-х гг. Однако если в случае России это можно было списать на кризис индустриализма (постиндустриальные страны более эффективны в традиционной индустриальной деятельности, чем страны, не вышедшие на новую стадию развития), то с США такая отговорка не проходит (ведь они, как правило, рассматриваются в качестве эталона постиндустриального общества). Поэтому более адекватной представляется трактовка информационной революции не как основания перехода к постиндустриальной стадии, а как технологической предпосылки глобализации. Она позволяет ТНК успешно уходить от социальных обязательств, минимизировать налоговые отчисления, манипулировать производственными мощностями с целью максимизации прибыли. В целом же происходит не выход развитых стран на новую прогрессивную стадию развития производительных сил, а изменение географического размещения производственных мощностей, углубление специализации стран на разных стадиях производственного цикла: есть сырьевые страны, страны, предоставляющие трудовые ресурсы, и страны, предоставляющие для обобществленного в мировом масштабе производства финансовые ресурсы.

Итак, стоит признать, что постиндустриальная теория выступила как правдоподобный прогноз выхода общества на новую ступень развития производительных сил и обоснование необходимости развивать и внедрять новые технологии постиндустриального технологического уклада. В этом состоит ее позитивный вклад в теорию социально-экономического развития. Действительно происходит постепенное развитие и внедрение технологий, которые потенциально могут стать основой постиндустриального технологического уклада (роботы, ИТ, искусственный интеллект, биотехнологии и т. п.). Однако энтузиасты постиндустриализма преувеличивают реальный уровень развития и актуальную значимость этих технологий, не образовавших

пока целостной технологической системы качественно нового уровня по сравнению с индустриальной. Помимо некоторой поспешности в провозглашении наступления новой эры, теорию постиндустриального общества можно обвинить в том, что ее основные версии на практике стали обоснованием и оправданием деиндустриализации, реальным последствием которой стало не освобождение пространства для развития новых постиндустриальных производств, как это провозглашалось, а вывоз капитала, обеспечивший ускоренное развитие новых индустриальных стран и обогащение представителей транснационального финансового капитала. Таким образом, провозгласив необходимость и неизбежность перехода к постиндустриализму, его теоретики обосновали идеологию и стратегию, которые на практике препятствуют такому переходу. В частности, постиндустриальная теория стала обоснованием политики неолиберальных реформ. Сформированные в ходе их проведения институты не стали благоприятной институциональной средой развития передовых производств, науки и технологий. Вместо качественного скачка в развитии производительных сил бывшие развитые индустриальные страны под успокоительные разговоры о постиндустриализме провели деиндустриализацию, превратившись в страны со штабными экономиками.

На настоящий момент времени постиндустриальный переход выглядит возможным, но вовсе не predetermined направлением развития общества. Потенциально возможный постиндустриальный технологический уклад предполагает такое развитие производительных сил, когда произойдет формирование целостной системы технологий нового уровня – переход на новую энергетическую базу, повсеместная автоматизация и роботизация, дополненные информатизацией, развитием биотехнологий и т. д.; в перспективе – развитие Интернета вещей, а возможно (хотя и маловероятно) и сильного искусственного интеллекта. Пока не известно, что из этого можно будет реализовать в ближайшие годы, а что, может быть, окажется принципиально не реализуемым. В частности, тотальному распространению роботизации может воспрепятствовать неспособность решить проблему энергообеспеченности, поскольку чем больше роботов, тем больше потребность в электроэнергии. Еще более серьезным препятствием может стать деглобализация – конфликт ведущих держав, ведущий к разрушению устоявшейся системы международного труда, когда мировой рынок распадется на ряд региональных рынков. К развитию роботизации подталкивает существование глобального рынка сбыта, обеспечивающего спрос на массово производимые стандартные товары. Протекционизм, возвращающий нас в ситуацию относительно замкнутых национальных или регионально-блоковых рынков сбыта, может привести к тому, что для окупаемости роботизированного производства просто не будет достаточных рынков сбыта.

Разработка адекватной постиндустриальной теории, способствующей прогрессу производительных сил, пока еще остается актуальной, но нерешенной задачей, как и сам постиндустриальный переход. В перспективе этот переход будет включать в себя не только выход производительных сил на качественно более высокую ступень развития, но и соответствующее изменение

социальных отношений. В данной работе основной упор делался на анализе состояния производительных сил, наиболее наглядно отражающих степень реализации постиндустриальных прогнозов. Однако действительный выход производительных сил на новую ступень развития неизбежно подразумевает необходимость адаптации всех социальных институтов к новым условиям. Задачи поддержания в рабочем состоянии новой технологической инфраструктуры означают определенные требования к системе образования, которая должна эффективно готовить соответствующих специалистов, к системе государственного и муниципального управления, системе социального обеспечения и т. д. Постиндустриальный переход будет означать также революцию в военном деле, отдельные элементы которой просматриваются сейчас в разработке так называемой сетцентрической стратегии боевых действий. Она подразумевает дистанционное управление различного рода боевыми роботами и беспилотниками, которое в перспективе, видимо, будет передано искусственному интеллекту. Постиндустриальный переход не будет означать автоматического решения всех социальных проблем. Напротив, можно ожидать возникновения новых острых проблем, способы борьбы с которыми пока неясны. Например, в случае активного развития роботизации, включая сюда информационных роботов, общество может столкнуться с проблемой массовой безработицы, когда множество людей окажется не готово к новым требованиям рынка труда и не сможет найти на нем место для себя. Эффективная постиндустриальная теория должна уже сейчас оценить возможные проблемы и попытаться заранее разработать пути их решения, чтобы постиндустриальный переход не стал социальной катастрофой.

Список литературы

1. Трубицын О. К. Критерии выхода общественного развития на стадию постмодерна // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – 3 (29). – С. 18–35. – URL: <http://fikio.ru/?p=4125> (дата обращения 10.12.2020).
2. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 784 с.
3. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. – М.: Academia – Наука, 1998. – 640 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Академия, 1999. – 956 с.
5. Kahn H., Wiener A. J. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. – London: MacMillan, 1967. – 431 p.
6. Иконникова Г. И. Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ). – М.: Мысль, 1975. – 221 с.
7. 11 показателей для 11 стран мира с 1950 года (I часть) // Инфоцентр AfterShock. Каким будет завтра? – URL: <https://aftershock.news/?q=node/763326> (дата обращения 10.12.2020).
8. Kota S., Mahoney T. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing // The American Society of Mechanical Engineers. – URL:

[https://www.asme.org/getmedia/d3312fef-038a-4320-b8b7-e4ba160b2a20/reclaiming-americas-leadership-in-mfg-2019-\(1\).pdf](https://www.asme.org/getmedia/d3312fef-038a-4320-b8b7-e4ba160b2a20/reclaiming-americas-leadership-in-mfg-2019-(1).pdf)

(дата

обращения 10.12.2020).

9. Cohen S., Zysman J. Why Manufacturing Matters: The Myth of the Post-Industrial Economy // Southern Economic Journal. – 1988. – № 54(3). – pp. 97–103. DOI: 10.2307/1059037.

10. Кондратьев В. Б. Проблемы деиндустриализации в США // Перспективы. Электронный журнал. – 2019. – № 3 (19). – С. 130–147. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/problems_deindustrializacii_v_ssha_2019-10-09.htm (дата обращения 10.12.2020). DOI: 10.32726/2411-3417-2019-3-130-147.

11. Брекотин С. Четыре технологии, которые США утратили // Инфоцентр AfterShock. Каким будет завтра? – URL: <https://aftershock.news/?q=node/794752> (дата обращения 10.12.2020).

12. Самофалова О. США объявили новую энергетическую войну России // Взгляд. Деловая газета. – URL: <https://vz.ru/economy/2020/4/24/1036154.html> (дата обращения 10.12.2020).

13. Минак К. Adidas приостановит роботизированное производство в США и Германии // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/387163-adidas-priostanovit-robotizirovannoe-proizvodstvo-v-ssha-i-germanii> (дата обращения 10.12.2020).

14. Где больше всего роботов // Эконс. Экономический разговор. – URL: <https://econs.online/articles/details/gde-bolshe-vsego-robotov/> (дата обращения 10.12.2020).

15. Tverberg G. How Renewable Energy Models Can Produce Misleading Indications // Our Finite World. – URL: <https://ourfiniteworld.com/2019/10/24/how-renewable-energy-models-can-produce-misleading-indications> (дата обращения 10.12.2020).

16. North America: United States // The World Factbook – Central Intelligence Agency. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html> (дата обращения 10.12.2020).

17. Alpert D., Hockett R. C. The Jobs Market Isn't as Healthy as It Seems // Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-12-19/u-s-jobs-market-isn-t-as-healthy-as-it-seems> (дата обращения 10.12.2020).

18. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Создание новой цивилизации. Политика Третьей Волны. – Новосибирск: Сибирская молодежная инициатива, 1996. – 104 с.

19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 400 с.

20. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

21. Калашников М., Тенненбаум Дж. Штаты на распутье // ЦентрАзия. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1153995840> (дата обращения 10.12.2020).

References

1. Trubitsyn O. K. Criteria for Entering the Postmodern Stage of Social Development [Kriterii vykhoda obschestvennogo razvitiya na stadiyu postmoderna]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in the Information Society), 2020, no. 3 (29), pp. 18–35. Available at: <http://fikio.ru/?p=4125> (accessed 10 December 2020).
2. Toffler A. The Third Wave [*Tretya volna*]. Moscow: AST, 1999, 784 p.
3. Inozemtsev V. L. Outside the Economic Society [*Za predelami jekonomicheskogo obshchestva*]. Moscow: Academia; Nauka, 1998, 640 p.
4. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.
5. Kahn H., Wiener A. J. *The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years*. London: MacMillan, 1967, 431 p.
6. Ikonnikova G. I. Theory of “Post-Industrial Society”. The Future of Humanity and Its Bourgeois Interpreters (Critical Analysis) [*Teoriya “postindustrialnogo obschestva”. Budushee chelovechestva i ego burzhuaiznye tolkovateli (Kriticheskiy analiz)*]. Moscow: Mysl, 1975, 221 p.
7. 11 Indicators for 11 Countries of the World since 1950 (Part I) [*11 pokazateley dlya 11 stran mira s 1950 goda (I chast)*]. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/763326> (accessed 10 December 2020).
8. Kota S., Mahoney T. *Reclaiming America’s Leadership in Advanced Manufacturing*. Available at: [https://www.asme.org/getmedia/d3312fef-038a-4320-b8b7-e4ba160b2a20/reclaiming-americas-leadership-in-mfg-2019-\(1\).pdf](https://www.asme.org/getmedia/d3312fef-038a-4320-b8b7-e4ba160b2a20/reclaiming-americas-leadership-in-mfg-2019-(1).pdf) (accessed 10 December 2020).
9. Cohen S., Zysman J. Why Manufacturing Matters: The Myth of the Post-Industrial Economy. *Southern Economic Journal*, January 1988, no. 54 (3), pp. 97–103. DOI: 10.2307/1059037.
10. Kondratev V. B. Problems of Deindustrialization in the USA [Problemy deindustrializatsii v SShA]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* (Perspectives. Electronic Journal), 2019, no. 3 (19), pp. 130–147. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/problemy_deindustrializatsii_v_ssha_2019-10-09.htm (accessed 10 December 2020). DOI: 10.32726/2411-3417-2019-3-130-147.
11. Brekotin S. Four Technologies That the US Has Lost [*Chetyre tekhnologii, kotorye SShA utratili*]. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/794752> (accessed 10 December 2020).
12. Samofalova O. The US Has Declared a New Energy War on Russia [*SShA obyavili novuyu energeticheskuyu voynu Rossii*]. Available at: <https://vz.ru/economy/2020/4/24/1036154.html> (accessed 10 December 2020).
13. Minak K. Adidas to Suspend Robotic Production in the US and Germany [*Adidas priostanovit robotizirovannoe proizvodstvo v SShA i Germanii*]. Available at: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/387163-adidas-priostanovit-robotizirovannoe-proizvodstvo-v-ssh-a-i-germanii> (accessed 10 December 2020).

14. Where are the Most Robots [*Gde bolshe vsego robotov*]. Available at: <https://econs.online/articles/details/gde-bolshe-vsego-robotov/> (accessed 10 December 2020).
15. Tverberg G. *How Renewable Energy Models Can Produce Misleading Indications*. Available at: <https://ourfiniteworld.com/2019/10/24/how-renewable-energy-models-can-produce-misleading-indications> (accessed 10 December 2020).
16. *North America: United States*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html> (accessed 10 December 2020).
17. Alpert D., Hockett R. C. *The Jobs Market Isn't as Healthy as It Seems*. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-12-19/u-s-jobs-market-isn-t-as-healthy-as-it-seems> (accessed 10 December 2020).
18. Toffler A., Toffler H. *Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave* [*Sozdanie novoy tsivilizatsii. Politika Tretey Volny*]. Novosibirsk: Sibirskaya molodezhnaya initsiativa, 1996, 104 p.
19. Webster F. *Theories of the Information Society* [*Teorii informatsionnogo obshchestva*]. Moscow: Aspekt Press, 2004, 400 p.
20. Beck U. *What Is Globalization?* [*Chto takoe globalizatsiya?*]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001, 304 p.
21. Kalashnikov M., Tennenbaum J. *States at a Crossroad* [*Shtaty na raspute*]. Available at: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1153995840> (accessed 10 December 2020).

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Итоги Восьмой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества»

Results of the Eighth International Conference “Philosophy and Culture of Information Society”

20–22 ноября 2020 года состоялась Восьмая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества». Конференция была организована кафедрой истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП) совместно с Институтом философии Национальной академии наук Республики Беларусь, Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (техническим университетом) и редакцией журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе». Оргкомитет возглавила ректор ГУАП Юлия Анатольевна Антохина.

На этот раз из-за пандемии коронавируса конференция впервые проходила в заочном режиме. Тем не менее интерес к ней увеличивается с каждым годом. В этом году на конференцию прислали свои материалы 155 авторов – от студентов российских и зарубежных вузов до известных профессоров.

По материалам конференции был издан сборник объёмом более четырехсот страниц. С материалами, опубликованными в нём, можно ознакомиться в [РИНЦ](#), а полную электронную версию сборника можно скачать на странице [веб-библиотеки](#) кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП. В нём прослеживаются тенденции развития сотрудничества ученых, намечавшиеся на наших предыдущих форумах. Среди участников есть те, которые начали сотрудничество с нами уже с первой конференции в 2013 году. Постоянно растет количество участников – студентов и аспирантов вузов России, Польши, Белоруссии, Армении. В студенческих работах оригинально и на достаточно высоком научном уровне рассматриваются проблемы информационного общества, в частности – развития образования в условиях широкого перехода к дистанционным формам обучения.

Международное участие в конференции продолжает расширяться. В этом году в сборнике материалов были опубликованы тезисы 12 коллег из Республики Беларусь. В их работах содержится, в частности, оценка сложной общественно-политической ситуации, сложившейся в 2020 году в Белоруссии.

Анализ результатов конференции позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, осмысление философских и гуманитарных проблем информационного общества привлекает с каждым годом все большее внимание преподавателей вузов, студентов и работников культуры. Формируются новые продуктивные подходы.

Во-вторых, преодолевается разобщенность между учеными разных стран бывшего СССР и разрыв между поколениями исследователей, отчетливо наметившийся в России в 90-е годы XX века.

В-третьих, преподавателям Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения удастся выполнять заметную позитивную роль в организации и проведении исследований по проблемам информационного общества.

*заместитель председателя оргкомитета,
профессор кафедры истории и философии ГУАП,
доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович,*

*учёный секретарь оргкомитета,
доцент кафедры истории и философии ГУАП
кандидат философских наук, доцент Коломийцев Сергей Юрьевич.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Шаблон для оформления статьи можно скачать по ссылке: [шаблон](#). Более подробная информация о требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. Редакция журнала не принимает статьи, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других журналах, а публикуемая статья должна обладать научной новизной и актуальностью. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Редакторы имеют право вносить в статьи исправления, не меняющие их смысл.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf

- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет
- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,25 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации (не аббревиатура), место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание, город, страна. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – коды автора (при наличии): SPIN, ResearcherID, ORCID, ScopusID. Далее приводятся авторское резюме (обычно 100-250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Данная информация, кроме УДК и кодов автора, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ 7.32–2017. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.», «,» и «:». Знаки «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной

Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом <https://translit.ru>: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow: Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya. Tom 1* (Works. Vol. 1). Moscow: Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*K kritike politicheskoy ekonomii*]. *Sochineniya. T. 13* (Works. Vol. 13). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [*Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh*]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. III. Kn. 2* (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [*Printsip dominanty*]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, no. 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SpbGU, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – URL: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. URL: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [*Транслитерированное название статьи курсивом*]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, vol. 41, pp. 309–329. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без дополнительных скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, pp. 102–254.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в

заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки

зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме также необходимо указать дополнительный способ связи с автором (например, телефон).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovip@aanet.ru

SPIN: 0000-1111

Researcher ID: A-0000-1111

ORCID: 0000-1111-2222-3333

Scopus ID: 12345678901

Иванов Пётр Иванович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovpi@aanet.ru

SPIN: 1111-0000

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов (см. п. 7).

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovip@aanet.ru

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

Email: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2020.